

Ю. А. ПЕТРОСЯН

ДРЕВНИЙ ГОРОД НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

Uche chiamato principe
se questi sono abitanti
de Turchi

Turchia

Ю. А. ПЕТРОСЯН
ДРЕВНИЙ
ГОРОД
НА БЕРЕГАХ
БОСФОРА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

ББК л8
П30

Ответственный редактор
М. М. Фрейденберг

Петросян Ю. А.
П30 Древний город на берегах Босфора. Исторические очерки. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986

240 с. ил.

История одного из древнейших городов мира — Византия (позднее Константинополь, а ныне Стамбул). На фоне исторической судьбы города в живой и увлекательной форме рассказывается о его политической и культурной жизни, о народных движениях в разные исторические эпохи; на основе личных впечатлений автор описывает современный Стамбул.

П $\frac{1905020000-105}{013(02)-86}$ 73-86

ББК л8

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немного на нашей планете городов, история которых насчитывает более 25 веков. И еще меньше древних городов, чья биография была бы столь тесно связана с судьбами многих государств и народов, как у Византия — Константинополя — Стамбула — города в двух частях света, сооруженного самой историей моста между Востоком и Западом. Перелистывая страницы его удивительной истории, можно совершить то путешествие в далекое прошлое, которое позволяет отчетливо осознать всю силу человеческого созидания и всю гибельность войн.

Желание написать очерки истории этого города возникло у автора давно, в 1969—1970 гг., во время редактирования брошюры А. Р. Юсупова «Стамбул», посвященной современному Стамбулу и его достопримечательностям (М., 1970). В 1977 г. вышла книга «Город на двух континентах», написанная автором совместно с А. Р. Юсуповым (второе издание — 1981 г.). Эта работа ставила своей целью рассказать как об истории, так и о современной жизни Стамбула, его исторических и архитектурных памятниках.

Предлагаемая вниманию читателя книга целиком посвящена истории Византия — Константинополя — Стамбула. В ней частично использованы главы об истории города, написанные автором для «Города на двух континентах». Автор стремился не только изложить основные факты и события экономической, политической и культурной истории города, но и показать читателю меняющуюся с веками картину его жизни.

Иллюстрации к книге призваны помочь читателю представить себе облик города в разные исторические периоды. Среди них несколько гравюр, на которых за-

печатлена жизнь Стамбула в первой половине прошлого века. Все они выполнены по рисункам, сделанным с натуры английским художником Томасом Алломом (1804—1872), который был известен своими зарисовками картин городского и сельского быта в ряде стран Европы и Азии.

Автор намеренно не задерживает внимание читателя на архитектурном облике Стамбула. Он поставил себе иную цель — дать читателю представление об этапах исторического развития древнего города на Босфоре, о повседневной жизни его обитателей. Если же после знакомства с этой книгой читатель захочет подробнее узнать о его памятниках, сохранившихся до наших дней, то он сможет обратиться к их обзору, содержащемуся в двух упомянутых выше книгах.

Глава I

МЕГАРСКИЕ КОЛОНИСТЫ НА БОСФОРСКОМ МЫСУ

Возникновение первых поселений на остроконачном мысу, омываемом водами Босфора и Пропонтиды (Мраморного моря), относится к VII—VI вв. до н. э., иными словами, к тем временам, когда финикийские и греческие купцы проложили морской торговый путь к берегам Черного моря. Путь этот пролегал через Геллеспонт (Дарданеллы), Мраморное море и Босфор. В ту пору мореплаватели и обнаружили залив, глубоко врезающийся в сушу в месте слияния Босфора и Мраморного моря. Это было отличное место для стоянки судов, их ремонта и отдыха моряков. Можно себе представить, как благодарили судьбу оказавшиеся здесь путешественники, утомленные трудным плаванием. Залив, напоминающий по форме рог, получил название «Золотой Рог».

Пролив Босфор разделяет две части света — Европу и Азию. Линии его европейского и азиатского берегов удивительно совпадают, так же как и характер почв и разрезы скал. Вероятно, когда-то, в далеком прошлом, здесь не было пролива. Природа словно сама решила помочь людям проложить морской путь из Средиземного моря в Черное.

Первое подробное описание Босфорского пролива — «Плавание по Босфору» — составил Дионисий Византийский, автор II или начала III в. н. э. Этот труд является ярким свидетельством того, что удобные гавани, плодородные земли, богатство флоры и фауны босфорских берегов издавна привлекали купцов и мореходов.

Названия проливов связаны с образами греческой мифологии. Слово «Босфор» означает по-древнегречески «коровий брод»: в одном из мифов содержится рас-

сказ о том, что через этот пролив переправилась Ио, дочь Инаха, первого царя Арголиды, превращенная в корову богиней Герой, приревновавшей ее к Зевсу. Древнее наименование Дарданелл, «Геллеспонт» («Море Геллы»), связано с легендой о царевне Гелле, которая погибла в водах пролива, спасаясь от преследований злой мачехи.

Финикийцы именовали Черное море «Ашкенас», т. е. «Море севера», а древние греки стали называть Понтом Евксинским — «Морем гостеприимным». Но море это не сулило мореходам древности безопасного плавания. Названием своим оно скорее обязано было плодородию и изобилию побережья. Во многих легендах и мифах древней Греции отразились представления ее жителей о сказочно богатых странах, лежащих на берегах Понта Евксинского. Миф об аргонавтах свидетельствует о том, что древние греки знали путь через проливы к берегам страны золотого руна — Колхиды. В этом мифе отразилось и знакомство древнегреческих мореходов с опасностями плавания в Босфоре. Широко известна и древняя легенда о Симплегадах — страшных скалах у самого входа в Понт, которые неожиданно сближались и уничтожали проходившие между ними корабли. В ней отразились вполне реальные трудности и опасности пути через проливы.

О морском пути к берегам Понта рассказывали и древние географы. Гекатей Милетский (VI—V вв. до н. э.) в своем «Землеописании» повествовал о плаваниях греческих кораблей в водах Понта. Другой древнегреческий автор, Гелланик (V в. до н. э.), писал о плавании греков по Босфору к берегам Понта Евксинского.

Постепенно проливы превратились в очень важный торговый путь. На берегах Золотого Рога появились первые склады товаров и небольшие греческие поселения. Золотой Рог стал широко известен мореходам не только как безопасная стоянка, но и как место пополнения запасов продовольствия.

В конце VIII в. до н. э. греческие колонисты — выходцы из Мегар, города на Коринфском перешейке, стали заселять берега Пропонтиды и Босфора. Мегары славились изделиями из овечьей и козьей шерсти, а также керамикой из распространенной в тех местах белой глины. Мегарские корабли плавали к Пропонтиде и Понту Евксинскому. Возвращаясь на родину, мегар-

ские купцы везли зерно, ибо продуктами хлебопашества Мегарида была весьма бедна.

В конце VIII в. до н. э. появилась первая мегарская колония на азиатском берегу Пропонтиды — Астак (будущая Никомедия). Несколько позже мегарские колонисты основали на европейском берегу Пропонтиды Селимбрию — там, где некогда существовало фракийское поселение.

В греческой литературной традиции бытует рассказ о том, что еще в начале VII в. до н. э., примерно в 675 г., группа каких-то колонистов из Греции, возможно из Мегар, прибыла к берегам Пропонтиды и начала строительство города на берегах Золотого Рога. Однако вскоре колонисты переправились на азиатский берег Босфора и основали там — буквально напротив ранее избранного ими места — другую колонию, получившую название «Калхедон». Повествовавший об этом Геродот назвал за это калхедонян «слепцами». Однако не слепотой, не ошибкой в выборе лучшего места, а малочисленностью колонистов было вызвано их решение покинуть европейский берег Босфора. Слишком трудной оказалась для них борьба с фракийским населением.

И все же Золотой Рог не переставал манить переселенцев из Греции. Их привлекали отличная естественная гавань, плодородные почвы, богатые леса, обилие рыбы.

Дионисий Византийский упоминал в своем труде о богатых разработках руд в копиях по реке Хрисорас. Не прошло и двух десятилетий после первой попытки греков основать колонию на европейском берегу Босфора, как там высадился новый отряд.

Множество легенд связано с историей выбора места для создания города. Одна из них приписывает эту честь храброму охотнику и воину Византу, сыну бога моря Посейдона и нимфы Кероессы, дочери Зевса и Ио. Дионисий Византийский писал, что названием своим город обязан был Византу — участнику плавания аргонавтов.

Примерно одинаково излагают историю основания Византия древнегреческий историк Геродот (V в. до н. э.) и византийский хронист Евсевий (III—IV вв. н. э.). Приступая к созданию новой колонии, жители городов древней Греции обычно обращались к оракулу, чаще всего Дельфийскому, за одобрением или напутствием. Когда жители Мегар решили создать очередную

колонию, глава будущих колонистов полководец Визант получил от оракула совет построить город на фракийском мысу, где рыба и олени водятся в изобилии.

Прибыв на указанное оракулом место, Визант и его спутники расположились лагерем между устьями двух рек — Кидарис и Барбиссы, воды которых были богаты рыбой; прибрежные леса славились оленьей охотой. Колонисты начали совершать положенное перед закладкой города жертвоприношение. В этот момент прилетел коршун, схватил жертвенное животное и отнес его на вдающийся в Босфор конец мыса. Пастух, находившийся на одном из близлежащих холмов, указал Византу место, куда коршун унес добычу. Визант и его товарищи восприняли случившееся как указание свыше и заложили город на холмистой оконечности Босфорского мыса.

Другая версия принадлежит древнегреческому историку и географу Страбону (ок. 63 г. до н. э.— ок. 20 г. н. э.). Страбон рассказывает, что, когда жители Мегар обратились к Дельфийскому оракулу за советом, где выбрать место для основания новой колонии, тот дал туманный ответ: «Постройте колонию напротив слепых». Смысл его слов стал ясен колонистам только тогда, когда их корабли достигли берегов Босфора. Исследовав местность, Визант сказал своим спутникам, что оракул явно имел в виду колонистов, основавших Калхедон, ибо только слепые могли не оценить бесспорных преимуществ места на мысу между Золотым Рогом и Пропонтидой на европейском берегу Босфора. Напротив Калхедона и начали колонисты строительство города, названного именем Византа. Этот легендарный рассказ наиболее часто встречается в повествованиях греческих и византийских историков.

Так на Босфорском мысу возник и стал быстро расти Византий — город искусных мореходов и рыбаков, предприимчивых купцов, умелых хлебопашцев и ремесленников. Благоприятные природные условия и необычайно выгодное местоположение позволили ему быстро стать крупнейшей греческой колонией на морском пути, соединяющем Пропонтиду и Понт.

Датой основания Византия историческая традиция называет 660 г. до н. э. Она указана в хронике упоминавшегося нами Евсевия.

Грекам пришлось длительное время вести ожесточенную борьбу с населявшими эти края фракийскими

племенами. Фракийцы нападали на греческие суда, на лагерь первых колонистов. Стремясь заманить корабли греков в ловушку, они выставляли на берегах Босфора и Золотого Рога ложные сигнальные огни. Иногда фракийцам удавалось захватывать греческие поселения. Геродот рассказывает о нападении фракийцев, во время которого они захватили греческий город Абдеры на северном побережье Эгейского моря.

Жителям Византия противостояло фракийское племя финов. Воины этого племени были известны своей храбростью. Особенно славились они умением вести бой ночью. Сражения с воинственными соседями оказались тяжелым испытанием для жителей нового города, но удача сопутствовала пришельцам. После ряда кровопролитных сражений большинство фракийцев покинули свои земли и ушли в глубь страны. Оставшиеся признали власть византийцев.

Жители Византия обнесли город стенами, сложенными из огромных четырехугольных каменных блоков, увенчали их сторожевыми башнями и опоясали глубокими рвами. Павсаний (II в.) считал, что только грандиозные стены основанного в IV в. до н. э. греческого города Мессении были крепче византийских. Особенно мощны были стены, ограждавшие Византий со стороны суши, откуда в любой момент можно было ожидать нападения. Их искусная кладка и необычайная крепость нашли отражение в легенде, в которой рассказывалось о том, что они были сооружены с помощью Посейдона и Аполлона. В легендах и преданиях стены Византия назывались «богоданными».

Прекрасный климат Средиземноморья и плодородие земель, окружавших древний Византий, позволили превратить новую колонию в цветущий сад. Рассказывая о природных богатствах края, Дионисий Византийский с восхищением описывал его земли, дававшие богатые урожаи винограда и садовых культур. Здесь было множество финиковых пальм и тутовых деревьев. Лавры, смоковницы и кипарисы украшали сады византийцев. Полибий (III—II вв. до н. э.) называл эту землю плодороднейшей и писал о том, что она приносила богатые урожаи. В лесах в изобилии водились кабаны и олени. Не случайно говорил Дионисий Византийский, что здесь «земля соприкасается с морем». Одним из основных занятий местных жителей было рыболовство. Византийские купцы скоро начали отправлять соленую

рыбу для продажи в другие города. Не беден был край и природными ископаемыми. Древнегреческие историки писали о том, что здесь добывали золото и медь.

Но главным богатством Византия было его местоположение. Город вырос на одной из важнейших торговых артерий античного мира. Здесь со временем пересекутся великий путь «из варяг в греки» и торговые пути из Средней Азии и Индии в Европу. Развитие города и его возвышение были связаны прежде всего с его ролью главного транзитного пункта понтийского торгового пути. И чем более развивалось морское сообщение между городами древней Греции и колониями на берегах Понта Евксинского, тем большее значение приобретал Византий.

Греческие колонии на берегах Понта были торговыми посредниками между Элладой и кочевниками черноморских степей, а также народами, населявшими Кавказ и его черноморское побережье. Из понтийских колоний греческие купцы везли через проливы в Грецию и Малую Азию хлеб и пушнину, корабельный и строевой лес, мед, воск, рыбу и скот. Из городов метрополии они доставляли к берегам Понта вина и оливковое масло, ткани, керамику, другие изделия ремесленников. Важнейшим предметом вывоза из Понта в Грецию в классический период был хлеб. Города древней Греции в этом отношении целиком зависели от припонтийских земель. Груженные столь важным товаром многочисленные торговые суда никак не могли миновать Византия. Быть может, не простым совпадением обстоятельств является тот факт, что новый город возник именно в ту пору, когда города балканской Греции стали испытывать особенную нужду в хлебе, привозившемся из понтийских колоний. На этом «хлебном пути» непременно должен был появиться город, подобный Византию. Создавшие его мегарские колонисты сразу же оказались хозяевами важнейшего транзитного пункта на пути торговцев и мореходов. Одно это сулило Византию быстрое процветание. И город рос и богател. Именно торговля стала основой его бурного развития.

Роль Византия как ключевого пункта на понтийском торговом пути отмечал Полибий: «С моря местность прилегает к устью Понта и господствует над ним, так что ни одно торговое судно не может без соизволения византийцев ни войти в Понт, ни выйти из него. Понт обладает множеством предметов, весьма нужных

для человека, и все это находится в руках византийцев. Так, прилегающие к Понту страны доставляют нам из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, бесспорно превосходнейших; из предметов роскоши они же доставляют нам в изобилии мед, воск и соленую рыбу. От избытка наших стран те народы получают оливковое масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его нам, когда это нужно, то получая от нас. Эллина принуждены были бы или вовсе потерять торговлю всеми этими товарами, или лишиться выгод от нее, если бы византийцы пожелали вредить им, соединившись с галатами или еще больше с фракиянами, или если бы они не жили в тех местах; тогда, несомненно, Понт был бы закрыт для нас по причине узости прохода в него и по многочисленности варварских народов, живущих у берегов».

Но не только торговля была основой быстрого развития и процветания Византия. Ему принадлежали и значительные земельные площади, в том числе на азиатском берегу Босфора. Их обработка также стала источником благосостояния города. Другим источником его богатства явилось рыболовство. С первых же веков существования Византия в нем развивалось солеварение и производство принадлежностей для рыбной ловли. Местные ремесленники производили также керамические изделия. Занимались византийцы и рудными разработками.

Глава II

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ПУТЕЙ ТОРГОВЫХ И ВОЕННЫХ

Первые несколько столетий своего существования новый город не раз оказывался в орбите военных столкновений между разными государствами и народами. Первые тяжкие испытания выпали на долю византийцев в период греко-персидских войн конца VI — начала V в. до н. э. Персидский царь Дарий I (522—486 гг. до н. э.) в 512 г. до н. э. предпринял большой поход, одной из основных целей которого было установление контроля над черноморскими берегами. Войска Дария, переправившись через проливы, пересекли Фракию, а затем повернули на север и форсировали Дунай, чтобы достичь скифских степей. Скифский поход окончился для персов неудачей, но зато в их руках оказались берега Геллеспонта и фракийское побережье.

У нас нет точных сведений о том, как захватили воины Дария древний Византий. Несомненно, что это произошло вскоре после переправы войск Дария через Босфор, когда в самом узком месте пролива был сооружен мост. По некоторым сообщениям, покинутый жителями город был тогда разрушен до основания. По другим источникам, византийцы признали власть персов и даже участвовали в строительстве моста. Возможно, правда, что Византий, как и другие греческие города-колонии на Босфоре, еще до скифского похода Дария признал власть персидского царя. Во всяком случае, Геродот, повествуя о том, как войска Дария прибыли к Геллеспонту и как шло сооружение переправы через Босфор, не упоминает ни о покорении Дарием городов на босфорских берегах, ни о добровольном признании их жителями власти персов. Вместе с тем он рассказывает о том, как восставали геллеспонтские города, как героически сопротивлялись войскам полководца Дария,

Мегабаза, жители Перинфа. И хотя Мегабазу удалось сломить сопротивление греческих городов-колоний, добиться их полной и длительной покорности он не смог.

Сменивший Мегабаза Отан также столкнулся со стремлением греческих колоний во Фракии и на берегах Геллеспонта и Босфора к независимости. Рассказывая о борьбе греческих городов против войск Дария, Геродот в числе противников персов называет Византий и Калхедон. Трудно ручаться за достоверность этих сведений, так как непосредственного участия в сражениях византийцы не принимали. Тем не менее антиперсидские настроения горожан, их готовность поддерживать сопротивление персидским завоевателям не вызывают сомнений.

Когда в городах Ионии в 490 г. до н. э. вспыхнуло восстание против персидского ига, одной из основных целей греков было освобождение Геллеспонта и Босфора. Ионийские города сильнее других пострадали от захвата проливов Дарием: ставшие союзниками персов традиционные торговые соперники ионийцев — финикийцы сосредоточили в своих руках почти всю торговлю в Причерноморье. Восставшие ионийцы на некоторое время освободили от персов и подчинили себе почти все геллеспонтские и босфорские города, в том числе Византий.

Власть в Византии захватил Гистий Милетский — один из руководителей восстания. Между тем войска персов жестоко подавляли очаги восстания в Ионии. Когда Гистий узнал о трагической судьбе Милета, взятого персами штурмом и разрушенного до основания, он покинул Византий. Гистий был авантюристом, который служил в это бурное время попеременно то грекам, то персам. Свою власть в Византии он употребил для личного обогащения. Он захватывал и грабил суда, которые везли товары из Понта.

В борьбе персов с греками финикийцы оказали военную помощь персам. В 494—493 гг. до н. э. персидские войска при поддержке флота финикийцев восстановили владычество Дария на всем побережье Малой Азии, а также на берегах Геллеспонта, Пропонтиды и Босфора.

Рассказывая об этих событиях, Геродот писал, что жители Византия и Калхедона покинули свои города, добрались до берегов Понта Евксинского и поселились на западном его побережье, в г. Месембрии (совр. Не-

себыр). Можно, однако, предположить, что знать осталась в Византии, ибо в подавляющем большинстве она была настроена персофильски. Финикийцы, которым персы передоверили расправу с непокорными греческими колониями Геллеспонта и Пропонтиды, действовали с крайней жестокостью по отношению к своим побежденным конкурентам. Они сожгли дотла многие города. Разрушен был и Византий.

Более десяти лет город находился под властью персов. Здесь был размещен сильный персидский гарнизон, державший под контролем путь через проливы. В тот период возможности морской торговли резко сузились. Понтийский хлеб поступал в Грецию с огромными трудностями.

После сражений при Платеях и Микале (479 г. до н. э.), в которых войска персов были разбиты, греки приступили к освобождению пути через проливы. Весной 478 г. до н. э. греческая эскадра в составе 50 кораблей под командованием спартанца Павсания подошла к Византию. После недолгой осады греки овладели городом. Правителем стал Павсаний. В руки победителей попали многие персидские вельможи, в их числе и родственники персидского царя.

В дальнейшем борьба за обладание Византием развернулась между двумя крупнейшими греческими государствами той эпохи — Афинами и Спартой. Ее острота была predetermined тем, что Афины стремились к господству над проливами для обеспечения свободы плавания своих судов к берегам Понта Евксинского. Афиняне зависели от привоза понтийского хлеба, а понтийские рынки были важнейшим местом сбыта продукции афинских ремесленников.

Между правительством Спарты и Павсанием, вынашивавшим честолюбивые планы установления своей власти над всей Спартой, возникли разногласия. Спартанский наместник попытался прибегнуть к помощи персидского царя. Он отпустил на свободу персидских вельмож и военачальников, которые попали в его руки при взятии Византия. Вскоре отношения Павсания с правительством Спарты приобрели такой характер, что Афины сочли момент благоприятным для захвата Византия. Отныне война с Павсанием уже не была для Афин равнозначна войне против Спарты. В 470 г. (или 469 г.) до н. э. флот афинян захватил Византий. Город был присоединен к созданному в 477 г. до н. э. Афин-

скому морскому союзу, который затем превратился в морскую державу под главенством Афин. Афинский флот господствовал на море и решительно пресекал попытки союзных городов воспротивиться диктату Афин и выйти из союза. Под надзором Афин находилась и торговля союзных городов. Афиняне установили контроль над понтийским торговым путем, а Византий стал играть роль опорного пункта Афинского морского союза в черноморских проливах.

В середине V в. до н. э. Византий превратился в наиболее оживленный порт на всем морском пути от Афин к берегам Боспорского царства. Портовые пошлины стали одним из источников благосостояния Византия. В это время уже существовал обычай даровать чужестранцам в виде особой и почетной привилегии право беспрепятственного пользования византийской гаванью. Показателем экономического могущества Византия может служить тот факт, что с конца V в. до н. э. город начал чеканить свою собственную серебряную монету. До той поры Византий использовал золотые монеты Кизика, города на южном берегу Пропонтиды. Первые византийские монеты чеканились с изображением быка на дельфине — эмблемой Византия. В городе возросло влияние торговцев, ремесленников и мореходов. Ранее игравшая ведущую роль в политической жизни Византия землевладельческая знать постепенно вынуждена была уступить первенство купцам и мореплавателям. О богатстве Византия можно судить по тому, что он был в числе тех городов Афинского морского союза, которые многие годы выплачивали Афинам самый большой фброс — денежный взнос в союзную казну. Корабли и воины Византия участвовали в ряде военных предприятий Афин, в частности в морских экспедициях для усмирения непокорных союзных городов.

В Византии, как и в других городах Афинского морского союза, установился строй рабовладельческой демократии, когда носителем верховной власти был народ, под которым подразумевалось все свободное население города. Высшая законодательная власть принадлежала народному собранию. Собрание контролировало также продажу и сдачу в аренду государственных земель, устанавливало налоги, решало вопросы, связанные с дарованием гражданских прав; кроме того, оно ведало всем, что касалось отношений Византия с други-

ми городами Греции и сопредельными странами и народами. Часть землевладельческой знати стала заниматься торговлей, но многие из прежних олигархов относились крайне враждебно к новым порядкам и только ждали случая, чтобы выступить против демократии и ее оплота — Афин. В дальнейшем враждебное отношение к Афинам распространилось и на торгово-ремесленные круги Византия. Их недовольство объяснялось тем, что Афины во имя собственных интересов дотошно регламентировали торговую деятельность византийцев. Да и форо́с вскоре стал весьма тяжким бременем для казны Византия.

Во время восстания, поднятого против Афин олигархами острова Самос, Византий встал на сторону восставших. Афиняне подавили сопротивление самосских олигархов, но демократический строй, установленный ими на острове, оказался недолговечным. Олигархи вскоре возвратили себе власть и, заручившись поддержкой персов, начали готовить восстание союзных городов против Афин, мечтая отнять у афинян гегемонию на Эгейском море и вынашивая планы установления контроля над черноморскими проливами. Они нашли поддержку у недовольных демократическим правлением византийских олигархов. Когда в 440—439 гг. до н. э. самосские олигархи вновь восстали против Афин, византийцы опять поддержали Самос. Они, правда, активно не участвовали в войне, но заявили о своем выходе из союза и перестали вносить форо́с. Восстание на Самосе оказалось мощным. Только после девятимесячной блокады остров был захвачен афинянами. Самосцы были сурово наказаны, но византийцам удалось избежать жестокой кары. Афины, крайне заинтересованные в покорности византийцев, ограничились лишь незначительным повышением суммы форо́са.

В годы Пелопоннесской войны между Афинским морским союзом и Пелопоннесским союзом во главе со Спартой (431—404 гг. до н. э.) значение торгового пути через проливы еще более возросло. Афины установили строжайший контроль над Геллеспонтом и Босфором. Была учреждена сторожевая служба, которая зорко следила за тем, чтобы через проливы проходили только суда афинян и их союзников. Особая роль была отведена Византию. Сюда доставляли весь хлеб с берегов Северного Причерноморья, а отсюда он уже отправлялся

в разные города Афинского морского союза, причем власти Афин строго регламентировали распределение хлеба и другого продовольствия, шедшего к берегам Греции через Византий.

В тот период Византий был не только важным торговым пунктом и портом. Византийцы располагали такими вооруженными силами, что к ним не раз обращались за военной поддержкой другие греческие города, выросшие на берегах Босфора. В частности, в 416 г. до н. э. жители Калхедона попросили у Византия помощь, чтобы отразить нападение вифинцев *. Византий послал большое войско, в результате вифинцы были полностью разгромлены. Подобные ситуации, естественно, еще больше увеличивали значение Византия среди городов Босфора и Геллеспонта.

В ходе Пелопоннесской войны, в которой Афины потерпели ряд поражений, потеряв почти весь свой флот, Византий вновь на некоторое время оказался под властью Спарты. В 412 г. на сторону Спарты перешли Хиос, Эритры, Клазомены, Лесбос, многие греческие города побережья Малой Азии. В 411 г. небольшая спартанская эскадра под командованием Геликса овладела Византием. Проливы оказались под контролем спартацев, верховная власть в городе перешла в руки спартанского наместника Клеарха. Он, однако, не слишком вмешивался во внутренние дела Византия, не желая в трудное военное время вызывать недовольство жителей.

Легкость, с которой спартацам удалось на этот раз захватить Византий, объяснялась не только военными неудачами афинян. Византийское купечество было недовольно финансовой политикой Афин, заменивших для торговых городов фторос пятипроцентной пошлиной на все ввозимые и вывозимые товары. Для византийцев это было крайне невыгодно, ибо резко снижало их доходы от транзитной торговли.

Потеря городов в черноморских проливах была тяжелейшим ударом для Афин. Поэтому афиняне собрали все свои военные корабли, чтобы снарядить экспедицию для освобождения проливов. После нескольких незначительных морских боев, состоявшихся в конце 411 — начале 410 г. до н. э., в морском сражении при Кизике

---

* Вифиния — область в северо-западной части Малой Азии, находившаяся в то время под властью Персии.

афиняне разгромили пелопоннесский флот, а на суше одержали решительную победу над объединенным войском Пелопоннесского союза и персов.

После изгнания спартанцев из проливов руководивший военными операциями афинян Алкивиад не стал тратить время на осаду хорошо укрепленного Византия. Он поступил проще, организовав в наиболее узком месте Босфора, к северу от Византия, у Хрисополя на азиатском берегу пролива, хорошо укрепленную таможню. Место было выбрано на редкость удачно. Течение было здесь таково, что шедшие через пролив суда относило к азиатскому берегу. Таможня взимала десятипроцентную пошлину со стоимости товаров, находившихся на судах, следовавших через Босфор в любом направлении. Примечательно, что доход, который приносила Афинам морская таможня, почти в десять раз превышал сумму ежегодного форова, вносившегося византийцами. А это означает, что через проливы проходило великое множество судов. Деятельность таможенной службы находилась под охраной постоянно крейсировавшей в Босфоре эскадры из 30 афинских кораблей. Так остроумно решил Алкивиад важную и сложную проблему. Доходы от транзитной торговли через проливы вновь оказались в руках афинян, а для спартанцев практически был утрачен смысл обладания Византием.

В 409 г. до н. э., после того как Алкивиад, разбив войско персидского сатрапа Малой Азии Фарнабаза, восстановил власть Афин в Калхедоне, его флот двинулся к Босфорскому мысу. Началась осада Византия. Город находился под защитой своих неприступных стен, а спартанский наместник Клеарх располагал сильным гарнизоном. Кроме того, Клеарх обратился за помощью к Фарнабазу, а затем попытался собрать эскадру, надеясь разбить афинян на море и тем самым прорвать кольцо блокады. Но все эти меры не принесли успеха, и осада продолжалась. Вскоре в блокированном с моря и с суши городе начался голод. Имевшиеся в Византии запасы продовольствия спартанцы конфисковали для нужд гарнизона. Голод усилил антиспартанские настроения византийцев, и без того страдавших из-за создания афинянами морской таможни в Хрисополе. Число горожан, готовых вновь поддержать афинян, оказалось достаточно значительным, чтобы этот фактор заметно повлиял на военные действия.

Тем временем Алкивиад решил прибегнуть к воен-

ной хитрости. Афиняне сделали вид, что сняли осаду; корабли Алкивиада начали уходить от берегов Золотого Рога. Когда же наступила ночь, они вернулись и предприняли ложную атаку на стоявшие в гавани суда. Внимание гарнизона было привлечено к стенам, защищавшим город со стороны моря. Именно на это и рассчитывал Алкивиад. Его византийские союзники открыли ворота в стене, ограждавшей город со стороны суши. Афинские воины ворвались в Византий. На улицах разгорелась жесточайшая битва, в которой приняли участие и расколовшиеся на два лагеря византийцы — сторонники афинян и спартанцев. Чтобы привлечь на сторону афинян всех жителей Византия, Алкивиад объявил, что в случае прекращения сопротивления никто не будет наказан победителями. В результате на сторону афинян перешли почти все византийцы, спартанский гарнизон был уничтожен. Завоевание Византия предопределило установление власти Афин и над другими городами Геллеспонта. Контроль над проливами на некоторое время вновь оказался в их руках.

Период пребывания Византия под властью Афин был очень недолгим — всего около четырех лет. В конце Пелопоннесской войны спартанцам удалось установить свое господство на берегах Эгейского моря и Пропонтиды. В 405 г. до н. э. Византий оказался в числе тех городов, которые были захвачены флотом спартанцев под командованием Лисандра. На этот раз в Византии взяли верх представители олигархии. Именно они открыли ворота воинам Лисандра. Поскольку спартанцы повсеместно уничтожали демократию и восстанавливали власть олигархов, часть населения Византия, поддерживавшая демократический строй, покинула город после вступления в него отряда Лисандра, бежав либо в Афины, либо в дружественное Византию Боспорское царство.

Своеобразным было решение победителей относительно судьбы небольшого афинского гарнизона Византия, не оказавшего практически сопротивления спартанцам. Лисандр отправил всех пленных афинян в их родной город, продовольственное положение которого было в тот момент весьма бедственным.

Спартанское владычество в условиях общей победы Спарты в войне с Афинами оказалось значительно более тягостным для населения Византия, чем ранее. Спартанцы ввели новые подати, а многих доходов, в ча-

стности торговых пошлин и привычных портовых сборов, казна Византия лишилась. Положение византийцев осложнялось и тем, что их соседи фракийцы стали тревожить город своими нападениями. Собственное войско Византия было не в состоянии надежно защитить город. Спартанский же гарнизон был слаб, к тому же спартанские хозяева города более всего помышляли об использовании военной силы для обеспечения покорности византийцев. Спартанский наместник (гармост) осуществлял свою власть с помощью правительства, составленного из местных олигархов. Демос страдал не только от ига чужеземцев, но и от гнета собственной олигархической знати. Из-за прекращения торговли с Афинами резко ухудшилось экономическое положение Византия; ремесленники и торговцы переживали трудные времена. Недовольство населения грозило выплеснуться наружу.

Тогда византийские олигархи попросили Спарту о военной помощи. В Византий был направлен с большим войском уже известный его жителям Клеарх. На этот раз он решил сурово покарать византийцев за непокорность. Он созвал византийских военачальников, а когда те собрались, спартанские воины неожиданно напали на них и перебили. Затем он казнил почти всех представителей гражданской власти, известных антиспартанскими или демократическими настроениями. Клеарх убивал или изгонял из города многих состоятельных людей просто для того, чтобы завладеть их имуществом. Тирания Клеарха оказалась настолько невыносимой, что против него ополчилась даже часть тех самых олигархов, которые добивались от Спарты военной поддержки. Они стали жаловаться на Клеарха в Спарту. Вскоре между слишком самостоятельным наместником и спартанским правительством произошел разрыв: в 403 г. Клеарх был изгнан из города новым спартанским гармостом. Тот не действовал так жестоко, как Клеарх, а потому недовольство византийцев господством Спарты и властью местной олигархии не вылилось в открытое выступление. Постепенно Византий превратился в один из важных военных опорных пунктов Спарты, а его гавань — в место стоянки флота спартанцев.

В 400 г. до н. э. Византий стал ареной столкновения между спартанским гарнизоном города и греческими наемниками, которые участвовали в неудачном походе

персидского сатрапа Малой Азии Кира, добивавшегося установления своей власти над всей державой персов. Многие из этих наемников были выходцами из Спарты. После поражения и гибели Кира отряды наемников с бесчисленными приключениями добрались до Византия. Спартанский наместник попытался избавиться от опасных пришельцев. Он выманил их из города под предлогом военного построения для точного определения их численности. Как только незваные гости оказались вне городских стен, ворота Византия закрылись. Наемникам было объявлено, что им следует возвращаться в родные края. Однако долго скитавшиеся и закаленные в битвах воины были не из тех, кому можно диктовать условия. Они ворвались в Византию и некоторое время хозяйничали там. Наемники даже решили провозгласить властителем Византия своего предводителя Ксенофонта (в будущем знаменитого историка). Однако тот, не рассчитывая удержать город, вывел наемников из Византия и повел их на запад, во владения фракийцев. Здесь греческие наемники оставили о себе недобрую славу: они бесчинствовали во фракийских деревнях, грабя и убивая всех без разбора.

От бесконечных осад и сражений, неоднократно смены властей особенно страдали торговля и ремесленное производство Византия; разорены были и окрестные земли, а многие земледельцы бросали свои участки и искали заработка в городе; но и здесь из-за сокращения морского торгового оборота их чаще всего ожидала неудача.

Поскольку черноморские проливы были закрыты для афинских купцов, Византий потерял свое исключительное значение посредника в понтийской хлебной торговле. Благополучие большинства жителей Византия зависело от торговых операций, почти прекратившихся после победы спартанцев. Казна Византия с каждым годом все более опустошалась, лишенная привычного притока торговых и портовых пошлин. В результате в городе усилились проафинские настроения. И когда во времена Коринфской войны Афинам удалось восстановить свой флот и вновь лишить Спарту господства на море, жители Византия с восторгом встретили (в 389 г. до н. э.) прибывшую в проливы афинскую эскадру под командованием Фрасибула. Спартанский гарнизон Византия был малочислен, да и горожане не оказали на этот раз поддержки спартанцам. Поэтому воины Фра-

сибула практически не встретили сопротивления. Спарта́нский наместник был изгнан, олигархический строй заменен демократией. Афины вернули себе контроль над проливами, столь необходимыми для их торговли. Спарта, правда, сделала попытку восстановить свою власть над городами Геллеспонта. Была организована большая морская экспедиция под водительством Апакси́бия. Однако афиняне под руководством Ифи́крата разгромили спарта́нцев.

История приписывает Фрасибулу учреждение в пределах Византия новой морской таможни. При этом Афины передали на откуп самим византийцам право взимания десятипроцентной пошлины за проход судов через проливы. С одной стороны, это усилило торговое значение Византия и повысило благосостояние его жителей, а с другой — создало очень важную для Афин связь с Византием на основе обоюдной экономической заинтересованности. Для Византия наступила пора процветания, основой которого была оживленная торговля не только с городами материковой Греции и Понта Евксинского, но и со многими торговыми центрами Малой Азии и юга Эгейского моря. В тот период Византий был, по сути дела, независимым городом. Афины не препятствовали проведению им самостоятельной внешней политики, не противоречившей их интересам. Некоторое время Византий был членом союза городов-государств, в который входили, в частности, Родос, Самос и Эфес. Основной целью объединения этих городов была борьба с пиратами в водах Эгейского моря. Особенно тесные связи, основанные на общности торговых интересов, поддерживал Византий с Родосом. Родосские корабли были наиболее частыми посетителями Золотого Рога.

В то время Византий был одним из самых верных сторонников Афин. Когда возникла ситуация, благоприятная для создания нового объединения греческих полисов вокруг Афин, одним из инициаторов его организации стал именно Византий. В 378 г. до н. э. Византий оказался в числе пяти городов с демократическим устройством, которые приняли решение заключить союзный договор с Афинами, находившимися в тот момент в состоянии войны со Спартой. В числе этих городов были также Хиос и Митилены. Договоры Афин с этими городами заключались вначале как двусторонние, а потому византийские послы побывали в Афинах, где их

принимали с почетом. Так через столетие после создания Афинского морского союза возникло новое надгосударственное образование, которое вошло в историю под названием Второго Афинского морского союза. Он отличался от своего предшественника тем, что несколько десятков присоединившихся к нему городов обеспечили себе закрепленную в соглашении автономию во внутренних делах. В компетенцию Афин входили главным образом вопросы внешней политики. Члены союза не вносили форо́са, который был памятен как обременительная и унижительная дань Афинам, они договорились о добровольных взносах на военные нужды. Такие условия объединения были очень выгодны византийцам. Город обеспечивал себе и защиту от спартацев, и экономическое процветание.

В первые годы после создания союза афиняне не вмешивались во внутренние дела Византия, но затем начали вновь проявлять стремление к господству. Вследствие этого среди византийцев стали крепнуть антиафинские настроения. В 364 г. до н. э. в черноморских проливах появилась фиванская эскадра под командованием Эпаминонда. К тому времени Фивы превратились в одно из самых сильных государств Греции. Византий вышел из Афинского морского союза, решив в дальнейшем опираться на помощь Фив, которые были заинтересованы в союзе с богатым торговым городом. Однако афиняне послали к Византию большой флот и силой вернули византийцев в Афинский союз. С тех пор отношения между Афинами и Византием носили далеко не дружественный характер. Теперь уже Византий не был представителем и торговым посредником Афин на понтийском торговом пути. Более того, византийцы позволяли себе действия, направленные прямо против Афин. Например, нередко византийцы принуждали афинян разгружать суда в порту Византия, и тогда груз — обычно это бывал хлеб — захватывали византийцы. Афиняне были вынуждены регулярно направлять в проливы военные корабли для охраны караванов судов с зерном. Примечательно, что местом стоянки афинских военных кораблей была в тот период не гавань Византия, а небольшой залив на азиатском берегу Босфора, недалеко от города. Антиафинские настроения жителей Византия проявлялись и в том, что силой возвращенный в Афинский союз город продолжал поддерживать с Фивами самые дружественные отношения.

Византий даже оказывал Фивам материальную помощь в трудные для тех времена.

В 357 г. Византий заключил союз с рядом городов, также стремившихся разорвать ставшие тягостными союзнические связи с Афинами. Образовался новый союз, в который кроме Византия вошли Хиос, Родос, Кос, Селимбрия и Калхедон. Это было весьма сильное объединение морских городов, располагавшее значительным флотом. Во всяком случае, когда Афины направили против них свой флот, ему не удалось одержать победу. Не смогли афиняне на этот раз и силой овладеть Византием. А вскоре афинский флот потерпел тяжелое поражение в бою с эскадрой союзников. В результате в 355 г. до н. э. союзные морские города окончательно отделились от Афин. Отныне Афины окончательно утратили гегемонию в черноморских проливах.

Последующий, почти полторавековой отрезок истории Византия был периодом его бурного экономического роста. Быстро развивалась торговля боспорским хлебом через понтийский морской путь, имевшая теперь огромное значение для всей Греции и неуклонно увеличивавшая доходы Византия. Существенным источником доходов византийцев мало-помалу становилась и работа торговли.

Торговля Византия была свободна от контроля извне, и значительная часть получаемых от нее доходов, в том числе от транзита, шла в казну, способствуя процветанию города. Порт Византия все более расширялся, принимая суда всех крупнейших торговых городов Средиземного и Черного морей.

Обладая значительным флотом и войском, Византий распространил свое влияние на соседние города Пропонтиды. Он установил контроль над Селимбрией и Калхедоном. Именно тогда начали намечаться контуры будущего огромного города, раскинувшего свои владения по обоим берегам Босфора.

Жизнь Византия в описываемую эпоху характеризовалась почти полной утратой влияния землевладельческой олигархической знати. В городе укрепился строй рабовладельческой демократии. Однако гражданскими правами обладала сравнительно небольшая часть жителей, ибо наряду с рабами их были лишены и многочисленные иностранцы — метеки. Дешевый рабский труд получал все более широкое распространение в сельском хозяйстве и ремесленном производстве. Богатство от-

дельных жителей стало достигать весьма значительных по тем временам размеров. Все это не могло не породить недовольство беднейших слоев. Источники свидетельствуют о том, что уже на рубеже IV—III вв. до н. э. в процветающем городе не раз проявлялось недовольство мелких ремесленников и торговцев, вызванное имущественным расслоением среди свободного населения.

В тот период византийцам вновь пришлось сражаться с фракийцами. Один из фракийских царей, Керсаблепт, часто тревожил византийцев, вторгаясь в пределы городской округи. Общие интересы сблизили Византий с Перинфом — городом, которому также угрожал Керсаблепт.

Яркой страницей истории Византия стала его борьба против македонского царя Филиппа II, с именем которого связано превращение Македонии к середине IV в. до н. э. в мощнейшую державу Балканского полуострова и установление македонской гегемонии над Грецией. Филипп понимал выгоды, которые сулило македонянам обладание таким портом, как Византий. В период, когда войска Филиппа завоевывали земли Южной Фракии, между македонянами и византийцами был заключен союз, который, однако, оказался непрочным. После завоевания Фракии корабли македонян начали препятствовать торговле афинян, захватывая их суда в проливах. От нарушения торговых связей через понтийский морской путь начал, естественно, терпеть ущерб и Византий. Поэтому там все большую популярность приобретала идея союза с афинянами против Филиппа. Афины тоже были склонны пойти на союз с Византием, ибо было очевидно, что Филипп намеревается установить свой контроль над жизненно важным для афинян торговым путем, их главной хлебной артерией. В этих условиях независимый Византий был жизненно необходим афинянам. К тому же размах морских операций Филиппа в проливах стал настолько значительным, что их жертвами стали многие десятки афинских торговых судов. Филипп пытался заставить Византий выступить на его стороне против Афин, но византийцы отвергли эти притязания. Видя, что нападения войск Филиппа городу не избежать, византийцы начали переговоры о союзе с Афинами, послы были направлены также на Родос и Хиос. Тем временем сами византийцы начали оказывать вооруженную по-

мощь Перинфу, который осадило македонское войско. Тогда Филипп решил захватить Византий.

Воспользовавшись тем, что основная часть военных сил византийцев участвовала в обороне Перинфа, Филипп приказал, не снимая осады Перинфа, перебросить половину армии к почти беззащитному Византию. Это произошло в 340 г. до н. э. Героизм и стойкость защитников города оказались столь велики, что македонянам так и не удалось взять Византий штурмом. В одном из декретов афинского народного собрания той поры воздавалась хвала жителям Византия, их доблести при отражении врага. Беспредельное мужество, проявленное горсткой защитников города, позволило им продержаться до прибытия подкреплений с Хиоса, Родоса и Коса — старых союзников Византия. Они прислали большой флот, а вскоре в проливы прибыли и морские силы афинян. Осада Византия со стороны моря оказалась отныне для Филиппа невозможной. Тогда македоняне усилили натиск со стороны суши. Одновременно Филипп решил погубить руководителя обороны города — Леона. Он переправил в Византий подложное письмо, из которого явствовало, что Леон — изменник. Византийцы поверили клевете, и Леону грозил суд сограждан. Не сумев или не пожелав оправдаться, Леон покончил с собой.

Филипп стянул к стенам Византия мощную осадную технику. Для снабжения македонских войск через Золотой Рог была сооружена дамба из камней и земли. Войско Филиппа razорило окрестности города. Однако осажденные отражали все атаки македонян. Не помогли воинам Филиппа и высоченные осадные башни, тараны и катапульты. Знаменитые стены Византия уже в который раз оправдывали свою славу. Положение осажденных облегчалось и тем, что корабли союзников Византия регулярно доставляли им продовольствие и подкрепления. Македоняне устали от затянувшейся осады. Тогда царь приказал прорыть подкопы под стенами. Но и тут македоняне не добились успеха. Когда темной ночью под проливным дождем они сделали попытку проникнуть через подкопы в город, византийцев не удалось захватить врасплох. Этот эпизод породил много легенд. В одной из них говорится, что в ту ночь над Византием зажгла свой факел, предупреждая об опасности, богиня Геката Светоносная, и защитники города были подняты на ноги лаем собак. Убедившись в бес-

плодности своих попыток. Филипп вынужден был снять осаду и отказаться от мечты о господстве над проливами.

Война с македонянами принесла Византию неисчислимые бедствия. Погибли тысячи жителей, многие здания были разрушены, сильно пострадали оборонительные стены и сторожевые башни. Долго пришлось византийцам восстанавливать свой город. На ремонт стен пошли даже камни из могильных надгробий. Когда же византийцы наконец отстроили город заново, они воздвигли в нем статую Гекаты Светоносной, которая с тех пор стала там самой почитаемой богиней. Мужество защитников города, его неприступность стали легендой и поучительным примером. Во всяком случае, после этих событий долго не находился завоеватель, готовый штурмовать стены Византия. Более пяти веков сухопутные защитные сооружения города не подвергались атакам врага.

Победа над войском Филиппа очень повысила престиж Византия и усилила его роль в политической жизни греческих городов-государств. Еще более укрепилось независимое положение Византия в качестве свободного торгового полиса.

Византийцы сумели сохранить независимость даже в период создания Эллинского союза, который объединил города Греции под македонским главенством. Византий поддерживал Александра Македонского в завоевательных походах, ибо Александр никогда не посягал на его самостоятельность, а византийские купцы полагали, что добрые отношения с властелином необъятной империи могут принести им немалую выгоду. Византийцы иногда даже предоставляли в распоряжение Александра Македонского свои суда.

Более столетия — с конца IV в. до второй половины III в. до н. э. — экономика Византия беспрепятственно развивалась, обеспечивая благополучие города. Его купцы вели обширнейшие торговые операции, в особенности со странами бассейна Эгейского моря. Возобновились интенсивные торговые связи с Родосом. Византий входил тогда в торговую лигу, созданную городами Южного Причерноморья, и играл в этом объединении заметную роль. В III в. до н. э. значительных размеров достигла торговля Византия с городами Западного Причерноморья, и особенно с Боспорским царством. Свидетельством торгового и экономического могущества

Византия в тот период являлось широкое распространение византийских монет в странах Причерноморья. В Боспорском царстве их было в обращении даже больше, чем монет боспорских царей. Хотя хлеб по-прежнему занимал немалое место в византийской торговле, объем хлебных операций уменьшился, ибо к тому времени города материковой Греции стали все больше покупать зерно в Египте. Наконец, важным занятием византийских торговцев сделалась работоторговля, а в самом городе появился большой невольничий рынок. Отсюда рабов поставляли во многие греческие города.

Вообще, византийское купечество занималось очень крупными транзитными операциями. Это относится к торговле медом и воском, соленой рыбой и скотом, оливковым маслом и вином, изделиями из керамики и тканями, которую вели между собой страны Понта и Эгейского моря. Стали крепнуть и торговые связи Византии с Египтом.

В Византии, городе купцов и мореходов, было и немало прекрасных ремесленников — мастеров по строительству и ремонту судов, архитекторов и каменщиков, оружейников и кузнецов, гончаров и ткачей. Город жил полнокровной жизнью, его процветание казалось невыблемым.

В обстановке распада империи Александра Македонского и образования эллинистических государств Византий придерживался политики нейтралитета, сохраняя полную независимость. Немалая заслуга принадлежала в этом византийской дипломатии, которая уже в те годы славилась своей дальновидностью и изворотливостью.

Один из диадочов Александра, Лисимах, попытался присоединить Византий к своему царству, включавшему побережье Геллеспонта, ряд областей Малой Азии и Македонию, с тем чтобы сделать его центром могущественной державы. Он направил в Византий послов с предложением заключить союз. Но византийцы отклонили предложение Лисимаха. Доказательством могущества Византии служит то, что глубоко уязвленный отказом Лисимах не сделал даже попытки силой овладеть городом, который ему был необходим как важнейший торговый центр. Правда, он был занят подавлением восстаний в непокорных городах Греции и борьбой с фракийцами. Так или иначе, но византийцам удалось отстоять свою независимость.

В эпоху эллинизма авторитет Византия был очень высок, к союзу с ним стремились многие государи эллинистического мира. В III в. до н. э. Византий не раз выступал в роли посредника, когда между греческими полисами возникали споры или столкновения.

В 278 г. до н. э. окрестности Византия сильно пострадали в результате нашествия галатов — кельтских племен, начавших опустошительные набеги на Балканы. Византийцам удалось откупиться, выплатив их предводителям большую сумму, которую собрали не только в самом Византии, но и в дружественных городах. Покорив фракийские племена, галаты создали свое государство, простиравшееся от берегов Дуная до границ Византия. Для византийцев наступили трудные времена, ибо галаты беспрестанно разоряли окрестности города. В течение полувекового существования государства галатов византийцы вынуждены были платить его правителям дань, размеры которой постоянно возрастали.

Примерно в 260 г. до н. э. попытку захватить Византий сделал царь государства Селевкидов Антиох II. Византийцы оказали армии Антиоха упорное сопротивление. Дружественные Византию города Пропонтиды и Понта послали на помощь осажденному городу свои корабли и войска, доставили оружие и продовольствие. Одна только Гераклея — город на южном берегу Понта Евксинского — направила византийцам 40 судов. Египет помог хлебом, военным снаряжением и деньгами. В результате Византий хорошо подготовился к отражению врага, и армия Антиоха вскоре отошла от стен Византия, ибо осада не сулила верной удачи.

Город находился в нелегком положении. Его казна была истощена выплатой дани галатам и огромными расходами на оборону. Тогда византийцы начали взимать в свою пользу пошлину с судов, проходивших через проливы. Эта мера вызвала недовольство других греческих городов, заинтересованных в свободе торгового мореплавания в проливах. Нельзя сказать, что византийцы не понимали, что введение пошлины — дело небезопасное. Но Византий был достаточно силен, чтобы даже вооруженным путем отстоять осуществление меры, которая резко повышала благосостояние города. От имени недовольных действиями Византия полисов к византийцам обратился Родос. Однако родосские послы, пытавшиеся уговорить византийцев отменить по-

шлину, получили решительный отказ. Между Родосом и Византием, долгое время связанными дружественными узами, началась война, которая оказалась для Византии новым испытанием. Сколько-нибудь надежных союзников византийцам найти не удалось, и, хотя некоторые соседи выразили им поддержку, в борьбе с таким сильным противником, как Родос, Византий оказался практически в одиночестве.

Родос заключил союз с Вифинией, так как ее торговые города тоже были заинтересованы в свободе мореплавания в проливах. Войско вифинского царя Прусия захватило все владения Византии на азиатском берегу Босфора. Корабли родосцев блокировали Геллеспонт. В результате понтийский торговый путь был закрыт, и византийцы лишились значительных доходов. И все же византийцы, полагаясь на силу своего флота, вновь отвергли предложение Родоса отменить пошлину и покончить дело миром. Тогда войска Прусия начали осаду Византии. В ней участвовало и немало фракийских наемников, отряды которых блокировали город с суши. Положение византийцев стало очень опасным, ибо на этот раз город не получил привычной помощи от других греческих полисов. В этот момент царь галатов Кавар выступил в роли посредника между враждующими сторонами, опасаясь в случае захвата Византии потерять крупнейшего данника. Византийцы вынуждены были пойти на уступки. По мирному договору, заключенному с Родосом и Вифинией, византийцы вернули свои владения на азиатском берегу Босфора, но отказались от взимания пошлины. Правда, ущерб, который понесла от потери этого дохода городская казна, вскоре был восполнен. Византийцы освободились от обременительной выплаты дани переставшему существовать государству галатов, которое было сокрушено усилившимися фракийцами.

Все эти события происходили в самом конце III в. до н. э. То были последние страницы истории Византии как одного из крупнейших торговых городов эллинистического мира. Византий и после войны с Родосом находился в числе наиболее значительных городов-государств региона. Он не раз участвовал в качестве посредника в решении крупных торговых или политических споров между ними. Авторитет Византии в греческом мире был очень высок.

Славе города на Босфорском мысу немало способст-

вовало то обстоятельство, что Византий превратился к этому времени в важный культурный центр. Византийцам были знакомы высокие образцы литературы и науки, музыки и архитектуры, изобразительного искусства. Философ Леон и историк Деметрий, поэтесса Миро и поэт Парменон были известны как авторы выдающихся произведений. К сожалению, до наших дней не дошли их сочинения, мы знаем о них лишь по упоминаниям в трудах более поздних историков. Но для современников их деятельность превращала Византий в важный очаг культуры.

Как видим, к концу своего четырехвекового существования Византий превратился в крупный город-государство, сыгравший большую роль в эпоху эллинизма. Византийцы приобрели славу искусных мореходов и предприимчивых купцов, ловких дипломатов и умелых ремесленников, храбрых воинов и талантливых строителей.

После описанных выше событий Византий длительное время оставался одним из самых процветающих городов Восточного Средиземноморья. Но история готовила ему новые испытания и совершенно иную славу.

Глава III

«НОВЫЙ РИМ» НА БЕРЕГАХ ПРОПОНТИДЫ

Совершенно новая полоса в жизни Византия была подготовлена, как это часто бывает в истории, событиями, происходившими далеко от него и, казалось, не имевшими к нему никакого отношения. Пока Византий благополучно развивался и процветал как крупнейший торговый город Восточного Средиземноморья, западные районы Средиземного моря стали ареной ожесточенной борьбы между Карфагенской державой и Римом за господство в этом регионе. В кровопролитных сражениях во время Пунических войн (III—II вв. до н. э.) закладывались основы могущества Римской империи. Это не могло рано или поздно не коснуться города, стоявшего на перекрестке торговых и военных путей. После покорения Греции и Македонии, окончательного разгрома Карфагена и превращения государства Селевкидов в римскую провинцию Рим стал крупнейшей державой Средиземноморья и полным его властелином.

Завоевания римлян во Фракии почти вплотную приблизили их владения к границам Византия. Однако жителям богатого торгового города долгое время удавалось оставаться в стороне от военных бурь, бушевавших на территории сопредельных стран.

Отношения с Римом на первых порах складывались для Византия весьма благоприятно. Его независимость и статус свободного города-государства были признаны Римом. Римляне объявили его союзным городом, оказывали всяческое покровительство его жителям, способствовали развитию византийской торговли, даже возвратили Византию право взимать таможенную пошлину с судов, проходивших через Босфор. Однако, после того как власть Рима в Средиземноморье стала безраздель-

ной, римляне лишили византийцев этого важнейшего источника доходов: право взимать пошлину они были вынуждены уступить Риму. Так было положено начало постепенному превращению вольного города в римское владение.

Власть Рима в Византии выражалась в назначении римского наместника, но в делах городского управления византийцы сохраняли автономию до конца II в. н. э. Лишь на некоторое время в годы правления императора Веспасиана (69—79) в руки наместника перешла вся власть в городе. Автономию византийцев во внутренних делах Рим вскоре восстановил, желая сохранить их покорность.

Первые два столетия нашей эры Византий продолжал оставаться одним из самых богатых торговых городов Средиземноморья. В нем успешно развивались ремесла, а византийские корабли можно было видеть почти во всех портах региона. Как и прежде, строительное искусство византийцев славилось далеко за его пределами. Византийских мастеров охотно приглашали для строительства храмов и оборонительных сооружений во многие города Причерноморья. В Византии того времени жили многие замечательные ученые, в том числе выдающийся историк и географ Дионисий Византийский.

Историки не раз отмечали, что византийцам удавалось искусно лавировать в обстановке борьбы сильных и воинственных государств, сохраняя свою независимость. Некоторые хронисты даже упрекали византийцев за то, что они всегда ухитрялись вставать на сторону сильнейшего. Однако одной ошибки византийцы не избежали, и именно она оказалась для них роковой. В результате Византию было суждено пройти через тяжелейшие испытания.

Произошло это в конце II в., в тот период, когда в Римской империи в очередной раз разгорелась борьба за власть. После смерти императора Коммода (180—192) различные легионы одновременно провозгласили императорами трех военачальников — легата Сирии Псепция Нигера, легата Британии Клавдия Альбина и легата Паннонии Септимия Севера. Последний обладал недюжинными способностями. Римский историк Геродиан говорил, что в этом человеке все «вызывало удивление, больше всего — присутствие ума, стойкость, твердая уверенность, смелость в дерзновениях». Он же

считал Септимия Севера великим полководцем, умевшим делить со своими воинами все тяготы длительных походов и кровопролитных сражений. Септимий Север быстро занял Рим, заключил союз с Клавдием Альбином и двинулся в поход против Песдения Нигера, который к тому времени подчинил себе восточные районы империи. Византий признал власть Нигера и оказал ему помощь в борьбе с Севером. Однако Нигер потерпел поражение и погиб. Септимий Север решил примерно наказать всех, кто стал на сторону Нигера. На поддерживавшие Нигера города была наложена тяжелая контрибуция. Но особенно печальная участь постигла Византий.

В 196 г. войска Септимия Севера начали осаду Византия. Она продолжалась три года. Византийцы сражались поистине героически. В ряды защитников города встали женщины. Горожанки даже отрезали себе волосы, чтобы сплести из них тетивы для луков. Осажденные испытывали муки голода, питались мясом кошек и крыс, даже мясом умерших. В конце концов голод сломил сопротивление защитников Византия. Город сдался на милость победителя. Север жесточайшим образом расправился с побежденными. Он приказал казнить всех оставшихся в живых воинов, отнял у Византия автономию, подчинив его Перинфу; жители Византия были принуждены платить римскому императору огромную подать. Но и этого Северу показалось мало. Он повелел разрушить все сколько-нибудь значительные здания и срыть городские стены.

Историки повествуют о том, что впоследствии Север раскаивался в том, что подверг Византий такому разрушению. Ведь тем самым Север лишился прекрасно укрепленного города, расположенного в стратегически важном районе империи. Некоторое время спустя император начал восстанавливать уничтоженные по его же приказу дворцы и храмы, общественные здания. Главную заслугу в восстановлении Византия история приписывает сыну Септимия Севера — будущему императору Каракалле (211—217). Однако последствия трехлетней осады и жестокости победителя оказались столь велики, что город потерял былое величие. К тому же он постепенно утратил свою исключительную роль в транзитной торговле. Упадок города еще более усилился после того, как в период войн, которые вел один из так называемых солдатских императоров Рц-

ма, Галлиен (253—268), он еще раз подвергся опустошительному нашествию римских войск.

И все же через несколько десятилетий Византию было суждено не только вновь восстать из руин, но даже занять в империи место самого Рима. Этот неожиданный поворот в его истории связан с деятельностью римского императора Константина Великого (306—337), который прославился признанием христианства, ставшего при нем государственной религией. И все же имя Константина Великого вошло в историю более всего как имя создателя столицы Римской империи.

Разные причины побудили Константина основать на месте древнего Византия новую столицу. Прежде всего императора беспокоили настроения римской знати, которая была недовольна утратой сенатом политической роли. Константин стремился создать новый центр империи, достаточно удаленный от Рима с его непрерывными усобицами в борьбе за императорский трон.

Сложилось множество легенд, повествующих об обстоятельствах, которые привели Константина к решению основать новую столицу своего государства. В одной из них рассказывается о том, как Константину, расположившемуся лагерем у Византия, где заперся его соперник, Лициний, в сновидении явилась знатная дама, которая вдруг преобразилась, превратившись в молодую девушку сказочной красоты; после этого Константин возложил на нее знаки царской власти. Сон поразил Константина, и он решил, что в образе женщины перед ним предстал только что увиденный город, которому он должен вернуть величие и богатство. Существует и рассказ о том, что в период борьбы за власть с Лицинием Константин осаждал Византий и пришел к выводу, что именно здесь должна быть создана новая столица. Во всяком случае, государственные способности императора проявились в том, что он оценил исключительные выгоды местоположения Византия, находившегося на стыке Европы и Азии и предоставлявшего тому, кто владеет этим городом, возможность осуществлять контроль над важнейшими торговыми путями.

Новый город был заложен в 324 г. Император сам решил обозначить границы его территории. Предание гласит, что Константин, взяв в руки копьё, возглавил торжественную процессию, путь которой он повелел отмечать как границу города. Константин и его спутники совершили круговой маршрут, который замкнул в коль-

по будущих городских стен значительную часть холмистой территории Босфорского мыса. Приближенные императора рискнули сказать ему, что город будет слишком велик. На это Константин ответил, что будет идти до тех пор, «пока не остановится некто, идущий впереди...». Так он решил продемонстрировать своему окружению, что его действиями руководит высшая сила. Но если отвлечься от легендарных деталей, то очевидно, что Константин был прав, намечая подобные размеры города. Вероятно, император понимал, что необходим значительный простор для заселения новой столицы, которая имела все основания стать богатейшим торговым городом. Порт будущей столицы должен был быть также обширен, чтобы принимать сотни судов со всех концов света.

Очерченное Константином пространство было вначале обнесено земляным валом, а затем началось гигантское по тем временам строительство. Император приказал доставить в Византий известных архитекторов, строителей и скульпторов. Он даже повелел, чтобы зодчие, ваятели, живописцы, плотники и каменщики освобождались от всяких государственных повинностей. Желая ускорить строительство, Константин издал закон, который обязывал всех владельцев недвижимого имущества в городах империи на берегах Понта и в ее азиатских владениях иметь в новой столице хотя бы один дом. Только при выполнении этого условия они могли завещать свое имущество наследникам. Трудно определить, насколько строго соблюдался этот закон, но ясно одно: Константин делал все возможное, чтобы город рос невиданными ранее темпами. Он поощрял переселение в новый город жителей из других городов и местностей своего государства.

Многих римских сановников, пребывание которых в новой столице государства Константин считал необходимым, он переводил сюда насильно. Не желавших переселяться вельмож Константин послал в поход против персов, отобрав у всех перстни с именными печатями. Затем к оставшимся в Риме семьям этих вельмож были отправлены запечатанные перстнями письма, содержавшие приказание переселиться в новую столицу. Пока семейства знатных римлян собирались в далекий путь, Константин повелел быстро построить для них дома, бывшие копиями их римских жилищ. Когда сановники и военачальники Константина возвратились

из похода, они нашли свои семьи в новой столице, в домах, не отличавшихся от их римских особняков. Возможно, этот эпизод легендарен, зато достоверны сведения о том, что Константин установил правило, согласно которому лицам, обзаводившимся домом в новом городе, бесплатно выдавались хлеб, масло, вино и топливо. Эта так называемая продовольственная премия существовала около полувека. Она сыграла большую роль в привлечении в город тысяч новых жителей, в том числе ремесленников и торговцев, мореходов и рыбаков. Население росло очень быстро и к концу IV в. достигло 100 тыс.

Торжественная церемония провозглашения новой столицы римлян состоялась 11 мая 330 г. Церемония сопровождалась религиозными обрядами, как христианскими, так и языческими. Императору, основателю нового города, во время церемонии воздавались божеские почести, как Гелиосу — богу Солнца. Сам город был посвящен богине Тихе — благоприятной судьбе. В тот же день был издан императорский эдикт о наименовании города «Новым Римом». Текст эдикта был высечен на мраморной колонне. Однако это наименование не прижилось. Вскоре город стали называть Константинополем — городом Константина. Под таким названием он и вошел в историю. В память основания города Константин велел отчеканить монету. На одной из ее сторон был изображен сам император в шлеме и с копьем в руке. Здесь же была надпись — «Константинополь». На другой стороне была изображена женщина с колосьями в правой руке и рогом изобилия в левой. Новый город Константин посвятил деве Марии. Он повелел воздвигнуть в ее честь стелу из красного порфира на беломраморном пьедестале. Памятник этот Константин чтит особо. Проезжая мимо него, он всегда сходил с коня и то же самое приказывал делать свите.

Император, давший новую жизнь древнему городу, был невероятно властолюбив, умен и осторожен. В интересах укрепления института императорской власти он шел на ломку сложившихся взглядов и традиций, хотя его и отличало глубокое уважение к прошлому Рима и его традициям. Константин обладал способностью приобретать сторонников, не стесняясь использовать при этом лицемерие, хитрость или демагогию. В то же время он мог прийти в бешенство, натолкнувшись на труднопреодолимую преграду или оказавшись в плену

подозрений; в таких случаях он не щадил ни друзей, ни близких. Заподозрив своего сына Крипта в связи со своей юной женой, он приказал казнить обоих. Константин питал пристрастие к восточной роскоши, любил носить шелковые, расшитые золотом одежды, украшал себя бесчисленными драгоценностями. Баснословные суммы император тратил на свою резиденцию, стремясь придать ей максимальную пышность и блеск.

Новую столицу Константин хотел видеть столицей мира. Он даровал Константинополю муниципальное устройство Рима. Здесь был учрежден сенат. Египетский хлеб, которым ранее снабжался Рим, стал направляться на нужды населения Константинополя.

Город создавался на рубеже двух исторических эпох — античности и средневековья. Ф. Энгельс отмечал, что «с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность»*. Новый город стал символом новой державы, рождение которой было уже близко и которой суждено было стать одной из великих империй средневековья.

Константин стремился, чтобы новая столица превзошла Рим великолепием храмов и дворцов, и не жалел для этого средств. Он распорядился, чтобы в Константинополь были свезены самые замечательные произведения искусства. Продолжали украшать город и его преемники. Сокровища искусства стекались сюда со всех концов огромного государства. Афины и Рим, Коринф и Дельфы, Эфес и Антиохия вынуждены были расстаться со многими выдающимися произведениями своих зодчих, ваятелей и художников. Из Дельф была доставлена восьмиметровая бронзовая колонна, служившая подножием золотого треножника в храме Аполлона и изображавшая трех змей, обвинившихся вокруг друг друга. Установленная на каменном пьедестале, она украсила площадь ипподрома новой столицы. Из римского храма Аполлона была привезена великолепная колонна. После того как ее установили в Константинополе, она была увенчана бронзовой статуей, изображавшей самого Константина в виде Аполлона, приветствующего восходящее солнце. Из Рима привезли и монумент в честь Афины Паллады, доставленный в свое время туда из Афин. Он имел высоту более 50 м и был

---

* Энгельс Ф. Диалектика природы.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20, с. 507.

увенчан статуями Константина Великого и его преемников. Многие произведения искусства были доставлены из Египта. Среди них находился тридцатиметровый гранитный обелиск из древнего Гелиополиса, воздвигнутый еще во времена фараона Тутмоса III. Этот обелиск, покрытый иероглифическими надписями, весил около 6 т. Он был привезен в Константинополь по приказу императора Феодосия I, пожелавшего таким образом увековечить победу, одержанную им над готами и скифами в 388 г. К концу IV в. Константинополь превратился в подлинное средоточие шедевров, принадлежащих мастерам многих стран и эпох.

В царствование Константина здесь началось строительство первых христианских церквей. Многие языческие храмы были превращены либо в церкви, либо в общественные здания. Правда, Константин не препятствовал деятельности жрецов, и в тот период в Константинополе еще сохранялось немало языческих храмов, среди которых выделялся внушительный храм Фортуны. В закладке города и в церемонии его освящения участвовали представители греческих языческих коллегий.

Подобно Риму, построенному на семи холмах, Константинополь раскинулся на обширной территории семи холмов Босфорского мыса. В годы царствования Константина здесь было сооружено около 30 великолепных дворцов и храмов, более 4 тыс. крупных зданий, в которых жила знать, цирк, 2 театра и ипподром, более 150 бань, примерно такое же количество хлебопекарен, а также 8 водопроводов. Число домов простолюдинов неизвестно, но нетрудно себе представить, что оно было весьма значительным.

По мере роста населения города его территория увеличивалась. В конце IV в. для новых поселенцев уже не находилось места внутри городской черты и дома начали строить за пределами стен, сооруженных Константином. В V в. число жителей Константинополя колебалось в пределах от 100 тыс. до 700 тыс. По словам византийского историка Зосимы, в Константинополе в тот период царили «многолюдство и теснота». В прибрежной части города дома строили на сваях.

Быстрый рост города привел к необходимости обнести мощными стенами всю его расширившуюся территорию. К тому же Константиновы стены в 412 г. серьезно пострадали во время землетрясения. Новые, так

называемые Феодосиевы стены были построены в правление императора Феодосия II (408—450). Они определили те границы, в которых Константинополь существовал в течение многих веков. Дальнейший рост города шел уже за счет создания многочисленных предместий, лежавших на северном берегу Золотого Рога и на азиатском берегу Босфора, напротив Босфорского мыса.

Добиваясь превращения новой столицы в крупнейший торговый порт, Константин и его ближайшие преемники немалое внимание уделяли строительству причалов и торговых складов. Император покровительствовал мореходам, заботился об увеличении военного и торгового флота. Константин явно стремился превзойти торговую славу древнего Византия.

Новая столица Римской империи поражала красотой и величием. Широкие центральные улицы, большие площади, украшенные великолепными колоннами и статуями, величественный дворец императора и роскошные дома вельмож, триумфальные арки, ипподром — все вызывало восхищение чужеземцев, которым довелось впервые увидеть «Новый Рим».

Главная улица Константинополя называлась Меса (Средняя). Эта вымощенная каменными плитами широкая магистраль пересекала почти весь город с запада на восток. Начиналась она около Золотых ворот, находившихся в той части стены, которая защищала город со стороны суши, и доходила до одной из самых больших площадей — Августеон. В центре площади возвышалась статуя св. Елены, или Августы. На Месе и на прилегающих к ней улицах и площадях располагались наиболее важные церкви и общественные здания, дома знати с портиками и колоннадами. По ней обычно торжественно следовал императорский кортеж и проходили церковные процессии.

Центральные улицы Константинополя, как правило, имели в ширину не более 5 м и были застроены зданиями в один-три этажа. Дома знати и купечества часто украшались одноэтажными портиками. Чем дальше от центра города, тем уже и грязнее делались улицы. Здесь не было красивых, нарядных зданий. В комнатах-клетушках доходных домов, построенных по образцу римских инсул*, ютились ремесленники, мелкие

---

* И н с у л а — многоэтажный дом, состоящий из отдельных квартирок.

торговцы, рыбаки, моряки и прочий бедный городской люд.

Одной из достопримечательностей новой столицы римлян стал Форум Константина. Площадь была вымощена мраморными плитами, украшена колоннами, портиками и триумфальными арками. В центре ее возвышалась колонна Константина Великого. Рядом с площадью находился большой рынок булочников. В примыкавшем к площади переулке, носившем символическое название Долины слез, обычно происходила продажа невольников.

Площадь Августеон была украшена великолепными творениями константинопольских скульпторов. Здесь были расположены здания сената и городской библиотеки, дворцы вельмож, резиденция патриарха. У самой площади находился Милий — купольное здание, богато украшенное скульптурами. От него велся отсчет расстояний по идущим от Константинополя дорогам. К площади Августеон примыкали императорский дворец, храм св. Софии и ипподром. Эта часть города представляла собой, таким образом, центр политической жизни столицы.

В центральной части города находилась и площадь Феодосия, где возвышался упомянутый выше египетский обелиск, установленный Феодосием I. На площади Быка, которую пересекала улица Меса, стояла громадная бронзовая фигура быка; его чрево служило печью, в которой сжигали осужденных на смерть преступников. Недалеко от Константиновых стен, в западной части города, находилась площадь Аркадия. В ее центре по распоряжению Феодосия II в 421 г. была воздвигнута колонна, увенчанная статуей его предшественника — императора Аркадия.

Огромное пространство в юго-восточной части города занимал Большой императорский дворец. Сооружение дворца началось в годы правления Константина Великого. Преемники Константина расширяли и перестраивали его. Постепенно сложился огромный комплекс дворцовых зданий. Размеры территории, на которой располагались Большой императорский дворец и примыкавшие к нему дворец Магнавра и приморский дворец Вуколеон, составляли около 40 гектаров. В состав Большого дворца входили резиденция императора и помещения, где жили члены императорской семьи. В многочисленных служебных зданиях размещались гарни-

зон дворца и императорская гвардия, а также дворцовая челядь. Огромные залы предназначались для торжественных приемов. Обширные сады и парки украшали территорию Большого дворца. Он оставался несколько веков местом пребывания императоров, и только императоры из династии Комнинов (1081—1185) перенесли резиденцию в новый дворец — Влахерн.

В середине IX в. Большой дворец включал несколько сооружений. Самым старым среди них был дворец Дафны, построенный еще в IV в. в районе ипподрома и площади Августеон. Ряд зданий комплекса был сооружен в годы правления Юстиниана II (685—695, 705—711), несколько дворцовых зданий было построено при императоре Феофиле (829—842). Таким образом, весь гигантский комплекс Большого дворца создавался на протяжении почти пяти веков. Войны и пожары уничтожили с течением времени все эти памятники архитектуры. Лишь средневековые хроники донесли до нас представление об облике выдающихся творений зодчих, скульпторов, художников и ремесленников Константинополя.

В комплексе Большого дворца выделялся Триконх, служивший тронным залом. Он имел два этажа; вокруг всего нижнего этажа шла галерея. Здание было богато украшено разноцветным мрамором, а крыша сверкала позолотой. Дорогими сортами мрамора, мозаикой и позолотой были отделаны и другие дворцовые здания — Сигма и Триклиний, Эрос и Мистерион, Камилас и Мусикос. В их архитектуре широко использовались арки, своды и колонны. Многие здания имели поразительную акустику. Удивительная слышимость в разных концах зала в Мистерионе приводила, по свидетельству историков, в изумление всех, кто бывал в нем. Эрос использовался как зал оружия; стены здесь также были украшены изображениями оружия. Стены зала Жемчуга, построенного, как и Триконх, Сигма, Камилас, Мистерион и Эрос, при императоре Феофиле, были украшены пестрыми мозаичными изображениями животных. Крыша этого зала покоилась на восьми колоннах, а пол был выложен дорогим пелопоннесским мрамором и покрыт инкрустацией. Золоченая крыша здания Камиласа опиралась на шесть колонн из зеленого фессалийского мрамора. Стены зала украшали мозаичные фигуры людей, собирающих плоды, а пол искусные строители выложили великолепным мрамором. Во дво-

ре между зданиями Триконха и Сигмы были сооружены трибуны из белого мрамора. Здесь ежедневно проходили приемы, нередко с танцами и театральными представлениями.

Роскошь личной императорской резиденции производила ошеломляющее впечатление. Анфилада залов являла собой настоящую сокровищницу, в которой было собрано множество произведений искусства из мрамора и драгоценных камней, золота и серебра. В главном зале дворца Магнавра, где устраивались приемы иностранных гостей и послов, находился золотой трон, перед которым лежали два льва из золота. За троном высилось искусно сделанное из золота дерево, на ветвях которого сидели золотые птицы. Император входил под звуки музыки. Его одежды были усыпаны драгоценностями. Когда гости императора входили в тронный зал, львы поднимались и начинали рычать, а птицы взмахивали крыльями. Пока гости или послы лежали распростершись ниц, император вместе с тронном неожиданно возносился вверх и вскоре вновь появлялся перед изумленными иноземцами, облаченный в новые роскошные одежды. Все эти чудеса были делом рук искусных мастеров, которые сохранили античный секрет автоматов, приводившихся в движение с помощью воды.

В северо-западной части столицы, недалеко от городских стен, находилась другая императорская резиденция — дворец Евдом. К нему примыкало обширное поле, предназначенное для военных смотров.

Большой дворец был соединен внутренними ходами и крытыми галереями с ипподромом, который был не только любимым местом развлечений жителей Константинополя, но и форумом, где часто решались важнейшие государственные дела. Сооружение ипподрома началось еще в годы правления Септимия Севера. Закончено строительство было уже при Константине Великом. Ипподром был построен по образцу большого римского цирка. Первые представления и спортивные состязания состоялись на ипподроме в день торжественного освящения новой столицы Римской империи. Ипподром имел 370 м в длину и 180 м в ширину. Его трибуны, имевшие 40 рядов, вмещали более 40 тыс. зрителей. На самом верху этого амфитеатра находилась галерея, украшенная множеством произведений искусства. Отсюда открывалась панорама Константинополя.

Арена была отделена от зрителей рвом. В центре арены располагалась узкая терраса, украшенная колоннами и статуями. Здесь находилась, в частности, статуя Геракла работы Лисиппа, прославленного греческого скульптора IV в. до н. э. Со временем на террасе стали устанавливать статуи императоров. Для императора и его свиты была построена трибуна, опорами которой служили 24 мраморные колонны. Над императорской ложей возвышалась башня, увенчанная четырьмя бронзовыми конями работы Лисиппа. Когда-то Коринф был принужден уступить эту скульптуру Риму, откуда она попала в Константинополь. Императорская трибуна сообщалась с резиденцией императора в Большом дворце.

Город был основательно защищен от нападения с суши и с моря. После сооружения стен Феодосия, укрепления стен Константина и строительства стен, защищавших город со стороны моря, вокруг Константинополя возник мощный оборонительный пояс, вернувший городу на Босфоре ту славу неприступности, которой некогда по праву гордился Византий. Во всяком случае, любой полководец, который вознамерился бы штурмовать Константинополь, должен был понимать, что преодоление оборонительных рубежей города будет делом необычайно трудным даже в случае применения самой мощной осадной техники.

Общая протяженность стен составляла 16 км. По всему их периметру насчитывалось 400 мощных башен. Со стороны суши город защищали стены Феодосия, пересекавшие весь Босфорский мыс; их длина достигала 5,5 км. Они были построены в три ряда. Первый ряд, высотой 5 м, был защищен глубоким рвом. Затем шел второй ряд стен, имевших 2—3 м в ширину и 10 м в высоту; они были укреплены пятнадцатиметровыми башнями. Наконец, в 25—30 м от второго ряда возвышались наиболее мощные стены — толщиной 6—7 м, защищенные башнями высотой от 20 до 40 м. Основания оборонительных сооружений находились на 10—12 м ниже уровня земли, а потому попытка прорыть подкоп была делом практически безнадежным. Воздвигнутые через четверть века после постройки стен Феодосия морские стены города были сооружены в один ряд и также имели башни.

Особенно надежно были укреплены сухопутные стены. Наполненный водой ров Феодосиевых стен имел в

ширину 20 м, глубина его местами доходила до 10 м. Через ров были переброшены деревянные мосты, которые в случае осады уничтожались защитниками. В стенах было устроено несколько ворот, которые делились на военные и гражданские. К последним и вели мосты через ров. Во время войн гражданские ворота замуравывались. Военные ворота находились под защитой наиболее высоких и мощных башен; их двойные железные створы были всегда заперты; открывались они только для вылазок против неприятеля, осаждавшего город. В стенах Феодосия находились Золотые ворота, сделанные в виде триумфальной арки с тремя пролетами. Центральный пролет был предназначен для прохода императорского кортежа. Ворота были украшены статуями, в том числе скульптурными изображениями Геракла и Прометея.

Территория Константинополя была разделена, подобно Риму, на 14 кварталов — регионов. Каждый регион управлялся куратором, или регионархом, в распоряжении которого находились блюстители порядка и важная по тем временам ночная сторожевая служба.

Важнейшим учреждением столицы было ведомство эпарха Константинополя. Эпарх ведал всеми делами города — благоустройством, поддержанием внутреннего порядка, регламентацией социальной и политической жизни. По своим функциям и правам он почти не отличался от префекта Рима. Власть, которой он обладал, делала его первой особой в государстве после императора.

Эпарх имел право арестовывать граждан, подвергать тюремному заключению или высылке любое лицо, представляющее, с его точки зрения, опасность для благополучия города. Ему были подчинены полиция и тюрьмы. Кроме того, он расследовал все уголовные дела и фактически являлся высшей судебной инстанцией. Каждый из регионов города имел свое судебное учреждение, и все они были подчинены эпарху. Он мог лишать горожан права жительствова в столице. Эпарх был главным лицом при расследовании заговоров, ставивших целью убийство или низложение императора. Он чинил суд и расправу, когда в городе вспыхивали бунты против властей. От воли эпарха практически зависели жизнь и судьба любого горожанина. Ведомство эпарха постоянно осаждалось просителями. Среди них были не только те, кто молил эпарха о помиловании

близких. Сюда стекался рабочий люд — ремесленники и торговцы, рыбаки и мореходы. Ведь в компетенцию эпарха входили дела, относящиеся к строительству, торговле, деятельности ремесленных корпораций.

Эпарх Константинополя был непременным участником торжеств и церемоний при императорском дворе, причем играл в них обычно главенствующую роль. Императоры тщательно выбирали кандидата на этот пост. Обряд назначения нового эпарха происходил в императорском дворце. Все придворные и городская знать присутствовали на этой торжественной церемонии. После ее завершения эпарх по традиции направлялся из дворца вместе со свитой в храм св. Софии, а оттуда, сопровождаемый тысячами горожан, — в свое ведомство. Горожане далеко не безразлично относились к назначению эпарха. Если выбор императора падал на человека непопулярного, то церемония могла сопровождаться беспорядками. Самым популярным эпархом эпохи становления Константинополя был Кир, человек исключительного ума и образованности, много сделавший для развития и благоустройства города. Популярность эпарха показалась опасной императору Феodosию Великому. Кир был смещен со своего поста и пострижен в монахи.

Как мы уже говорили, одной из обязанностей эпарха была забота о благоустройстве города. Он не только должен был поощрять и направлять новое строительство, но и организовывать театральные представления, готовить столицу к празднествам, шествиям императорских процессий и торжественным встречам знатных гостей. В такие дни улицы чистились и декорировались зеленью и цветами, парадные залы императорского дворца украшались ценными тканями, изделиями из золота и серебра. Путь, по которому следовали кортежи императора или послов от государей других стран, был обычно усыпан цветами.

Со вторым рождением древнего города начался и новый расцвет торговли. Средоточием торговой жизни стали улица Меса и пересекаемые ею площади. От площади Августеон до Форума Константина тянулись лавки богатых купцов. Здесь продавались дорогие ткани и одежды, благовония и драгоценности, оружие и свечи, изделия гончаров и лакомства. На площадях шла торговля скотом и рыбой, хлебом и вином, шелком-сырцом, маслом и воском.

Бурно развивалось торговое мореплавание. Констан-

тинополь начал вновь превращаться в крупный центр транзитной торговли. К началу VI в. путь через проливы вновь стал одним из источников благосостояния города, а таможенные пошлины — важным источником доходов.

Город приобрел постепенно и славу центра ремесел. В столице были расположены императорские и государственные мастерские, которые работали не на рынок, а выполняли заказы двора, армии и правительственных учреждений. Ремесленники, трудившиеся в таких мастерских, были прикреплены к ним пожизненно, причем прикрепление носило наследственный характер. Значительная часть их были рабами. В столице было и множество мастерских, где трудились свободные ремесленники. Широко были известны изготавливавшиеся в Константинополе шелковые ткани, одежда, кожаные, керамические и стеклянные изделия, строительные материалы, но больше всего славились производившиеся здесь предметы роскоши. На многие века Константинополь стал своеобразной «мастерской великолетия» для стран Европы и Востока.

Тем временем Римская империя постепенно приходила в упадок. Этот процесс усилился после смерти Константина. Между его преемниками разгорелась отчаянная борьба за власть. В числе драматических эпизодов этой борьбы был мятеж расположенных в столице войск. Его организовал один из сыновей Константина Великого, Констанций, который решил использовать царившее в войсках недовольство в борьбе против других наследников. В городе произошла кровавая резня, во время которой были перебиты многие родственники покойного императора. Другой сын Константина, Констант, сумел более десяти лет держать под своей властью западную часть империи, но погиб в борьбе с провозгласившим себя императором полководцем Магненцием. Только после победы Констанция над Магненцием империя вновь была восстановлена под властью одного императора.

Первые десятилетия существования Константинополя были отмечены усилением религиозных распрей. Пройдя к тому времени довольно длительный путь развития, христианство тем не менее не стало единым религиозным течением, в нем было много направлений и сект. В непрерывно возникавшие споры и столкновения по догматическим или обрядовым вопросам клир

вовлекал огромные массы верующих. В результате в церковных конфликтах в той или иной степени отражались и социальные, и политические устремления народных масс. Правление Константина Великого и его преемников характеризовалось постоянными богословскими спорами, которые отражали борьбу ортодоксального христианства с арианской ересью.

Александрийский священник Арий в начале IV в. начал проповедовать учение, противостоящее ортодоксальному христианству. В центре богословского спора находился вопрос о природе Христа. Ариане отрицали идею единосущия, выражаясь языком церкви, бога-отца и бога-сына, защищали тезис о том, что Христос не равен богу-отцу, будучи его творением. Арианство получило распространение в демократических слоях Константинополя. Император стал на сторону официальной церкви, арианство было осуждено на вселенском соборе в Никее в 325 г. Но через несколько лет политические интересы привели Константина к поддержке арианства. Создатель «Нового Рима» накануне своей смерти даже принял крещение от епископа-арианина. В дальнейшем борьба ортодоксии и арианства продолжалась, накладывая печать на многие политические события в империи и ее столице. В 342 г. улицы Константинополя стали ареной кровавых столкновений при выборе епископа. Кандидата ариан поддерживали войска императора, ортодоксальное духовенство подняло против властей горожан. Борьба арианства и ортодоксального христианства с переменным успехом продолжалась и во второй половине IV в., отражаясь и на политической жизни Константинополя, и на нравах его жителей.

В середине IV в. Константинополь был свидетелем борьбы за престол между императором Констанцием и его двоюродным братом Юлианом, вошедшим в историю под именем Отступника. Осенью 355 г. Констанций даровал Юлиану ранг цезаря и сделал его командующим войсками, защищавшими от варваров Галлию. Через несколько лет, когда император отправился воевать с персами, галльские легионы провозгласили Юлиана императором. Назревала междоусобная война, но внезапная смерть Констанция осенью 361 г. решила исход дела. Хотя Юлиан царствовал недолго, всего около полутора лет, этот короткий период был отмечен событиями, вошедшими в историю, ибо Юлиан энергично пытался отвратить римлян от христианской религии.

Проповедуя необходимость свободы совести, он в то же время стремился ограничить пропаганду христианского вероучения, а для обновленного им язычества хотел создать такую жреческую организацию, которая была бы в состоянии соперничать с христианской церковью. Когда Юлиан в 363 г. умер от раны, полученной в сражении с персами, его начинания были быстро забыты.

Положение империи между тем становилось все более и более непрочным. С запада ее теснили вестготы. В 70-х годах IV в. они стали с разрешения Рима селиться на территории империи. В 378 г. римские войска в битве при Адрианополе потерпели поражение от готов, к которым примкнули недовольные римским владычеством массы разноплеменных рабов, колонов и крестьян. На поле битвы осталось 40 тыс. римских воинов, погиб и император Валент. Его преемнику, Феодосию I (379—395), удалось заключить мир с готами. Он даже сумел привлечь на свою сторону некоторых готских военачальников и вождей отдельных племен, используя подкуп, роскошные приемы в императорской резиденции в Константинополе, назначения на высокие посты в армии. Именно в ту пору возникли в окрестностях Константинополя военные поселения готов, составивших отряды городской стражи. Император Феодосий не разрешал им селиться на территории города в пределах Константиновых стен, ибо был ревностным защитником ортодоксального христианства, а готы исповедовали арианство. После постройки Феодосиевых стен место поселения готов образовало крайний западный район города.

Феодосий I был последним главой единой Римской империи. Его правление отмечено знаменитым эдиктом, в соответствии с которым все церкви империи были переданы епископам — сторонникам Никейского «символа веры» (принятого на Никейском вселенском соборе в 325 г.), осуждавшего арианство как ересь. По инициативе императора в мае 381 г. в Константинополе состоялся второй вселенский собор, который продолжил борьбу с арианством. Решением собора константинопольский патриарх стал вторым лицом в церковной иерархии после римского епископа. Примечательны слова из этого решения о том, что константинопольский патриарх «должен иметь преимущество чести вслед за римским», ибо «Константинополь есть новый Рим».

В 394 г. Феодосий провозгласил христианство единственной религией Римской империи.

Умирая, Феодосий разделил империю на две части — Западную, которую отдал в управление своему сыну Гонорию, и Восточную, правителем которой стал его другой сын, Аркадий.

Западная Римская империя после этого просуществовала недолго. 24 августа 410 г. войска вестготского вождя Алариха овладели «вечным городом». Воины Алариха три дня грабили Рим и убивали его жителей. Вестготы вскоре покинули опустошенный ими город. Через три десятилетия Западной Римской империи суждено было испытать нашествие полчищ гуннов во главе с Атиллой. К середине V в. под властью правителей Западной Римской империи остались только Италия и незначительная часть Галлии, а трон стал игрушкой в руках «варварских» дружин императоров. В 476 г. командующий германскими наемниками Одоакр сверг императора Ромула. Так погибла Западная Римская империя. На сотни лет утратила славу и величие ее столица.

Константинополь оказался счастливее своего соперника. Он стал столицей Восточной Римской империи, которая впоследствии превратилась в крупное государство, просуществовавшее более десяти веков. Самоназванием этого нового государства было «Царство ромеев», на латинском Западе его называли «Романия», а турки впоследствии стали называть «государством румов» или просто «Рум». Историки начали в своих трудах именовать это государство «Византией» или «Византийской империей» уже после его гибели в результате турецкого завоевания. Период, когда Константинополь был столицей Византии, был одним из важнейших этапов в судьбе города на берегах Босфора, едва ли не самой интересной страницей его удивительной истории.

Глава IV

ВЕКА СЛАВЫ И ИСПЫТАНИЙ

«Царство ромеев» было могущественным государством, занимавшим обширную территорию. В V—VI вв. под властью византийских императоров находились Балканы и Малая Азия, острова Эгейского моря и некоторые города Северного Причерноморья, Сирия, Палестина и Египет.

Византийская империя играла первостепенную роль в международных отношениях эпохи раннего средневековья. Она поддерживала оживленные дипломатические отношения со многими странами. Одним из выдающихся дипломатов был известный историк Приск Панийский — участник посольства, которое в 448 г. было направлено ко двору Аттилы — знаменитого вождя гуннов, наводившего ужас на многие народы Европы и Азии. Приск составил дошедшее до наших дней во фрагментах интереснейшее сочинение «Византийская история и деяния Аттилы». Этот труд свидетельствует о весьма высоком уровне организации дипломатической службы в империи византийцев. Другой выдающийся дипломат, Петр Патрикий (VI в.), запечатлел в своих мемуарах, известных нам лишь во фрагментах, дипломатические связи Византии с остготами и Ираном. Для византийской дипломатии V—VI вв. было уже характерно не только умение ловко использовать политические связи империи, но и получать нужную информацию по торговым каналам, а также в результате религиозных или культурных контактов со странами, входившими в орбиту интересов «Царства ромеев».

Оценим характер византийского государства. Население его отличалось большой пестротой. Греки и фракийцы, армяне и копты, арабы и готы, многие другие народности и племена жили в его пределах. Византийская империя восприняла от позднего Рима принципы

права и административное устройство, традиции литературы и искусства. Но в VI—VII вв. начались перемены. Так, постепенно произошло освобождение от латыни. Греческий язык стал не только языком церкви и литературы, но и государственного управления.

В результате разложения рабовладельческого строя Византийская держава постепенно превращалась в феодальное государство. Вначале здесь преобладали свободное крестьянское землевладение и общинные отношения, но в IX—X вв. ведущую роль стало играть крупное феодальное землевладение. Однако развитие феодализма не уничтожило городского строя. Города играли очень большую роль в экономической жизни государства. Особое место среди них занимала столица.

Первый век существования Константинополя в качестве столицы империи был прежде всего примечателен тем, что в те годы сложилась и утвердилась структура власти византийских императоров, ее ведущие институты, оформились службы управления самим городом. Определились и облик города, особенности городского быта.

Архитектурный ансамбль Константинополя мало изменился. По-прежнему украшением города оставались Большой императорский дворец и ипподром, представлявший собой центр общественной жизни. Дворцы знати, арки и портики, храмы, фонтаны и театры вызывали у современников восхищение. Красота архитектурных памятников гармонировала здесь с удивительной прелестью природы. Город по праву считался самым красивым во владениях Византийской империи, да и за ее пределами молва о нем широко распространилась. Что же касается укреплений Константинополя, то после строительства в первой половине V в. сухопутных Феодосиевых стен и сооружения мощных морских стен вряд ли в ту пору где-либо существовал другой столь же неприступный город-крепость.

Вокруг Константинополя были плодородные земли и пастбища, цвели сады, выращивались овощи. Многие земли принадлежали императору, богатейшему собственнику Византии, и высшей знати. Население Константинополя исчислялось несколькими сотнями тысяч человек. Значительную часть его составляли чиновники и служащие общеимперских и городских учреждений, крупные землевладельцы, предпочитавшие жить в столице, богатые торговцы и ростовщики, челядь импера-

торского двора. Для всей этой огромной массы людей, которая сама ничего не производила, везли хлеб из Египта, скот из Фракии, масло, вина и ткани из Сирии и Палестины, вино, фрукты, меховые и кожаные изделия из городов Малой Азии. Но в Константинополе жили и замечательные ремесленники. Особенно они славились производством предметов роскоши, которые вывозились во многие страны Европы и Азии. Целая армия ремесленников обслуживала императорский двор, высшую бюрократию и армию, городскую знать. Корабельные мастера строили на городских верфях суда, в том числе крупные.

Центром политической жизни столицы был двор императоров. Император (василевс) обладал неограниченной властью, «врученной ему самим богом», все в империи принадлежало ему. Культ его власти породил и необычайно пышный и строго регламентированный придворный этикет и церемониал. Даже облачение императора — роскошные пурпурные одежды и диадема из драгоценных камней — призвано было внушить окружающим веру в божественное величие повелителя и абсолютную недосыгаемость его для подданных.

Отличительной чертой политического устройства Византийской державы было особое положение императрицы. В жизни империи императрицы играли активную роль, не раз они самостоятельно управляли государством. Значимость персоны императрицы подчеркивалась даже тем, что ее коронация всегда происходила до брачной церемонии: это как бы символизировало получение ею верховной власти непосредственно от бога, а не в качестве супруги властелина. Императрица располагала большим штатом слуг и придворных, она распоряжалась и лично ей принадлежавшим крупным состоянием. Императрицей могла стать и становилась женщина из любого сословия, ибо византийские императоры не искали в своих избранницах знатности. Государственная мудрость гласила, что каждая красивая женщина достойна титула «благочестивейшей и счастливой Августы, царицы, любящей Христа». Заметим, что активное участие императриц в государственных делах добавило немало страсти в полную интриг и драматических ситуаций жизнь императорского двора.

Дворец был средоточием управления всей империей. Главной фигурой в нем был магистр оффиций — начальник дворца и его служб. Он обеспечивал безопас-

ность особы императора, командовал дворцовой гвардией и личной охраной властелина. Власть этого лица распространялась на полицию столицы и ее арсеналы. Наконец, магистру было предоставлено право контроля над деятельностью дворцовых служащих и различных государственных ведомств. К числу высших сановников империи относился и квестор, который составлял указы императора, возглавлял нотариев, а также обладал судебной властью в качестве главного византийского юриста. Во дворце императора находились также канцелярии руководителей финансового ведомства. Специальная служба обеспечивала нужды самого императора и императрицы. Здесь особую роль играли евнухи, находившиеся в личном услужении императорской четы. Исключительным влиянием при дворе обладал евнух — препозит императорских покоев, пользовавшийся особым доверием императора.

Важное место в политической жизни столицы занимал сенат. Хотя он был лишь совещательным органом при императоре, при выборе нового властителя или при его низложении роль сената была значительной. Высшие военачальники империи также играли немалую роль в политической жизни. Византия имела большую армию, в которой в рассматриваемый период было много наемников — «варваров», являвшихся, в частности, костяком императорской гвардии. В столице постоянно находились командующие основными родами войск — пехоты и кавалерии. Роль конницы в византийских вооруженных силах в это время резко возросла. Но военного флота Византия практически не имела, его строительство началось уже в VI в. В IV—V вв. гавань Константинополя принимала, как правило, торговые суда.

Управление огромным городом находилось в руках эпарха, функции которого были по-прежнему необычайно велики. Мало того, что ему подчинялись все службы столицы, связанные с соблюдением порядка, снабжением и благоустройством, что он полностью контролировал деятельность всех торговых корпораций и ремесленных цехов, что в его ведении были полиция и суд и что он отвечал за охрану дворца и казны государства, он еще являлся председателем сената.

Первое столетие существования империи ромеев не было отмечено правлением сколько-нибудь выдающейся личности. Почти полвека (408—450) на троне находился Феодосий II, предпочитавший государственным

делам искусство каллиграфии. При нем делами империи распоряжались приближенные. Долгое время при дворе Феодосия II всем заправляла его сестра Пульхерия, создавшая атмосферу ханжества и интриг, торговавшая чинами и должностями.

Константинополь был свидетелем многих драматических событий. На самом рубеже V в., 12 июля 400 г., горожане с оружием в руках помешали вестготам захватить власть в Константинополе. Командиры «варварских» дружин, обладавшие при императоре Аркадии огромной властью, были изгнаны из города вместе с их войском. Вестготские отряды Алариха бесчинствовали на Балканах, и византийцам приходилось прилагать немалые усилия, чтобы избежать их дальнейшего вторжения в пределы империи.

Заметное влияние на политическую жизнь столицы оказала деятельность константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста. В своих проповедях он обличал жестокость и бессердечие богачей, с сочувствием изображал положение беднейших жителей города, бичевал произвол властей при сборе налогов. Когда над Златоустом был учинен суд и он был лишен сана, городская беднота восстала в защиту своего кумира. Запылали дома вельмож, простой люд разорял здания правительственных ведомств. Все это происходило осенью 404 г. Мятеж низов удалось ликвидировать, но его отголоски долго ощущались в жизни города.

На протяжении V в. народные волнения еще не раз нарушали мирное течение жизни в византийской столице. Чаще всего то были голодные бунты. Так, в ноябре 408 г. причиной бунта явилась задержка в доставке египетского хлеба. В 431 г. такие же волнения повторились. На этот раз возбужденные толпы даже посягнули на священную особу императора: его забросали камнями. Многократно жители столицы оказывались участниками волнений, связанных с церковными распрями. Одно из таких событий произошло летом 476 г. В результате борьбы церковных группировок константинопольский патриарх был лишен своих прерогатив в Малой Азии. Возбужденные этим известием жители столицы подняли восстание против императора. Город был охвачен пожаром, в пламени которого погибли многие рукописи и произведения искусства. Восстание привело к очередной смене на троне, столь частой в эту эпоху заговоров и дворцовых интриг.

Конец века отмечен в истории Константинополя бурными событиями. 9 апреля 491 г. умер император Зенон, причем в столице прошел слух, что его погребли заживо, когда он был мертвецки пьян. За всем этим явно крылась очередная дворцовая интрига. Об императоре, жестоком деспоте, мало кто сожалел. Но когда был избран новый император — Анастасий, народ потребовал серьезных реформ — замены константинопольского епарха и официального признания халкидонского вероучения * единственным правильным. Император проявил готовность частично удовлетворить требования масс, но возбуждение плебса привело к бунту и пожарам, в огне которых погибла большая часть домов столицы. Тогда власти подавили восстание силой.

Городские восстания в Константинополе на протяжении всего V века происходили на фоне стихийных выступлений народных масс, возникавших в разных областях страны и обычно облекавшихся в религиозную форму.

В целом первое столетие жизни Константинополя было сравнительно спокойным, его стены только однажды отражали атаки осаждавших. Это произошло в 486 г., когда войско готов под предводительством Теодориха подступило к византийской столице. Но вскоре готский король согласился заключить перемирие с императором Зеноном и отступил от Константинополя, разграбив его окрестности. Свободный от тягот военного времени город рос и строился, его ремесленные цехи и торговые корпорации крепили, расширяя связи как с другими районами империи, так и со многими странами Востока и Запада.

В эпоху раннего средневековья VI век был, пожалуй, самым бурным в истории византийской столицы. Он был заполнен волнениями димов, представлявших собой одно из любопытнейших явлений социально-политической жизни Византии тех времен. Димы возникли как спортивные партии во время состязаний на ипподроме, но постепенно стали чем-то вроде политических организаций городского населения, отстаивавших интересы различных его слоев. В тот период в Константинополе существовали четыре дима — венеты, прасины, левки

---

* Халкидонское вероучение — утвержденные на вселенском соборе 451 г. в Халкидоне богословские воззрения, согласно которым Христос был окончательно признан богочеловеком.

и русии, получившие свои названия по цветам одежды цирковых возничих. Каждый дим имел свою казну, имущество и вооруженные отряды молодежи. Во главе димов стояли выборные руководители. Наиболее значительными димами был венеты («голубые») и прасины («зеленые»). Венетов возглавляли крупные землевладельцы и аристократы, а прасинов — богатые купцы. Рядовые члены обеих партий принадлежали к средним и низшим слоям населения. Руководители димов умело использовали массу в борьбе с императором и его двором. Не раз им удавалось сдерживать стихийное недовольство городского населения, замученного налогами и притеснениями властей. И все же народное недовольство выходило из-под их контроля, вспыхивали бунты, сотрясавшие столицу империи.

Источники сохранили сведения о многочисленных бунтах. С 491 по 565 г. мятежи в столице случались около 30 раз. В 491, 493, 498 и 512 гг. вспыхивали бунты против императоров. Порой дело доходило до низвержения статуи василевса, а иной раз разбушевавшаяся толпа забрасывала императора камнями. Не раз императоры бывали вынуждены уступать бунтовщикам, отстраивая от власти неугодных им сановников или придворных.

Столкновения между венетами и прасинами также не раз приводили к кровавым побоищам. В 501 г. между ними произошло кровопролитное сражение, в ходе которого погибло более 3 тыс. человек. В 520 г. димоты подняли на ипподроме мятеж. Правительственные войска подавили его, при этом многие участники выступления были убиты. Затем последовало очередное примирение димов, после чего буквально через день они совместно выступили против властей. В мае 559 г. улицы столицы стали ареной жестоких схваток между димами. В центре города два дня шли бои, которые были прекращены лишь в результате вмешательства войск.

Одно из самых крупных восстаний разразилось в 532 г., в эпоху правления императора Юстиниана I (527—565). Оно известно под названием восстания «Ника́» («Побеждай»). Такой лозунг выдвинула городская беднота, доведенная до отчаяния вымогательством чиновников. Типичной для народных восстаний в Константинополе той поры была совместная борьба членов соперничавших димов против социального и государственного гнета. В рядах восставших объединились рядо-

вые члены «голубых» и «зеленых». К мятежникам примкнули некоторые сенаторы, возмущенные принижением роли сената при Юстиниане; они надеялись использовать восстание для смены династии.

Волнения начались 11 января. На ипподроме происходили конные состязания в присутствии императора и его свиты. Обстановка на трибунах была накалена до предела. Особенно беспокойно было на скамьях прасинов, вожди которых с гневом обрушились на ненавистного горожанам начальника дворцовой гвардии Каллоподия. Кроме того, они выдвинули ряд обвинений против чиновников. Затем последовали открытые нападки на самого Юстиниана, которого прасины называли виновником многих своих бед. Стали раздаваться оскорбительные для императора выкрики, после чего «зеленые» демонстративно покинули ипподром. По приказу Юстиниана были арестованы не только руководители прасинов, но и некоторые лидеры венетов, с которыми прасины враждовали.

13 января прасины и венеты обратились на ипподроме к императору с просьбой о помиловании осужденных на смерть товарищей. Не получив ответа, они подняли в городе мятеж. Толпы восставших начали поджигать правительственные здания, освобождать политических заключенных. Был сожжен архив, где хранились налоговые списки и долговые документы. Повстанцы громили дома знати. Заполыхали пожары, в пламени которых погибло здание сената, многие дома на улице Меса, в той ее части, которая соединяла дворец с Форумом Константина, немало строений на площади Августеон, некоторые церкви. Мятежники готовились к штурму императорского дворца.

Юстиниан вынужден был пойти на уступки, ряд ненавистных горожанам сановников был смещен. Но димоты потребовали низложения самого Юстиниана. Тогда император бросил против них отряды наемников — готов и герулов. Уличные бои принесли вначале успех восставшим. Тогда Юстиниан появился в своей ложе на ипподроме и сделал попытку заключить мир с димотами. Но те осыпали императора и императрицу оскорблениями и проклятиями. Юстиниан вынужден был буквально спастись от разъяренной толпы. Он был в панике, и от позорного бегства из столицы его удержала лишь императрица Феодора, сохранившая мужество в столь опасную минуту. В конце концов правительство

сумело, собрав все наличные силы, нанести повстанцам смертельный удар. 18 января отряды наемников с нескольких сторон ворвались на ипподром, где собрались димоты, и осыпали повстанцев градом стрел. Во время этой страшной резни было убито около 35 тыс. человек.

Долгое время после восстания Юстиниан запрещал проводить в городе цирковые игры. Только в 537 г. состязания на ипподроме возобновились. Однако и после этого император не чувствовал себя в полной безопасности. Во дворце были построены хлебные склады и сооружено большое водохранилище на случай осады. И действительно, в столице было неспокойно. Вторая половина правления Юстиниана была отмечена многими восстаниями. В 553 г. в городе вспыхнул бунт бедноты, вызванный порчей мелкой монеты, а через три года произошли волнения, связанные с нехваткой хлеба. 565 год был отмечен двухдневным сражением прасинов с правительственными войсками. Чтобы погасить бунт, Юстиниан был вынужден сместить одного из неугодных им высших сановников.

Правление Юстиниана I было ознаменовано не только кровавым подавлением народных восстаний. Широко известен Кодекс Юстиниана — свод законов, регламентировавших все стороны жизни византийского общества. Юстиниан приложил много усилий для утверждения неограниченной власти императоров, обеспечения привилегий церкви и гарантии права частной собственности. Он был выдающимся государственным деятелем и политиком, сделавшим многое для укрепления и дальнейшего развития столицы.

Личность императора Юстиниана выделялась на фоне галереи византийских правителей, отличавшихся лишь коварством, жестокостью и сребролюбием. Это был невероятно властолюбивый человек, буквально одержимый идеей собственного величия. Это не мешало ему, выходцу из крестьянских низов, быть крупным государственным деятелем, постоянно занятым укреплением мощи империи. Коварство и двуличье, беспощадность к окружающим он использовал для достижения имперских целей, не останавливаясь перед любыми жертвами. Никому не доверявший, этот человек не щадил даже своих ближайших помощников, если они оказывались жертвой доноса. Часто он устраивал придворных или вельмож, чтобы конфисковать их имущество. Во многом под стать Юстиниану была и императрица

Феодора, в прошлом танцовщица и куртизанка. Женщина недюжинного ума, искусная интриганка, Феодора обладала сильным характером и не раз поддерживала Юстиниана в трудных обстоятельствах, как это было в дни восстания «Ника». Такова была императорская чета, в пору царствования которой византийская столица стала еще богаче и величественнее, а бедный люд узнал новые тяготы и лишения.

При Юстиниане шло большое строительство и развивались связанные с ним ремесла. Совершенствовались и производство оружия. Кроме того, были созданы крупные государственные мастерские для изготовления шелковых тканей. Византийская столица превратилась в один из крупнейших центров мировой торговли. Константинопольские купцы торговали самыми разнообразными товарами, в их руках находились важнейшие нити торгового обмена между многими странами Азии и Европы. Юстиниан выступал обычно в качестве защитника интересов византийских, в частности константинопольских, торговцев.

К моменту вступления Юстиниана I на престол слава Константинополя далеко перешагнула пределы империи. Город восхищал всех, кому доводилось бывать в нем. Историки донесли до нас впечатления вестготского короля Атанариха, потрясенного величием и великолепием Константинополя. «Атанарих... вступил в царственный город,— пишет хронист той эпохи,— и в удивлении сказал: „Теперь я вижу собственными глазами этот знаменитый город, о котором часто слушал с недоверием“. И, озираясь туда и сюда, он то восхищался положением города, то удивлялся караванам кораблей, то, смотря на знаменитые стены и на множество народа из различных племен, обильной волной стекающегося сюда, как войско в боевом порядке, в одну реку из разных сторон, произнес: „Без сомнения, император есть земной бог, и кто осмелится на него подняться, сам будет виновен в пролитии собственной крови“». Последние слова Атанариха вряд ли отражали подлинные настроения правителей соседних с Византийской империей стран. Узнав о богатстве Константинополя и об удивительных выгодах его местоположения, они чаще загорались непреодолимым желанием овладеть чудесным городом. Примерами такого рода полна многовековая история Византии. Но восхищение городом, звучавшее в словах короля, было неподдельным.

Юстиниан решил увеличить славу города, создав храм, который своими размерами и великолепием затмил бы все, что было построено в Константинополе ранее. На месте, где было решено воздвигнуть этот храм, в годы правления Константина Великого была сооружена небольшая базилика. Во время восстания «Ника» она была уничтожена. Для создания проекта храма были приглашены известные зодчие — Анфимий из Тралл и Исидор из Милета. Закладка фундамента состоялась 23 февраля 532 г.

Интересна легенда о том, как у императора возник план храма. Она повествует о чудесном сневидении Юстиниана, в котором ангел сообщил императору планировку задуманного им грандиозного здания. Предания и легенды приписывают вмешательству небесных сил и решение некоторых спорных вопросов строительства. Одна из легенд гласит, что, когда между Юстинианом и архитекторами возник спор о том, сколько окон должно быть над алтарем, императору вновь явился ангел и дал совет соорудить три окна в честь святой Троицы. Подобные легенды отражали представления византийцев о величии храма, сооружение которого не могло обойтись, как им казалось, без помощи всевышнего.

Сооружение храма длилось около шести лет, в нем было занято 10 тыс. рабочих. Строительство потребовало огромных средств. Юстиниан повседневно наблюдал за ходом работ, приезжая на стройку обычно после обеда.

Стены и своды храма возводились из кирпича. Широко использовались мрамор, гранит и порфир. По приказу императора из различных городов империи в Константинополь отправляли остатки замечательных античных зданий. Мраморные колонны были привезены из Рима, Афин и Эфеса. На стройку доставлялся редкий белоснежный, светло-зеленый, бело-красный и розовый мрамор. Для сводов купола использовались особые белые кирпичи такой легкости, что дюжина их весила не больше куска черепицы.

Юстиниан стремился к тому, чтобы храм не имел себе равных и во внутреннем убранстве. Опьяненный идеей постройки церкви, которая стала бы символом его могущества, император зашел в своей расточительности так далеко, что хотел вымостить пол золотыми плитками. Его, правда, отговорили от этой затеи, и пол был

выложен разноцветным мрамором. Население империи дорого заплатило за расточительность императора. В годы строительства св. Софии налоги разоряли народ, даже чиновникам почти перестали платить жалованье.

Но Юстиниан достиг поставленной цели. Созданный по его повелению храм превзошел своим великолепием легендарный иерусалимский храм. Когда император вошел в храм в день его освящения, 27 декабря 537 г., он не без основания воскликнул: «Слава всевышнему, который избрал меня для совершения этого великого дела! Я превзошел тебя, Соломон!» В тот торжественный день на улицах Константинополя населению раздавали деньги и хлеб. Празднества по случаю освящения храма св. Софии продолжались 15 дней.

Замечательными сооружениями были и городские водопроводы. Создание акведуков для постоянного пополнения запасов воды в цистернах, колодцах и фонтанах было одной из важнейших задач строителей Константинополя. При императорах Константине Великом, Валенте (364—378) и Юстиниане I было сооружено несколько подземных водохранилищ и акведуков. Вода подавалась в них из водоемов, специально созданных в горах. Водопровод Валента пересекал город из конца в конец. Его двухъярусные аркады нависали над домами и улицами. Построенный в годы царствования Юстиниана акведук доставлял воду в город из р. Кидарис. Четыре двухэтажные арки этого замечательного сооружения высотой 36 м были перекинута через поток шириной 140 м.

Обширное градостроительство могло быть обеспечено только в условиях всестороннего развития экономики города, чему немало содействовало превращение Константинополя в крупнейший центр транзитной торговли. При Юстиниане I со всех товаров, провозимых через Босфор и Геллеспонт, взималась пошлина в размере десяти процентов их стоимости. Пошлина была настолько обременительна, что порой судовладельцы уничтожали свои суда и прекращали заниматься морской торговлей.

Об огромном торговом значении Константинополя писали К. Маркс и Ф. Энгельс, называя этот город «центром обширной торговли» *, оценивая его как «зо-

---

* Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 11,

лотой мост между Востоком и Западом»*. Исключительно велика была, в частности, роль византийской столицы в мировой торговле шелком в V—VII вв. Шелк, произведение китайских мастеров, стал известен в странах Средиземноморья еще в римскую эпоху, а с конца V в. торговля этим товаром, пользовавшимся огромным спросом, заняла важное место на всем Ближнем и Среднем Востоке. Для Византии она стала даже в значительной степени определять характер ее внешней политики. Караванные пути торговцев шелком-сырцом и готовыми изделиями из шелка пролегли через среднеазиатские оазисы, через города Согдианы, а затем по территории Ирана, купцы которого наживались на посреднической торговле товаром, ценившимся буквально на вес золота. Были и иные пути, в частности морской — из Индийского океана в Эритрейское (Красное) море. Шелк византийцы покупали главным образом у персидских купцов. Привозились шелковые ткани также из Багдада и Дамаска. Особенно много доставлялось в Константинополь шелка-сырца. В первую очередь он попадал в императорские шелкоткацкие мастерские, удовлетворявшие потребности двора и знати в тканях, из которых шились и праздничные одежды, и всевозможные культовые одеяния; они шли также на украшение алтарей и домов вельмож. Производством и сбытом шелковых тканей занимались и ремесленники. Часть их специализировалась на закупке шелка-сырца и его перепродаже другим ремесленникам.

Одним из важнейших источников дохода казны были таможенные пошлины. Специальные чиновники осматривали морские суда и торговые караваны, прибывавшие в город по суше, взимали пошлины, устанавливали срок пребывания приезжих купцов в городе, а в момент их отъезда проверяли вывозимые товары. Императоры запрещали транзит через проливы многих товаров, чтобы вынудить чужеземных купцов закупать их в самом Константинополе. К числу таких товаров относились хлеб, вина, оливковое масло, некоторые сорта шелковых тканей, ювелирные изделия, дорогое оружие, одежда. Это способствовало развитию византийского земледелия и ремесла, а также процветанию константинопольского купечества.

---

* *Маркс К.* Поражение правительства по финансовому вопросу. — Извозчики. — Ирландия. — Русский вопрос. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 240,

Константинополь притягивал к себе купцов и мореплавателей всех стран. Один из современников писал: «Купцы всякого рода приходят сюда из Вавилона, Шинара, Персии, Индии, Египта, Ханаана, Руси, Венгрии, из страны печенегов и хазар, из Ломбардии и Испании. Это торговый город, и купцы приходят из всякой страны морем и сушей, и не существует другого подобного ему города на свете, за исключением Багдада — великого города ислама. Несметные богатства, которые стекаются в этот город из каждого государства, каждого места и каждого города, превышают всякое воображение и превосходят богатства всего мира».

Константинополь был не просто столицей, но и главным городом государства во всех отношениях — политическом, экономическом и культурном. До XII в. Константинополь оставался уникальным явлением в социально-политической и духовной жизни Византийской империи. Особое положение города стимулировало бурное развитие в нем торговли и ремесла, хотя в этих сферах деятельности столице империи постоянно приходилось сталкиваться с конкуренцией ряда провинциальных городов.

Все константинопольские ремесленники и торговцы были объединены в корпорации по профессиям, имевшие много общего с цехами в Европе в позднее средневековье. Особенность константинопольских ремесленных корпораций заключалась в том, что кроме наемных свободных работников они широко использовали рабов.

Деятельность ремесленных и торговых корпораций регламентировалась постановлениями эпарха Константинополя. Не случайно лучшим источником для изучения жизни средневекового Константинополя является памятник X в. «Книга эпарха», в которой собраны постановления, касающиеся цехов. Регламентировались все стороны их деятельности. Запрещалось ткать материи неустановленных расцветок и образцов. Закупка шелка-сырца должна была производиться только в тех торговых заведениях, которые были для этого предназначены ведомством эпарха. Под контролем этого ведомства находилась и продажа готовых изделий иностранным купцам. Служившие там чиновники имели право в любой момент осматривать мастерские для проверки выполнения их хозяевами установленных правил работы.

Торговцы благовониями были обязаны покупать свои

товары, когда в Константинополь приходили караваны с мускусом, ладаном, бальзамом и иными благовониями из Индии и Китая. Торговцы мылом имели право продавать только определенные его сорта. Для цехов мясников, рыботорговцев, булочников, виноторговцев были твердо определены время и место торговли, характер и цены товаров. На рынке обычно находился смотритель, наблюдавший за тем, чтобы продукты продавались по установленным эпархом ценам. Содержателям питейных заведений запрещалось открывать их в дни больших празднеств, а в воскресные дни — ранее двух часов дня. По ночам все кабаки бывали закрыты, а их владельцам даже предписывалось гасить свет, дабы не привлекать внимание любителей спиртного и не нарушать ночной порядок в столице.

В числе константинопольских цехов была коллегия тавулариев — своего рода нотариусов. В огромном городе, где ежедневно совершались всевозможные торговые сделки, была велика нужда в лицах, которые могли оформить и скрепить своей подписью и личным знаком документы о купле и продаже, иные деловые бумаги. Каждый новый член коллегии утверждался эпархом. Все виды работы, выполнявшейся тавулариями, равно как и размеры их оплаты, строго регламентировались.

Неравенство между цехами было ощутимым. Цехи тавулариев, ювелиров, менял и торговцев шелковыми тканями принадлежали к числу привилегированных. Цехи же булочников, мясников, кожевников и мыловаров представляли собой преимущественно объединения мелких ремесленников, которые в основном и страдали от жесткой регламентации и поборов чиновников.

В начале VII в. Константинополь пережил сильное потрясение. Во многих районах империи в ту пору вспыхнули восстания рабов и разоренных крестьян. Взбунтовалась беднота и в Константинополе. Активную роль в беспорядках играли димы. Положение в столице осложнилось тем, что начались волнения в армии. Император Маврикий обласкал руководителей прасинов и венетов и поручил димах охрану городских стен. Но волнения не утихали, так как столица стала испытывать недостаток в хлебе. Во время крестного хода императора и его сына окружила толпа, требовавшая хлеба. От града камней Маврикий со свитой укрылся за стенами дворца. Демоты бросили посты на стенах и присоединились к восставшему народу.

Основную массу бунтовщиков в этих событиях, как и на протяжении последующих веков жизни византийской столицы, когда димы потеряли роль и влияние, составлял плебс. То была многочисленная прослойка населения, включавшая не только наемных работников, но и бедняков, перебивавшихся случайными заработками. Немалую часть плебса составляли деклассированные элементы: нищие, проститутки, калеки. Многие из них не имели жилья, чаще всего голодали. В тех редких случаях, когда судьба бывала к ним милостива, они наедались досыта или напивались в дешевых кабаках. Жили они в основном за счет подачек власть имущих: то император приказывал разбрасывать по случаю каких-либо торжеств деньги и бесплатно кормить и поить городскую бедноту, то константинопольский патриарх распределял милостыню. Бесплатная еда иной раз дополнялась и бесплатным зрелищем: плебс получал возможность посмотреть на ипподроме представления фокусников, дрессировщиков и акробатов. Одной из характернейших черт столичного плебса была неустойчивость настроений.

Но вернемся к бунту против Маврикия. Как мы уже упоминали, начались волнения в армии. Солдаты были недовольны Мавриkiem, ибо он уменьшил выдававшееся им содержание и постоянно отбирал у войска большую часть добычи для себя и своих приближенных. Когда же император приказал частям дунайской армии остаться на зиму в славянских землях, явно желая освободить казну от лишних расходов, солдаты подняли мятеж. Войско двинулось маршем на столицу. Бунтовщики-горожане помогли им захватить Константинополь. Запылали дворцы приближенных императора. Маврикий успел бежать на небольшом суденышке. Однако вскоре он был пойман, а затем казнен в Калхедоне, причем вначале у него на глазах были обезглавлены все его дети.

На престол был возведен один из восставших против императора военачальников — Фока (602—610). Против него выступили рабовладельческая знать, сенатская аристократия, крупные землевладельцы. Империю охватила гражданская война, эхо которой около восьми лет отдавалось в столице, где не раз происходили кровопролитные столкновения между сторонниками и противниками нового императора.

Правление Фоки было отмечено террором против тех,

кто сопротивлялся его власти. По приказу императора было казнено множество представителей старой аристократии. Казни часто совершались с дикой жестокостью. Так, начальнику арсенала столицы отрезали язык, выкололи глаза, отрубили ноги и руки; бросив затем истерзанного вельможу в лодку, палачи ее подожгли. Что же касается положения широких масс горожан, то новый правитель никак его не улучшил. Вспышки недовольства константинопольского плебса не прекращались. В 603 г. волнения закончились грандиозным пожаром, во время которого сгорели многие здания в центральной части Константинополя. В 607 и 609 гг. против Фоки выступали прасины. Правительство подавило оба выступления. Особенно сурово оно расправилось с прасинами в 609 г. Многие повстанцы были обезглавлены и утоплены.

Гражданская война и казни не только привели к уничтожению большей части старой земельной аристократии, но и резко ослабили экономические и политические позиции этого социального слоя. Все это сказалось на последующей истории империи и на жизни ее столицы.

Репрессии не сохранили Фоке трон. Гражданская война закончилась приходом к власти императора Ираклия (610—641). 3 октября 610 г. в Константинополь вступили его войска. Фока и его приближенные были казнены, а трупы их сожжены на площади Быка.

Внешнеполитическое положение империи было в то время далеко не блестящим, ибо она в прямом смысле слова оказалась между двух огней: с востока ей угрожала Персия, а с запада — созданный в конце VI в. Аварский каганат, под властью которого находилась территория от Эльбы до Закавказья и от Дона до Адриатики.

В 620 г. Ираклий заключил мир с каганом, после чего предпринял ряд успешных походов против персов. Во время одного из этих походов византийская армия вторглась в Персию и опустошила многие города.

Дальнейшее наступление Византии персам удалось остановить, заключив союз с аварами. Было достигнуто соглашение о совместной осаде Константинополя в момент, когда император с войском находился в походе далеко на востоке. Зимой 625/26 г. персидские войска под предводительством Сарвазара захватили Халкидон и опустошили прилегающие к нему районы вдоль ази-

атского берега Босфора. Сарвазар не мог угрожать непосредственно Константинополю, ибо у него не было ни военных кораблей, ни судов для переправы войск через Босфор. Осаду византийской столицы предназначено было вести войскам кагана, которые должны были подойти к городу с европейской стороны.

Летом 626 г. с запада к Константинополю двинулась огромная армия, в составе которой были и отряды многих славянских племен, находившихся в тот период под властью кагана. Когда она подошла к Константинополю, ей преградила путь Анастасиева стена, сооруженная в самом начале VI в., в годы правления императора Анастасия (491 — 518). Ее длина была равна 50 км; она пересекала Босфорский мыс с юга на север, защищая от вражеских набегов земледельческие хозяйства в западных пригородах Константинополя, снабжавшие столицу сельскохозяйственными продуктами. Войска кагана взяли штурмом Анастасиеву стену и стали лагерем у самого Константинополя.

В Константинополе размещался крупный гарнизон, а в гавани находился сильный флот, который мог обеспечить осажденный город всем необходимым. Корабли византийцев препятствовали сношениям между аварами и войсками персов. Оборону возглавили назначенные императором на время его отсутствия регенты — опекуны его малолетнего сына — патриарх Сергей и патриций Вон. Защитники держались мужественно, хотя положение города было нелегким из-за нехватки продовольствия. Дошло даже до бунта: толпа ворвалась в храм св. Софии и потребовала снизить цены на хлеб. При посредничестве патриарха дело было улажено миром.

Каган добивался, чтобы ему были выданы сокровища Константинополя, угрожая в случае отказа взять город приступом и обратить всех жителей в рабство. Получив отрицательный ответ, каган в последних числах июня 626 г. начал штурм города со стороны суши. Атаки следовали одна за другой, тела убитых заполняли глубокие рвы перед крепостными стенами. Нападавшие использовали тяжелую осадную технику. Было построено 12 башен, высота которых равнялась высоте штурмуемых стен. Именно тогда византийцы впервые применили знаменитый «греческий огонь»*, с по-

* «Греческий огонь», изобретенный константинопольским архитектором Калипником в конце VII в., представлял собой зажигательную смесь, состоящую, судя по всему, из смолы, серы,

мощью которого уничтожили всю осадную технику аваров.

После этого руководители обороны столицы отправились в лагерь кагана, надеясь склонить его к миру. Но каган настаивал на сдаче города, обещая не причинять вреда его жителям, если ему будут отданы все сокровища. Продолжать переговоры было бессмысленно.

После неудачных попыток взять город с суши каган решил переправить персидское войско на европейский берег Босфора. Но план не удалось выполнить, так как византийский флот без особого труда уничтожил суда, предназначенные для этой цели. Более того, византийцы по-прежнему пресекали любые попытки сношений аваров с персами, стоявшими на азиатском берегу Босфора. Тогда каган направил часть войска к побережью Золотого Рога. Но защитники города укрепили этот участок обороны и расположили свои корабли вдоль почти всей береговой линии Золотого Рога. Сделано это было настолько быстро и скрытно, что штурмовые отряды осаждавших попали в засаду. В ночь на 4 августа войска кагана потерпели еще одно жестокое поражение. После этого многие его союзники начали покидать лагерь осаждающих. Каган вынужден был снять осаду и отступить от стен Константинополя, разорив окрестности города.

Византийская столица была охвачена ликованием. Не прошло и двух лет, как, к величайшему восторгу ее жителей, через Золотые ворота в город вступил триумфальный кортеж императора Ираклия, одержавшего блестящую победу над сасанидским Ираном.

Горький опыт войны с аварским каганом заставил византийцев дополнить комплекс укреплений еще одной стеной, названной стеной Ираклия. Она была построена по приказу императора Ираклия для усиления обороны северо-западной части города. Эта стена дополняла линию стен Феодосия. Она имела почти четырехметровую толщину и была укреплена 20 высокими массивными башнями. Отныне мощные фортификационные сооружения прикрыли город на всем протяжении сухопутной границы — от побережья Мраморного моря до берега Золотого Рога.

селитры и горючих масел. Погасить этот огонь водой было невозможно. Он выбрасывался в сторону противника из специальных медных труб. «Греческий огонь» не раз выручал защитников Константинополя и в последующие времена,

Хотя столица сумела выстоять под ударами сильного врага, а Ираклию еще не раз сопутствовала удача в войне с персами, положение империи продолжало оставаться трудным. В течение VII в. ее территория резко сократилась: Сирия, Палестина, Египет, Верхняя Месопотамия и Киликия перешли под власть Арабского халифата, большая часть италийских владений была захвачена германскими племенами. В балканских провинциях империи огромная территория от Дуная до берегов Эгейского моря была заселена славянскими племенами. Начиная с VII в. отношения со славянами играют все большую роль в политике Византии. В 681 г. в низовьях Дуная возникло Болгарское государство, которое вскоре стало представлять значительную опасность для империи. Войска болгар, поддерживаемые отрядами других славянских племен, постоянно угрожали не только византийским владениям во Фракии, но и самому Константинополю.

Положение империи стало еще более трудным в конце VII — начале VIII в. Это был период политической анархии, вызванной ожесточенной борьбой за императорский трон между группировками феодальной знати. После свержения с престола в 695 г. императора Юстиниана II за два с лишним десятилетия на троне сменилось шесть императоров, причем последний из них, Феодосий III, пробыл у власти немногим более полугода. Одним из эпизодов кровопролитной борьбы за власть были ожесточенные бои у стен Константинополя, длившиеся с марта по август 715 г. В конце концов столица была захвачена войсками одной из провинций, восставшими против императора и столичной аристократии. Константинополь подвергся разгрому. В 717 г. трон захватил основатель новой династии — Лев III Исавр, выходец из Малой Азии. С этого момента в течение полутора веков византийский престол занимали императоры Исаврийской (Сирийской) династии.

В самом конце VII в. в результате арабских завоеваний империя лишилась владений в Северной Африке. Арабы стали совершать опустошительные набеги на малоазийские владения империи и угрожать господству Византии в бассейне Эгейского моря. В 670 г. арабский флот захватил г. Кизик, расположенный в непосредственной близости от византийской столицы. Начиная с 674 г. корабли арабов ежегодно в течение пяти лет появлялись у стен Константинополя. Сухопутные

силы арабов расположились у Халкидона, а их корабли вошли в Дарданеллы, высадив значительный десант на европейском берегу. Это войско осадило город с суши. Бои приняли затяжной характер, тем более что каждую осень флот арабов уходил на зимнюю стоянку в Кизик. За это время защитники города успевали привести в порядок оборонительные сооружения и накопить силы для дальнейшей борьбы. Все попытки арабов штурмом овладеть Константинополем оканчивались неудачей. Особенно большие потери понесли арабы в 678 г., когда многие их суда были сожжены «греческим огнем». Арабы были вынуждены снять осаду. Возвращаясь в свои края, арабский флот попал в страшную бурю, которая погубила много кораблей. Неудача постигла и сухопутное войско арабов, которое на обратном пути от византийской столицы потеряло 30 тыс. воинов в сражениях с византийцами. После этих поражений натиск халифата на Византию был остановлен на несколько десятилетий.

В августе 717 г. большая арабская армия вновь осадила Константинополь. Осаждавшие вырыли у стен города ров и построили каменные стены. Против башенных укреплений были установлены большие осадные машины. Огромный флот арабов вошел в воды Босфора, чтобы блокировать византийскую столицу со стороны моря. Но и на этот раз арабов постигла неудача в морских сражениях. Византийцы «греческим огнем» уничтожили многие из их кораблей, блокада города со стороны моря не удалась. Окончилась неудачей и попытка штурмовать морские стены Константинополя. Их защитники даже не дали врагу возможности подойти к стенам. Между тем наступила на редкость суровая зима. В лагере осаждавших начался голод, арабские воины ели трупы. Весной на помощь к ним прибыла новая эскадра, но и ее византийцы разгромили. В довершение неудач в тылу у арабов появились союзные византийцам болгарские дружины. Положение осаждавших стало критическим. 15 августа 718 г. арабы вынуждены были снять осаду и отступить. Понесенный ими урон оказался огромным. Сухопутная армия потеряла у стен Константинополя более 100 тыс. воинов. Что же касается арабского флота, то в результате страшной бури, застигшей его при выходе из Дарданелл, к сирийским берегам вернулось лишь пять кораблей.

После этих событий арабам больше не удалось организовать осаду Константинополя. Однако угроза арабского нашествия висела над Византийской империей еще три десятилетия. Во всяком случае, император считал пужным пойти на удовлетворение требования арабского полководца Масламы о строительстве в Константинополе мечети. Такая мечеть и дом для приезжающих в город мусульман были построены в 717 г. Эту мечеть Константин Мономах даже обновил в 1049—1050 гг. в знак признательности за услугу, оказанную ему одним из сельджукских беев.

В начале VIII в., после войн с персами, аварами и арабами, численность населения столицы империи сократилась. Много жизней унесли эпидемии. В городе остро ощущалась нехватка воды. Водопровод, разрушенный аварами в 626 г., был восстановлен только через полтора столетия. Немалые трудности испытывал город из-за прекращения ввоза хлеба из Египта. В 715 г. дело дошло до того, что все жители столицы, не располагавшие трехлетним запасом продуктов, были выселены из столицы. Пришлось значительно увеличить производство собственного зерна, а также овощей и фруктов. Но, несмотря на все испытания и трудности, значение Константинополя не уменьшилось. После завоевания арабами Александрии и Антиохии его роль в качестве основного торгового порта империи возросла.

Несмотря на войны и иные тяжелые испытания, византийская столица на протяжении многих веков сохраняла значение крупнейшего центра культуры средневековой Европы. Вплоть до XIII в. Константинополь был основой византийской цивилизации, впитавшей лучшие традиции культуры греко-римского мира и эллинистического Востока.

Важнейшими очагами византийской культуры были основанный в начале V в. Константинопольский университет и библиотека, созданная императором Юлианом в 361—363 гг. В Константинополе было много частных школ, которыми руководили выдающиеся ученые. В византийской столице получили развитие медицина и математика, астрономия и химия, философия и юриспруденция. В Константинополе жили и творили выдающиеся математики и зодчие Анфимий из Тралл и Исидор из Милета (VI в.), по проекту которых был сооружен храм св. Софии.

После закрытия в VI в. Афинской высшей школы

(«академии») Константинопольский университет не знал себе равных в империи. Он привлекал к себе лучших ученых и мыслителей. Профессора университета входили в комиссию по подготовке Кодекса Юстиниана. В университете вообще уделяли праву особое внимание, ибо задача этого учебного заведения состояла прежде всего в подготовке слушателей к деятельности государственно-правовой. В пору потрясений, которые переживала империя в VII в., университет пришел в упадок, а затем вообще перестал функционировать. Долгое время единственным центром высшего образования в византийской столице была школа Константинопольского патриархата, располагавшаяся в императорском дворце. Ее уничтожил император Лев III Исавр, когда школа заняла сторону его противников в борьбе по вопросам религиозной политики.

Трактатами об устройстве и использовании астролябии были известны имена профессоров Константинопольского университета Иоанна Филопона (конец VI в.) и Стефана Александрийского (первая половина VII в.). Имя профессора Георгия Хировоска (конец VI — начало VII в.) связано с известными грамматическими трактатами. Об авторитете и популярности Стефана Александрийского и Георгия Хировоска свидетельствуют их титулы «вселенских учителей». В Константинополе долгое время жил и творил выдающийся поэт Роман Сладкопевец (первая половина VI в.), в произведениях которого находили отклик думы и заботы бедных людей. В VI—VII вв. значительное развитие получили в Константинополе архитектура, прикладное и изобразительное искусство. Многие из памятников этой эпохи дошли до наших дней.

В 20-х годах VIII в. жители Константинополя, как и все население империи, раскололись на два лагеря — иконоборцев и иконопочитателей. Иконоборчество было сложным явлением, возникшим в условиях исторического перелома, когда класс рабовладельцев уступил место классу феодалов, а рабы и свободные граждане превращались в крестьян и ремесленников средневекового феодального общества. Движение иконоборцев использовали в своих целях различные классовые силы, вследствие чего его социальная окраска менялась.

Иконоборцы в принципе отрицали возможность выражения представлений о мире с помощью изобразительного искусства. Когда император Лев III Исавр

поддержал иконоборцев, издав в 726 г. знаменитый эдикт против почитателей икон, его телохранитель топором изрубил изображение Христа на бронзовых воротах императорского дворца. Иконоборцы объявили писание и почитание икон кознями дьявола. Церковный собор 754 г. предал анафеме всех, кто стремился изобразить на иконах лики святых «бездушными и безгласными вещественными красками». Культ икон иконоборцы объявили извращением христианства. В период иконоборческого движения уничтожались произведения византийского искусства, связанные с религиозными сюжетами. Великолепные иконы сжигались, замечательные фрески безжалостно замазывались, шедевры мозаичного искусства разрушались.

Константинополь долгое время оставался ареной острейшей борьбы иконоборцев и иконопочитателей. Одним из эпизодов этой борьбы было выступление большей части духовенства империи во главе с константинопольским патриархом Германом против политики императора. Это столкновение в 729 г. завершилось лишением Германа патриаршего сана и его заменой ставленником партии иконоборцев.

Борьба между иконопочитателями и иконоборцами продолжалась в различных формах в течение VIII — первой половины IX в. Она закончилась в 843 г. победой иконопочитателей. В последующий период византийской истории роль патриархов в политической жизни страны резко возросла. От их позиций зависело многое в жизни империи, а тем более в положении населения Константинополя.

В 740 г. город пережил тяжелое землетрясение. Разрушения были столь велики, что император ввел весьма значительный налог на нужды восстановительных работ. С горожан и в последующем продолжали взимать деньги на строительство укреплений. Восстановление и реконструкция разрушенных стен и зданий продолжались многие годы.

В годы правления императора Константина V (741—775) Константинополь оказался в центре охватившей империю гражданской войны. Константин был фанатичным приверженцем движения иконоборцев. Его призыванием были военные походы; знать столицы новому императору не очень симпатизировала. Иконопочитатели решили использовать благоприятную ситуацию для восстановления культа икон. Заговор про-

тив Константина возглавил зять покойного императора Льва III, Артавазд. Вскоре после своего воцарения Константин выступил в поход против арабов. Артавазд, приняв титул императора, напал на лагерь Константина во Фригии (Малая Азия). Константин отступил в город Аморий, где были сильны приверженцы цесарийской династии. Артавазд же с помощью влиятельных союзников в самой столице овладел ею и добился провозглашения себя императором в храме св. Софии. После этого он отменил все указы, направленные против иконопочитания. Культ икон был, казалось, восстановлен.

Но Константин не сложил оружия. Он собрал большое войско и стал лагерем на азиатском берегу Босфора в Хрисополе. Затем он нанес ряд поражений войскам Артавазда в Малой Азии. В сентябре 742 г. Константин переправил свою армию на европейский берег и осадил столицу, блокировав ее с суши и с моря. Константинополю грозил голод. Тогда Артавазд позволил покинуть город населению, не участвовавшему в обороне. Впрочем, это его не спасло. 2 ноября 742 г. войско Константина ворвалось в город, преодолев одну из сухопутных стен. Артавазд пытался бежать, но был схвачен и доставлен в оковах в Константинополь, где его вместе с двумя сыновьями ослепили. Многие сторонники Артавазда были казнены, их дома — разграблены. Восстановив свою власть, Константин вернулся к политике Льва III Исавра.

На протяжении веков одной из характерных черт политической жизни Константинополя была борьба за власть между группировками знати. Элита столицы была крайне нестабильным общественным слоем, ибо в Византии доступ в правящую верхушку не был ничем ограничен. Многие византийские вельможи не только не стыдились своего простого происхождения, но даже кичились тем, что были вознесены на вершину власти из самых низов общества десницей императора. Даже императорский престол мог занять в результате дворцового заговора, военного мятежа или бунта горожан выходец из простонародья. Примеров тому в византийской истории немало: уже упоминавшийся император Фока — выслужившийся из солдат военачальник среднего ранга; император Михаил II, правивший в IX в., был прежде рядовым воином.

В VIII—IX вв. византийская столица оставалась

крупнейшим центром мировой торговли. В Константинополе и его предместьях существовали большие колонии купцов — из Италии, Киевской Руси, Сирии. Менялам, обслуживавшим торговцев, работы хватало до позднего вечера.

Хотя значение Константинополя как крупного центра ремесленного производства уступило его роли политического и административного центра империи, ремесло отнюдь не пришло в упадок. В городе работали многочисленные государственные мастерские, производившие оружие, керамические изделия, шелковые ткани. Императорский двор и знать потребляли множество предметов роскоши, значительная часть которых изготовлялась городскими ремесленниками. Их изделия пользовались спросом и у обитателей патриаршего двора и монастырей в городе и его окрестностях. Монастыри и сами часто превращались в мастерские. Например, многие монахи Студийского монастыря в Константинополе были в ту пору кожевниками и кузнецами, каменщиками и плотниками, ювелирами и портными.

В 863 г. при императоре Феофиле был наконец восстановлен Константинопольский университет. В IX в. в Константинополе трудился математик и философ Лев Математик. Он был некоторое время ректором университета. Ему, в частности, принадлежит идея использования букв в качестве математических символов. Он же создал многие диковинки зала Магнавры и изобрел световую сигнализацию, которая использовалась для передачи во дворец сообщений из дальних провинций империи. Блестящими эпиграммами прославилась поэтесса первой половины IX в. Кассия. Она была известна и как талантливый композитор-гимнограф. Но особенно значительны были в VIII—IX вв. достижения архитекторов, строителей и скульпторов. Именно в этот период строились Большой дворец и ряд других дворцовых зданий, в которых было собрано немало подлинных шедевров. Мозаичные работы мастеров той поры относятся к лучшим образцам византийского искусства.

А хозяев города — императорский двор и высшую знать империи — по-прежнему раздирали протрворечия, отражавшие борьбу за власть между разными группами господствующего класса. Часто даже за схватками иконоборцев и иконопочитателей стояли личная корысть или властолюбие. При этом средства в борьбе

использовались любые. Когда, например, после смерти императора Льва IV в 780 г. его жена Ирина, сторонница иконопочитания, стала регентшей, она круто расправилась со всеми своими противниками. Правда, через десять лет ей пришлось уступить власть сыну Константину VI.

В ту пору, когда новый император укреплялся на троне, он, не питая к матери ненависти, стремился привлечь ее к себе. В 792 г. он вернул Ирине титул императрицы, она стала его соправительницей. Между тем в голове матери зрели планы захвата власти. Интрига была коварной, достойной нравов императорского двора. Константин не питал нежных чувств к жене, и, когда он влюбился в одну из фрейлин Ирины, Феодору, мать поощрила эту страсть и сама толкнула сына на развод. Константин, вероятно по совету Ирины, обвинил жену в намерении отравить его. Но даже вазы с мутной жидкостью, которую император объявил ядом, не убедили патриарха Тарасия, упорно противившегося разводу. Император силой принудил жену уйти в монастырь и обвенчался с Феодорой. Тут-то и начал выполняться замысел Ирины. Византийские святоши, особенно монашество, осудили императора. Когда же Константин начал арестовывать и ссылать наиболее шумных представителей монастырской братии, недовольство охватило еще более широкие слои населения. Тем временем Ирина всячески подогревала недовольство. Посулами и дарами она собрала вокруг себя гвардейских офицеров и 17 июня 797 г. низложила сына. Императору удалось бежать на азиатский берег Босфора. Но и там он не сумел скрыться от клеветов Ирины. Его под охраной привезли в город и в дворцовом «зале порфиры», где по традиции императрицы разрешались от бремени и где родился он сам, палач по приказанию матери выколол ему глаза. Остаток жизни Константин провел во дворце в качестве узника в обществе любимой жены.

Взойдя на престол, Ирина окружила себя ничтожными и мелкими людьми, льстецами и ханжествующими монахами и евнухами. Все ее царствование было сплошной чередой дворцовых интриг, государственные дела шли из рук вон плохо. Честолюбивая интриганка все же пять лет продержалась на троне.

В первые десятилетия IX в. в столице продолжалась острейшая политическая борьба, облаченная в одежды

иконоборчества и иконопочитания. Император Лев V Армянин проводил жестокий террор против иконоборцев. Постепенно составилась заговор во главе с военачальником Михаилом Травлом. Императору стало известно о заговоре, Михаила приговорили к сожжению. Но все же заговорщикам удалось в ночь на 25 декабря 820 г. убить Льва V. Михаила возвели на трон, не успев даже снять с него оковы.

Все эти события привели к первому в византийской истории мощному антифеодальному восстанию. Его возглавил Фома Славянин, видный военачальник, выходец из низов. Основную массу участников восстания составляли разоренные гнетом феодалов крестьяне и бедный городской люд. По сути дела, это было движение народных масс, которое использовали в своей борьбе за власть различные группировки правящего класса.

Страницы летописей и народные предания сохранили биографию вождя повстанцев. Еще в период правления Ирины Фома бежал из Константинополя к персам. Причиной бегства было, по ряду версий, стремление спастись от кары за какое-то преступление. Со временем он появился в восточных провинциях империи, выдав себя за Константина — сына Ирины.

К тому моменту, когда трон занял Михаил II, Фома собрал большое войско; в его руках оказался и императорский флот. Повстанцы переправились на захваченных кораблях на европейский берег Босфора и осенью 821 г. осадили столицу. Флот Фомы Славянина прорвал цепь, преграждавшую судам вход в Золотой Рог, и морские силы повстанцев соединились с сухопутными войсками Фомы, подошедшими к стенам города через фракийские земли. Славянское население Фракии и Месопотамии оказало Фоме и его армии активную поддержку.

Осада оказалась для Фомы нелегким делом. Надежды самозванца на поддержку населения Константинополя и его добровольную сдачу не оправдались. Осадная техника повстанцев не смогла сокрушить стены города, холода и отсутствие успехов постепенно лишили часть их армии боевого духа. Михаил, удачно выбрав момент, совершил со своим войском вылазку, одержал победу в сражении и вернул себе часть флота. Но и после этой победы императору не сразу удалось справиться с повстанцами. Лишь подкупив некоторых сторонников Фомы и получив поддержку болгарского хана Оморта-

га, Михаил II сумел разгромить армию повстанцев. Фоме пришлось отступить от стен Константинополя. Некоторое время он с остатками своей армии удерживал небольшую территорию на берегу Мраморного моря, а затем укрылся в Адрианополе, где в течение пяти месяцев отражал атаки войск Михаила II. Положение осажденных становилось все тяжелее, голод и лишения восстановили против Фомы его последних сподвижников. В октябре 823 г. он был схвачен и выдан Михаилу II. Фома был казнен, такая же участь постигла и двух его сыновей.

В середине IX в. в императорском дворце разыгрались события, которые поразили даже искушенных в интригах и коварстве придворных. Император Михаил III отличался распущенностью нравов; время свое он проводил в кутежах и оргиях, больше всего любил охоту и лошадей, пропадал на скачках и состязаниях атлетов. При его дворе служил некий Василий — выходец из небогатой крестьянской семьи, жившей в Македонии. Очень сильный физически, отменно владевший искусством объезжать лошадей, Василий в короткий срок стал любимцем императора и получил должность главного конюшего. Михаил осыпал нового фаворита подарками, а затем женил на своей любовнице. Честолюбивый конюший быстро делал карьеру. Вскоре он убил дядю императора, Варду, державшего в своих руках бразды правления государством. Это произошло в апреле 865 г. с согласия императора во время похода армии в азиатские владения империи, в котором участвовал и двор. Группа заговорщиков во главе с Василием буквально изрубила Варду на куски на глазах василевса. Через год после убийства Варды Василий стал соправителем императора. Прошло немногим более двух лет, как наступил черед самого Михаила. Сентябрьской ночью 867 г. император был зверски убит в собственной спальне группой заговорщиков во главе с Василием. Так в императорском дворце появился новый властитель, а с его воцарением — и новая династия, Македонская, которая продержалась более полутора веков.

Став императором, Василий Македонянин оказался весьма заботливым попечителем константинопольских церквей и монастырей, которые с течением веков и в результате землетрясений и небрежения властей сильно обветшали. Были организованы реставрационные работы в храме св. Софии, обновлены многие другие круп-

ные церкви. Ряд церквей был полностью перестроен. Несколько древних храмов, в частности храм Богородицы Халкопратийской и церковь св. Лаврентия, были буквально подняты из руин. Было сооружено и несколько новых приютов для бедных. По приказу Василия в столице было построено немало новых церквей, в том числе несколько церквей на территории дворцового комплекса; их убранство отличалось особенной пышностью. Среди этих построек выделялась Новая Базилика, сооруженная в юго-восточной части дворца. Здание, имевшее вид пятикупольного храма, было богато отделано мрамором и мозаикой, золотом, серебром и жемчугом. Обновление и строительство храмов в конце IX в. еще более украсило византийскую столицу. Императоры Македонской династии и в следующем веке уделяли много внимания храмам и монастырям Константинополя. Драгоценности, священные реликвии, произведения искусства постоянно пополняли сокровищницы столичных храмов.

Заговоры и перевороты, интриги придворных и борьба церковников составляли картину жизни Константинополя и в X в. Особенно острой была борьба за власть в империи между знатью столицы и провинций. Ее отражением был мятеж Андроника Дуки в 906—907 гг. Начался он в районе Икония в Малой Азии, где Дука завладел крепостью Кавала. Мятеж тут же отозвался в столице, где патриарх Николай Мистик тайно поддерживал бунтовщиков. Дело, как это нередко бывало, осложнилось из-за семейных неурядиц императора Льва VI (886—912), пожелавшего вступить, в нарушение церковных правил, в четвертый брак. Таким образом, внешне борьба императора с его противниками выглядела как столкновение с патриархом по вопросам канонических правил. Горожане могли вволю посудачить о том, как патриарх и его свита преграждали василевсу вход в храм св. Софии, ибо на него была наложена эпитимия и вход в церковь ему был запрещен. Все кончилось очередным насилием: Николай Мистик был отправлен в монастырь на азиатском берегу Босфора. Правда, через несколько лет ему удалось вернуться в столицу, где он вновь оказался в центре событий. Мятеж между тем угас, так как Андроник Дука прекратил борьбу и бежал к арабам.

Преемник Льва VI, Александр, правил всего год, но этого срока хватило, чтобы вызвать возмущение населе-

ния. Когда император внезапно умер на ипподроме, в столице вспыхнуло народное восстание, причем бунт бедноты, как обычно, постаралась использовать в своих целях знать. Восстание возглавил сын Андроника Дуки, Константин. Восставшие заняли ипподром, где при свете факелов, ибо дело было на рассвете, восьмилетний сын Льва VI, Константин VII Багрянородный, был провозглашен императором. Затем толпа ринулась на штурм императорского дворца, но хозяйничавший там регентский совет сумел отразить атаку. Константину Дуке восстание стоило головы. Николай Мистик в эти дни сыграл неблагоприятную роль. Вначале он поддержал Дуку и его сторонников, а потом неожиданно перешел на сторону императора и даже возглавил защиту дворца.

Похожие события произошли в Константинополе летом 963 г. Борьба за власть между различными группировками знати вознесла на трон видного полководца Никифора Фоку, чрезвычайно популярного в народе. Фока был героем завоевания Крита, много раз одерживал блестящие победы в войнах с арабами. Его любили солдаты, ценившие в своем начальнике готовность делить с ними все тяготы походной жизни и опасности в бою. Фока славился аскетическим образом жизни. Он обладал большой властью, ибо в его распоряжении находилась огромная армия.

Вступив в борьбу за престол, начавшуюся после смерти императора Романа II (959—963), Фока двинулся к Константинополю. Он провозгласил себя императором и встал с войском у стен столицы, где его сторонники подняли бунт против евнуха Иосифа Вранги, в чьих руках находилась реальная власть. В городе начались кровавые схватки, грабили дома сторонников Вранги. Через три дня, 16 августа 963 г., узурпатор торжественно въехал в город через Золотые ворота. Население ликовало. Патриарх встречал Фоку в храме св. Софии. Через месяц красавица Феофано, вдова Романа II, стала женой нового властелина империи, что вызвало в столице массу толков и пересудов. Очень усложнились отношения императора с патриархом, который по ряду причин признал этот брак нарушением канонических правил.

Власть Никифора оказалась не слишком долгой. Императором были недовольны многие представители знати, как столичной, так и провинциальной, и зимой 969 г. против него составил заговор, в котором участвовала

и Феофано. День убийства Никифора оказался необычайно драматичным. Феофано впустила заговорщиков в свой терем и весьма искусно их спрятала. Узнав из анонимного письма, что его жизни угрожают люди, находящиеся в покоях императрицы, Никифор распорядился их обыскать. Когда там никого не нашли, Никифор счел письмо мистификацией и удалился в свою спальню. Через два часа под покровом ночи главарь заговорщиков в корзине был поднят в императорскую опочивальню. Бесшумно подкравшись к спящему Никифору, убийца мечом разрубил ему голову. Это произошло в ночь на 11 декабря 969 г.

Пришедшему ему на смену к власти военачальнику Иоанну Цимисхию тоже пришлось рано покинуть этот мир. Когда в январе 976 г. он умер от какой-то странной болезни, ходили упорные слухи, что его отравили ядом медленного действия. Слухи были правдоподобны, ибо Цимисхий имел немало врагов среди высшего чиновничества и военной аристократии. Их недовольство несколько раз проявлялось открыто, но император некоторое время умело лавировал, спасая себя и трон.

Добавим к этому рассказу несколько слов о Феофано. Слава ее в ряду византийских императриц соперничает со славой Феодоры — жены Юстиниана I. Вся жизнь Феофано — цепь драматических событий, которые интересны и сами по себе, но особенно как яркая характеристика нравов византийской знати X в. Многие византийские историки и писатели изображали Феофано роковой женщиной. Ей приписывали отравление супруга; молва утверждала, что к яду Феофано прибегала и в иных случаях, убирая своих противников. Быть может, это и преувеличение или просто домысел. Но точно известно, что убийство Никифора Фоки организовала она и что она была беспощадна к своим родственникам, если они хоть как-то мешали ее честолюбивым планам. Не одна византийская царевна окончила свои дни затворницей в монастыре по требованию Феофано. Иоанн Цимисхий получил власть фактически из рук Феофано, ставшей до переворота его любовницей. И все же судьба нанесла справедливый удар этой женщине, в которой ум и красота соперничали с властолюбием и постоянной готовностью к интриге. Когда патриарх потребовал от Цимисхия наказания убийц Фоки и удаления Феофано в качестве условия коронации в храме св. Софии, претендент тут же отрекся от участия в заговоре и выдал со-

участников. Феофано была сослана в монастырь Проти, расположенный на одном из Принцевых островов. Через несколько месяцев она оттуда бежала, укрылась в храме св. Софии, но вскоре была схвачена и отправлена в один из самых отдаленных монастырей в Малой Азии. Там она провела шесть лет, а когда империей стали править ее сыновья, ей разрешили вернуться в императорский дворец при условии, что она не будет иметь никакого отношения к государственным делам. Умерла эта честолюбивая и коварная женщина во дворце, забытая и врагами, и друзьями.

Внутриполитическая жизнь столицы самым тесным образом была связана с внешними делами империи. Византийские императоры вели многочисленные войны — большие и малые — далеко на Востоке, во владениях арабов, и на западных границах, на Балканах. Их успехи и неудачи обычно немедленно отражались на расстановке политических сил в столице. Иной раз они приводили к власти новых василевсов, чаще же их следствием бывали перетасовки министров и придворных. Любое сколько-нибудь крупное внешнеполитическое событие — победа в сражении или неудача в долгой осаде, гибель известного полководца или захват огромной добычи — оживленно обсуждалось не только во дворце императора или в резиденции патриарха, но и на улицах Константинополя. О влиянии военных дел на политическую жизнь столицы свидетельствовало и то обстоятельство, что два блестящих полководца, Никифор Фока и Иоанн Цимисхий, были вознесены на трон. Впрочем, влияние армии, а тем более императорской гвардии обляснялось и тем, что самому Константинополю нередко угрожала военная опасность.

В период почти полувекового правления Василия II (976—1025), человека деятельного и сурового, столица особенно часто испытывала воздействие военных походов императора, ибо Василий стремился к захвату соседних земель на Балканах. На протяжении четверти века Василий II сражался против болгар. Война началась неудачно для византийцев, потерпевших в августе 986 г. сокрушительное поражение. Но затем Василию II стал сопутствовать успех, и летом 1014 г. ему удалось разгромить болгарское войско. Стремясь посеять ужас в стане противника, император приказал ослепить около 15 тыс. пленных болгар, за что получил имя Болгаробойца. Болгария признала его власть.

Длительные военные походы в болгарские земли откликнулись в столице по-разному. После неудачи 986 г. против Василия II началось восстание в Малой Азии, поднятое несколькими военачальниками. Император попросил помощи у Руси. Когда шеститысячная русская дружина прибыла во владения Византии, Василий переправил ее ночью через Босфор и неожиданно напал на армию мятежников, которая стояла на азиатском берегу пролива, у Хрисополя. В 988 г. император разгромил войско противника, а через год полностью подавил мятеж. Голова зачинщика смуты и предводителя бунтовщиков Варды Фоки была выставлена в столице для всеобщего обозрения.

Дальнейшие годы царствования Василия II были для Константинополя сравнительно спокойной порой. Во всяком случае, о народных волнениях или мятежах в столице сведений в источниках не сохранилось. Правда, в 989—990 гг. несколько раз случались землетрясения, отчего обрушилось много домов; пострадал и храм св. Софии, который потом несколько лет восстанавливали.

Византийская столица всегда поражала своими контрастами. Не случайно К. Маркс называл Константинополь *«главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе»* *. Великолепные дворцы и храмы, множество процветающих торговых и ремесленных заведений, бурлящий порт, у причалов которого стояло бесчисленное множество судов, разноязыкая, пестро одетая толпа горожан — все эти благополучные картины не могли скрыть бедности, а порой и ужасающей нищеты большинства жителей столицы. Простолюдины ютились, как правило, в высоких и очень узких домах, в которых были десятки крошечных квартир или каморок. Но и это жилье стоило дорого, многим оно было недоступно. Застройка жилых кварталов велась очень беспорядочно. Дома буквально громоздились друг на друга, что было одной из причин огромных разрушений во время частых здесь землетрясений. Кривые и очень узкие улочки были невероятно грязны, завалены отбросами. Высокие дома не пропускали на них дневной свет. По ночам улицы Константинополя практически не освещались. И хотя существовала ночная стража, в городе хозяйничали многочисленные шайки грабителей. Все городские ворота на

---

* Архив Маркса и Энгельса. Т. V. М., 1938, с. 193.

ночь запирались, и людям, не успевшим пройти до их закрытия, приходилось ночевать под открытым небом.

Рабочий люд, не имевший средств даже на жалкую каморку, жил прямо на улицах города. Портики и открытые галереи Константинополя были буквально забиты бездомными, положение которых становилось просто отчаянным, если выдавалась суровая зима. Нередко не хватало питьевой воды, водопроводы работали плохо. Во время засухи или в случае порчи водопровода у водяных цистерн происходили настоящие побоища. Частым бедствием, от которого особенно страдала городская беднота, были пожары. Они в немалой степени вызывались тем, что дома отапливались жаровнями с углями.

Улицы столицы кишели народом. Большинство толпилось у многочисленных лавок в центральной части города, в рядах Артополиона, где располагались булочные и пекарни, а также лавки, где торговали овощами и рыбой, сыром и разными горячими закусками. Простонародье обычно питалось овощами, рыбой и фруктами. В бесчисленных кабаках и тавернах продавали вино, лепешки и рыбу. Эти заведения были для константинопольских бедняков своего рода клубами.

Неотъемлемой частью картины города были толпы нищих, ютившихся у подножия гордых колонн и у постаментов прекрасных статуй. Константинопольские нищие были своеобразной корпорацией. Их дневной заработок имел не каждый рабочий человек. Загрязненные улицы и толпы нищих представляли собой источник разных болезней. Но истинным очагом антисанитарии были огромные ямы на окраинах, куда свозились трупы казненных.

Горожане любили бани. В Константинополе их было очень много — частных и общественных. Бани не только имели гигиеническое назначение, но и пользовались репутацией целебных. Правда, из-за нехватки воды бани нередко переставали работать. Для приезжих со времен Юстиниана строились странноприимные дома с конюшнями и многочисленными службами. Эти средневековые гостиницы были по карману только зажиточным людям.

В средневековом Константинополе чрезвычайно была развита проституция. В IX в., например, существовал целый квартал проституток, в центре которого возвышалась статуя Афродиты. Гетеры селились и в других районах города. Отдельные меры императоров и город-

ских властей против проституции ничего не изменили в этом отношении на протяжении веков.

В X в. византийская столица несколько раз отражала натиск нового сильного и опасного противника — Киевской Руси. Впервые русские дружины под командованием Аскольда и Дира совершили поход на Константинополь, который они называли Царьградом, в 60-х годах IX в. На 200 ладьях они добрались до Константинополя, но осадить город им не удалось. Буря уничтожила почти все суда, и лишь немногим воинам удалось вернуться в родные края.

В 907 г. в поход против Византии выступил князь Олег. Он собрал огромное войско. В походе участвовало около 2 тыс. судов. Когда флот Олега появился у Константинополя, византийцы преградили ему доступ в гавань, а сами укрылись за мощными стенами. Тогда русские воины начали опустошать окрестности города. Предание гласит, что Олег повелел вытащить на берег суда и поставить их на колеса, после чего его флот при попутном ветре двинулся под парусами к стенам Константинополя. Византийцы были вынуждены вступить в переговоры. Олег потребовал, чтобы впредь русским купцам было предоставлено право беспопытной торговли во владениях Византии, чтобы им выдавались бесплатно продовольствие и все необходимое для жизни в Константинополе в течение шести месяцев, а также припасы на обратный путь. Византийцам ничего не оставалось делать, как принять эти требования. Между киевским князем и византийским императором был заключен соответствующий договор. По преданию, воины Олега прибили свои щиты к воротам константинопольских стен, отметив так свой успех. Олег вернулся в родные края победителем. Он привез с собой много золота, драгоценностей и различных товаров. Через четыре года, в 911 г., послы князя Олега вновь побывали в Константинополе и заключили новый договор, который подтвердил все прежние льготы. Император щедро одарил послов золотом, дорогими тканями и богатыми одеяниями.

Преемник Олега, князь Игорь, предпринял новый военный поход против Византии. В 941 г. огромный флот направился к берегам византийской столицы. В походе, по преданию, участвовало около 10 тыс. ладей. Император выслал навстречу флоту Игоря свои корабли. И вновь «греческий огонь» избавил столицу от грозной опасности: византийцы уничтожили большинство русских ла-

дей. Тогда войны Игоря начали разорять поселения на берегах Босфора. Однако и здесь их постигла неудача в сражении с византийцами.

В 944 г. киевский князь предпринял еще один поход на Константинополь. На этот раз его силы двинулись к столице Византии двумя путями — морем и сушей. Император предложил покончить дело миром. Вскоре в стане русского князя, на берегу Дуная, был заключен новый договор между Византией и Киевской Русью. Он подтвердил условия прежних соглашений. Однако по договору 944 г. русские купцы были вновь вынуждены уплачивать торговые пошлины. Игорь принял на себя обязательство защищать владения Византии в Крыму, а император дал обещание оказывать в случае необходимости военную помощь киевскому князю.

И все же отношения между Киевской Русью и Византией продолжали оставаться напряженными. Стремясь их улучшить, княгиня Ольга, правившая после кончины своего мужа, князя Игоря, решила побывать в столице Византии. Поводом для визита стало ее желание быть обращенной в христианство в Константинополе. Поездка княгини имела важную государственную цель: Ольга рассчитывала провести переговоры о развитии торговых и политических отношений между двумя государствами. Княгине была устроена торжественная встреча. Крестил Ольгу патриарх Полиевкт, а восприемником от купели в обряде крещения был сам император Константин VII Багрянородный. Пышный прием ожидал Ольгу в императорском дворце. Однако добиться каких-либо новых в сравнении с договором 944 г. преимуществ для Киевской Руси княгине так и не удалось.

В тот период внешнеполитическое положение Византии было трудным. Империя вела войны с соседями на западе и востоке. В тяжелой борьбе с арабами к середине X в. произошел перелом в пользу византийцев. Ослабление Багдадского халифата и его распад позволили Византии восстановить свою власть над частью Малой Азии, Сирией и Верхней Месопотамией. Усилилось влияние Византии в Армении и Грузии. Вместе с тем в конце X в. войска империи, как отмечалось, несколько раз терпели поражения в войнах с Болгарским государством.

В XI в. вновь ухудшилась ситуация на северных и восточных границах империи. С севера византийцев начали теснить печенеги, а с востока — турки-сельджуки.

В 60-х годах XI в. византийские императоры несколько раз предпринимали походы против сельджуков, но остановить их натиск на малоазиатские земли империи не удалось. К концу XI в. под властью сельджуков оказались почти все византийские владения в Малой Азии.

В таких условиях для Византии огромное значение приобрели связи с древнерусским государством, упрочившиеся после принятия Русью христианства. В X—XI вв. расширилась русско-византийская торговля. Русская купеческая колония в монастыре св. Маманта стала весьма значительной. Ежегодно сюда весной приходили торговые караваны из русских земель. В X—XI вв. русские дружины не раз участвовали в походах византийской армии. Русские воины использовались тогда и в качестве почетной стражи во дворце, а также в составе императорской гвардии.

Жизнь византийской столицы и в XI в. отличалась постоянной борьбой в среде правящей знати, отражавшей общий политический кризис империи. Столетие было заполнено мятежами и переворотами. Враждовавшие группировки постоянно использовали народное недовольство непомерными налогами и засильем то и дело менявшихся фаворитов императора или императрицы. Один из таких бунтов вспыхнул в апреле 1042 г., когда стихийный протест масс вылился во вмешательство в борьбу за власть между сторонниками Михаила V и группировкой знати во главе с дочерью покойного императора Константина (1025—1028) Зоей. Ее ссылка на Принцесы острова и пострижение в монахини вызвали взрыв недовольства городского плебса. Разгромив многие дома знати, толпа взяла штурмом дворец василевса. Часть дворца была разграблена, нападавшие уничтожили ненавистные народу налоговые списки. Результатом этих событий, как всегда в подобных случаях, была смена властителя. Михаил V, бежавший в Студийский монастырь, был низложен и ослеплен, на престол возвели мужа возвращенной из монастыря Зои.

В 1047 г. к стенам Константинополя подошли конные отряды восставшего против императора вельможи Льва Торника. Собрав большое войско и обеспечив себе поддержку части константинопольской знати, Торник ворвался в город, обратив в бегство выступившее против него слабое ополчение. Победа казалась настолько близкой, что претендент на престол позволил себе промедлить, ожидая депутацию, которая должна была пригласить

сильно его взять в руки власть. За это время к столице были подтянуты императорские части, а войска узурпатора поборами и грабежами восстановили против себя жителей окрестностей. Армия Торника была рассеяна, сам он был захвачен в плен и ослеплен.

Последующие три десятилетия были для столицы сплошной полосой заговоров и переворотов, приводивших к власти новых императоров. В это смутное время постепенно крепло политическое влияние знатного рода Комнинов. Впервые представитель этого рода, Исаак Комнин, оказался на византийском престоле в сентябре 1057 г. Но трон ему достался скорее в силу стечения обстоятельств, чем благодаря его государственным способностям. Правил он немногим более двух лет, а затем отрекся от престола и постригся в монахи. Было ли это добровольное отречение, или отношения нового императора с высшей знатью и патриархом столь усложнились, что Исаак Комнин уже не чувствовал себя на троне уверенно, мы не знаем. Скорее всего отречение было результатом коварной интриги, творцы которой использовали недовольство знати и патриарха действиями Исаака, направленными на усиление центральной власти. Во всяком случае, заявка Комнинов на создание новой династии оказалась неудачной. К власти пришел другой знатный византийский род, Дука, к которому принадлежал Константин X (1059—1067).

Непрерывная борьба за власть в столице ослабляла империю, следствием чего стали поражение византийского войска в битве с сельджуками при Манцикерте (август 1071 г.), ликвидация византийских владений в Южной Италии и потеря ее влияния на Адриатическом побережье, антивизантийские восстания в Болгарии и в ряде районов Малой Азии. В эти годы положение столицы стало тяжелым, постоянно ощущалась острая нехватка продовольствия, доставку которого затрудняли набеги сельджуков. Порой в Константинополе царил голод, люди умирали прямо на улицах.

Среди императоров той поры мужеством и военной доблестью выделялся Роман Диоген. Он вступил на престол при обстоятельствах необычных. Военачальник, прославившийся победой над печенегам, Роман Диоген возглавил заговор против вдовы Константина Дуки, Евдокии, ставшей регентшей после смерти мужа. Заговор был раскрыт, Романа в кандалах доставили в Константинополь, где военный суд приговорил его к смерти. Да-

лее события развернулись весьма неожиданным образом. Евдокия, увидев Романа, помиловала осужденного, скорее всего из-за возникшей симпатии к мужественному и красивому молодому полководцу. Романа сослали в его родные места, в Каппадокию, но не прошло и двух месяцев, как он был вызван в столицу и назначен главнокомандующим армией. Затем — брак с Евдокией, и Роман надел на голову императорский венец.

Новый император много сил уделял укреплению армии, пытался усилить свое влияние на церковные дела. Но борьба между различными группировками византийской знати стоила ему трона. Именно Роман Диоген возглавлял византийское войско в битве при Манцикерте, во время которой один из военачальников, Андроник Дука, изменил ему, содействовав тем самым победе предводителя сельджуков Алп-Арслана. Предавший императора военачальник поспешил в столицу с известием о поражении Романа, что дало повод к новой вспышке борьбы за власть в столице. Все кончилось очередной гражданской войной, в ходе которой (1071—1072) Роман погиб.

В последующее десятилетие борьба за верховную власть в империи продолжалась. Политическая ситуация в столице чаще всего была в тот период неустойчивой, чреватой заговорами.

В 1081 г. у стен столицы появились войска сторонников Комнинов, выступивших против императора Никифора III Вотаниата. Их вождь Алексей Комнин открыто стремился к престолу. Политика Никифора III вызывала недовольство широких слоев населения столицы, ибо этот император был ставленником провинциальной феодальной знати и действовал лишь в ее интересах. Комнинам удалось без особого труда овладеть городом. Победители грабили храмы, бесчестили женщин, убивали жителей. Так пришла к власти династия Комнинов. 4 апреля 1081 г. Алексей Комнин был коронован.

К середине XII в. династия Комнинов вернула империи мощь, а столице — блеск и пышность. Первые три представителя этой династии — Алексей I, Иоанн II и Мануил I — отличались военной доблестью и вниманием к государственным делам. Но опирались они на относительно узкую прослойку знати, преимущественно новую аристократию, порожденную XI веком. Нравы двора постепенно изменились. Строгий этикет уступил место шумным пирам и всевозможным развлечениям.

Император Мануил любил устраивать богатые приемы. В его Влахернском дворце, а также в летних резиденциях на Босфоре беспрестанно устраивались всевозможные празднества — придворных увеселяли музыкой и пением, застольем и турнирами. Впрочем, отказавшись от строгости дворцового церемониала, новые властители империи не нарушили традиционной для византийского двора любви к заговорам и интригам. Уже против Алексея I было составлено несколько заговоров, в которых участвовали высшая знать и военачальники. Даже у постели умирающего императора шла борьба между его детьми и ближайшими родственниками за корону, которая вот-вот должна была оказаться без хозяина.

В политических бурях в византийской столице непременно участвовало высшее духовенство. В XI в. ослабление центральной власти привело к обострению борьбы за контроль над делами государства между различными группировками знати. В связи с этим роль духовенства в политической жизни империи резко возросла: оно всегда находило нужные средства и аргументы, делавшие ту или иную группу знати либо ее лидера бесчестными с точки зрения религии и морали. Чаще всего сначала в ход пускалось слово, дискредитирующее противника, и лишь затем наступала очередь оружия. Если еще в X в. василевс мог приказать избить неугодного ему патриарха и заточить его в тюрьму, то в XI в. приходилось действовать куда тоньше: патриарха хитростью выманивали из столицы, когда нужно было отделить его от волнующейся паствы. Место членовредительства и ссылки заняли подкуп патриархов, дарование церкви всяческих льгот и привилегий.

В IX—XII вв. Константинополь обогатился многими выдающимися произведениями зодчества. Крупнейшим культовым зданием, построенным в конце IX столетия, был пятинефный крестово-купольный собор, известный как храм Василия Македонянина. Здание не сохранилось, и сведения о нем содержатся только в письменных источниках. Прочие храмы дошли до нашего века, сильно измененные и в большинстве своем превращенные в мечети после турецкого завоевания, о чем речь пойдет ниже. В конце IX в. в монастыре Акаталепта был построен большой собор с вместительными хорами. В X в. была сооружена церковь Богоматери на территории столичного монастыря Липса. Дважды веками позже императрица Феодора, жена первого Палолога, Михаила III,

распорядилась воздвигнуть рядом с церковью Богоматери семейную усыпальницу для Палеологов, а также церковь Иоанна. К середине X в. относится строительство погребальной церкви императора Романа Лекапена (920—944). Несколько значительных в архитектурном отношении зданий было сооружено и в XI—XII вв., в их числе северная и южная церкви монастыря Пантократора (Вседержителя). В X—XII вв. в византийской столице насчитывалось около 350 церквей и монастырей, включая и мелкие часовни.

Памятники IX—XII вв. свидетельствовали о продолжении ранневизантийских архитектурных традиций, состоящих в создании гармоничного единства основных элементов здания. Вместе с тем они отражали усилившееся влияние восточной школы византийского зодчества с ее стремлением к простоте и реальности. Константинопольские архитекторы, строители и художники многие годы жизни отдавали сооружению прекрасных зданий. А тем временем история готовила городу испытания, которые оказались тяжкими не только для людей, но и для творений рук человеческих.

В XI в. произошло очень важное для судеб империи и ее столицы событие. Оно было связано с давней борьбой папского престола в Риме и Константинопольского патриаршества в сфере религиозной догматики. Эта борьба была проявлением соперничества из-за главенства во Вселенской церкви, от которого зависели не только размеры церковных доходов, но и масштабы политического влияния на принявшие христианство народы. В первой половине столетия между константинопольским патриархом Михаилом Керулларием и римским папой Львом IX возникли острые разногласия по вопросу о том, кому из них должно быть подчинено южноитальянское духовенство. Дело дошло до того, что послы папы римского в 1054 г. возложили на алтарь храма св. Софии грамоту с анафемой патриарху Михаилу. В свою очередь, византийский церковный собор предал анафеме послов папы римского. Церковный раскол стал неизбежен, и церковь разделилась на западную и восточную. Западную стали называть римско-католической, восточную — греко-католической, а впоследствии православной. Раскол привел к ухудшению отношений Византийской империи со странами Западной Европы, что стало особенно ощутимым в эпоху крестовых походов.

Крестовые походы (конец XI—XIII в.) представляли собой, как известно, захватнические войны западноевропейских феодалов, хотя устраивались они под лозунгом «освобождения от мусульман гроба господня», т. е. завоевания Иерусалима, где, по христианским преданиям, находилась гробница Иисуса Христа. В Западной Европе ходили легенды о сказочных богатствах тех стран, через которые должен был пролечь путь крестоносного воинства к Иерусалиму. Византия оказалась на этом пути, и ей было суждено стать одной из жертв алчности крестоносцев.

Глава V

КАТАСТРОФА 1204 года КОНСТАНТИНОПОЛЬ В РУКАХ КРЕСТНОСЦЕВ

Уже Первый крестовый поход показал, что для византийцев наступили тяжелые времена. В середине июля 1096 г. к стенам Константинополя подошли отряды крестоносцев, состоявшие преимущественно из крестьян. Это было почти безоружное ополчение простонародья из Франции, Германии и ряда других западноевропейских стран, не только движимого религиозной идеей, но и спасавшегося таким образом от крепостнического гнета и страшной нужды. Одним из предводителей крестьян был пикардиец Петр Пустынный — популярный в их среде монах, славившийся аскетизмом и ораторским искусством, которое он целиком посвятил проповеди идеи крестовых походов. Император Алексей Комнин, не без основания опасавшийся крестоносцев, дал аудиенцию Петру Пустыннику и оказал его войску небольшую материальную поддержку. И все же избежать грабежей и поджогов не удалось. Однако на этот раз столице византийцев повезло. Крестьянское ополчение через несколько дней покинуло город, переправившись через Босфор. В конце октября сюда вернулось всего несколько тысяч ополченцев, остаток армии, потерпевшей жестокое поражение в битве с сельджуками у Никеи. Многие из них дождались здесь подхода отрядов крестоносцев-рыцарей.

В конце декабря 1096 г. к городу подошли лотарингско-немецкие отряды под командой Готфрида Бульонского. Между императором и пришельцами сразу же возникли распри. В один из апрельских дней 1097 г. они вылились в жестокое сражение. Битва шла как в конном строю за пределами города, так и на его стенах. Бой был трудным для византийцев, его исход в их пользу решила только личная гвардия императора. Вскоре про-

тивники сели за стол переговоров. Алексей I одарил рыцарей деньгами и быстро избавился от них, переправив через пролив на азиатский берег.

Но на этом неприятности для византийцев не кончились. В том же месяце им пришлось иметь дело с отрядами итало-сицилийских рыцарей под водительством Боэмунда Тарентского. На этот раз удалось обойтись без кровопролития, дело решили дипломатия и деньги. Но отношения вошедших в Константинополь крестоносцев и хозяев города не отличались взаимным доверием. Во всяком случае, как рассказывают современники событий, когда Боэмунд Тарентский расположился в качестве гостя императора в отведенных ему дворцовых покоех, он, опасаясь яда, не прикоснулся к приготовленным для него яствам и повелел своим поварам приготовить иной, привычный для него обед. Пожелав все же проверить искренность гостеприимства императора, он щедро угостил яствами Алексея свою свиту, а на следующий день с притворной заботливостью справлялся у всех о самочувствии. Узнав, что все сошло благополучно, Боэмунд не постеснялся объявить о своих подозрениях. О грубых выходках и наглой бесцеремонности рыцарей сохранилось немало рассказов. Наиболее известен эпизод, происшедший во время торжественной аудиенции у императора. Один из баронов развалился на троне, а когда его заставили встать, объяснив, что никто не имеет права сидеть в присутствии василевса, он выразил возмущение тем, что император позволяет себе сидеть в присутствии множества отважных рыцарей. В конце апреля и эта часть крестоносного воинства была переправлена византийцами на малоазиатский берег Босфора.

После небольшой передышки горожане вновь увидели перед стенами Константинополя крестоносцев. То были отряды рыцарей и множество вооруженных паломников. Они расположились в окрестностях столицы, в самом городе появлялись лишь небольшими группами с разрешения властей. Но и эти визитеры были обузой для горожан: их вызывающее поведение не раз приводило к стычкам. В пригородах же крестоносцы просто устраивали грабежи. Раймунд Тулузский, возглавлявший эту группу крестоносцев, долго вел переговоры с императором. Вследствие изощренности византийской дипломатии, а также благодаря полученным ими щедрым дарам крестоносные предводители согласились стать вассала-

ми императора. В апреле — мае 1097 г. эти отряды были переправлены через пролив.

7 июня 1099 г. полчища крестоносцев подошли к Иерусалиму. В двухлетних походах и сражениях их огромная армия изрядно поредела — до Иерусалима дошло только 20 тыс. воинов. 15 июня крестоносцы приступом взяли город и учинили на его улицах кровавую бойню.

Полвека спустя столица Византийской империи вновь с тревогой ожидала приближения крестоносного воинства. 10 сентября 1147 г., во время Второго крестового похода (1147—1149), к Константинополю подошли отряды немецких рыцарей. Вновь начались разбой и грабеж окрестностей города. И вновь императору, теперь это был Иоанн Комнин, пришлось пустить в ход силу и хитрость, деньги и лесть. Непрошенных гостей удалось быстро удалить от Константинополя, переправив через пролив. Однако менее чем через месяц прибыли французские крестоносцы. Городские ворота закрылись перед ними. Оскорбленные рыцари стали требовать штурма. Но большинство предводителей не решились на эту рискованную затею, а императору вскоре удалось дипломатическими маневрами побудить крестоносцев поспешить в Малую Азию, вслед за немецкими отрядами.

Отношения Византийской империи с государствами крестоносцев, возникшими на Востоке после Первого крестового похода (королевством Иерусалимским, княжеством Антиохийским, графством Эдесским и графством Триполи), были напряженными. Византийские земли подвергались грабежу и разорению, одно время опасность угрожала и столице.

После смерти в 1180 г. императора Мануила Комнина разгорелась борьба между претендентами на престол. Весной 1181 г. она обострилась, начались столкновения на улицах столицы. В этой накаленной атмосфере все более открыто проявлялось недовольство ее населения увеличивавшимися налогами и бесконечными поборами, вымогательством чиновников. Как это не раз бывало в истории Константинополя, народное недовольство вылилось в возмущение против иностранных наемников, на которых опиралось правительство, подавляя беспорядки в городе.

Иноземцы играли тогда в Константинополе очень большую роль. Во время крестовых походов в столице Византии резко возросло влияние венецианских и ге-

«Золотые ворота» в Константинополе (реконструкция)

Внутренний вид храма св. Софии

Храм св. Софии (Аия Софья) (VI в.)

Деталь одной из колонн храма св. Софии

Церковь св. Сергия и Вахка
(Кючук Айя Софья джами) (VI в.)

Церковь св. Ирины (VI—VIII вв.)

Мирелеон (Будрум джами) (X в.)

Церковь св. Феодосия (Гюль джами) (X—XI вв.)

Церковь св. Ирины (внутренний вид)

Церковь Хора (Бахрие джами) (VI—VIII вв.)

Церковь Пантократора (Вседержителя)
(Зейрек джами) (VII в.)

Церковь Паммакаристи (Божьей матери всеблаженнейшей)
(Фетхие джами) (XII—XIV вв.)

Улица в турецком квартале (фото начала нашего века)

Крепость Румели Хисар (фото начала нашего века)

Крепость Anadolu Хисар (фото начала нашего века)

Торжественный выезд султана
Семибашенный замок (Едикуле)

У входа в здание Высокой Порты
Капалы Чаршы

Внутренний вид мечети Айя Софья
Невольничий рынок

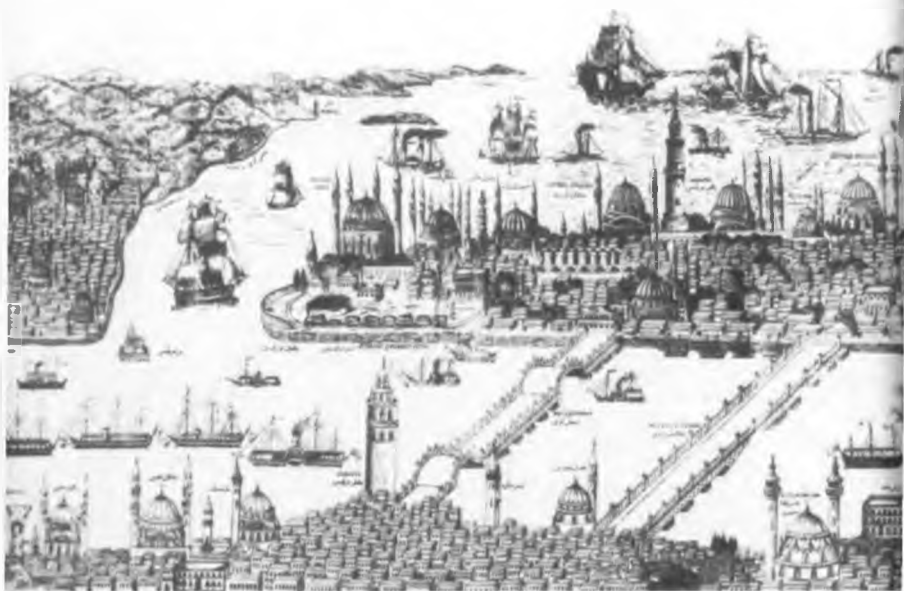

Турецкая баня

Панорама Стамбула (вид со стороны Золотого Рога)

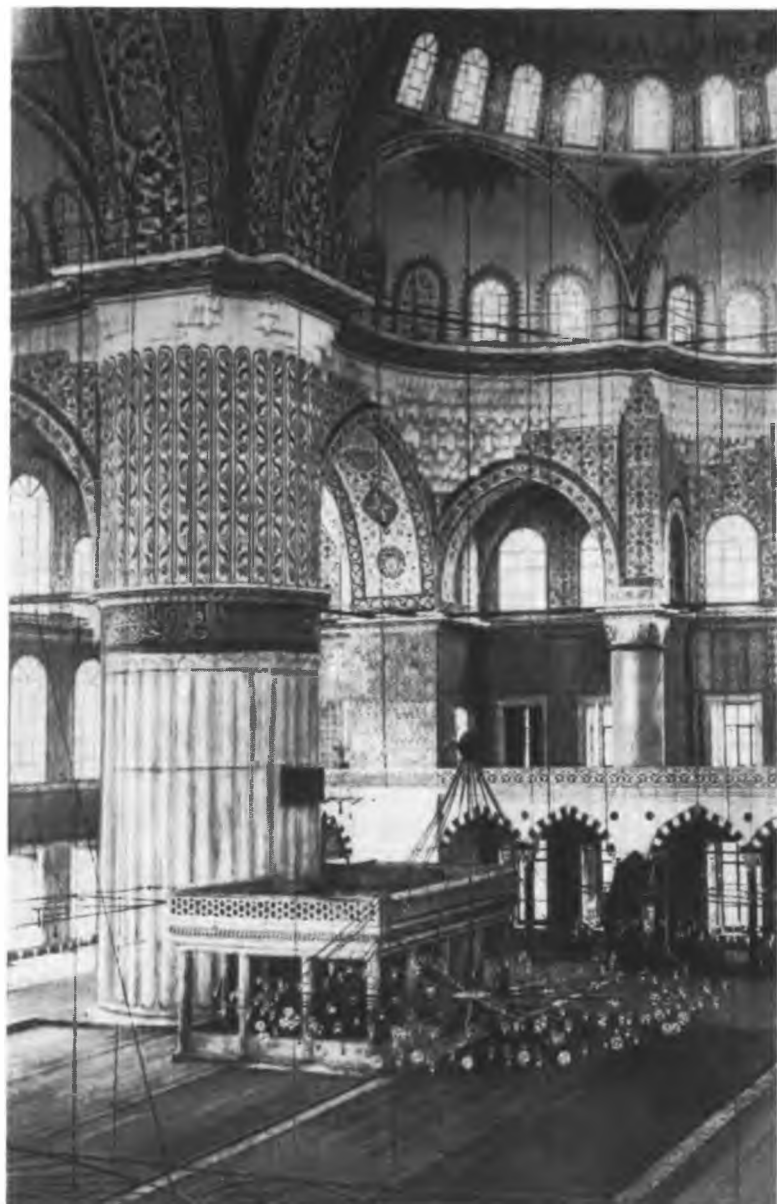
Вид Стамбула со стороны Галаты
(литография конца XIX в.)

Мечеть Сулеймание (середина XVI в.)

Мечеть Султан Ахмед (начало XVII в.)
(фото начала нашего века)

Мечеть Султан Ахмед (внутренний вид)
(фото начала нашего века)

Минареты и купол мечети Султан Ахмед
(на переднем плане Египетский обелиск)

←
Фонтан султана Ахмеда III (фото начала нашего века)

Главные ворота дворца-музея Топкапы

Один из залов дворца-музея Топкапы

Парадные ворота дворца-музея Долма Бахче

Современный Стамбул. Галатский мост через Золотой Рог
и панорама старой части города

Современный Стамбул. Мост Ататюрка через Золотой Рог

пуэзских купцов. Их конкуренция наносила немалый ущерб византийским купцам и ремесленникам. Императоры не раз прибегали к помощи венецианского флота. Богатейшие кварталы принадлежали итальянским купцам. Они находились по другую сторону Золотого Рога и так и назывались: Пера («по ту сторону») и Галата. Итальянская колония составляла в те годы около 60 тыс. человек. Итальянцы, которых в Византии называли латинянами, не скрывали презрительного отношения к византийцам.

В этот момент в борьбу за престол включился двоюродный брат императора Мануила — Андроник Комнин, человек смелый и энергичный, склонный к авантюрам. Многие годы он провел вне Византии, около 15 лет жил при дворах восточных монархов. Его имя было популярно в народе, византийцы пели песни, в которых говорилось о рыцарских похождениях и приключениях принца Андроника. Наконец, он имел репутацию человека, отличавшегося антилатинскими настроениями, которые были так популярны в массе константинопольского населения. В апреле — мае 1182 г. в византийской столице происходили стычки между сторонниками различных группировок, боровшихся за власть. В результате вспыхнул бунт против правительства. Несколько дней толпы громили дома богачей, в том числе дворцы эпарха города и прокурора верховного суда. Были уничтожены податные списки и масса государственных актов. Бунтовщики превратили храм св. Софии и окружавшие его здания в укрепленный лагерь. Правительству удалось подавить бунт в течение нескольких дней. Но самые драматические события были впереди.

В один из майских дней 1182 г. многочисленные толпы напали на латинян. Разъяренные горожане жгли и грабили дома иноземцев. Латиняны убивали, не разбирая ни возраста, ни пола. Когда часть итальянцев сделала попытку спастись на своих судах, стоявших в гавани, их уничтожили «греческим огнем». Многие латиняне были заживо сожжены в собственных домах. Богатые и процветающие кварталы были превращены в развалины. Византийцы громили церкви латинян, их благотворительные учреждения и больницы. Были убиты и многие духовные лица, в том числе папский легат.

Избиение латинян было во многом спровоцировано Андроником, который готовился войти в столицу, где

его сторонники уже сделали почти все для его вступления на престол. Он и занял его в 1182 г. в качестве регента при Алексее II, а с 1183 г. — в качестве единодержавного императора. Его правление характеризовалось безжалостным террором. Все три года пребывания на престоле он уничтожал всех, кого считал опасным для своей власти.

Погром латинян, преимущественно венецианцев, обернулся для византийцев многими несчастьями. Те итальянцы, которые успели покинуть Константинополь до начала резни, начали в отместку разорять византийские города и селения на берегах Босфора и на Принцевых островах. Они стали повсеместно призывать латинский Запад к возмездию.

Все эти события еще более усилили вражду между Византией и государствами Западной Европы.

После завоевания в 1187 г. Иерусалима египетским султаном Салах ад-Дином (Саладином) был предпринят Третий крестовый поход (1189—1192). Он непосредственно не затронул столицу Византийской империи. Но напряженная ситуация сложилась на Балканах, где во Фракии открыто столкнулись интересы немецких крестоносцев и византийцев. Фридрих I Барбаросса вынашивал даже планы осады Константинополя с суши и с моря, имея в виду договориться о совместных действиях с Венецией и Генуей. Население Константинополя жило по-прежнему с ощущением близкой опасности. Примечательно, что патриарх в своих проповедях поносил крестоносцев, называя их псами и внушая своей пастве, что убийство крестоносца даст отпущение любых грехов.

Многим из тех, кто слушал эти проповеди, пришлось столкнуться с бесчинствами крестоносцев через какой-нибудь десяток лет.

Организаторы Третьего крестового похода большого успеха не добились. Поэтому через несколько лет начался Четвертый крестовый поход, ставший роковым для Византийской империи и ее древней столицы.

Не сразу, правда, крестоносные полчища были нацелены на Константинополь. Организаторы Четвертого крестового похода, которых объединял и вдохновлял папа Иннокентий III, вначале приложили немало усилий, чтобы укрепить религиозный пыл крестоносцев, напомнить им об их исторической миссии освобождения Святой земли. Иннокентий III направил послание ви-

зантыйскому императору, побуждая его к участию в походе и одновременно напоминая о необходимости восстановления церковной унии, что практически означало прекращение самостоятельного существования греческой церкви. Очевидно, что этот вопрос был главным для Иннокентия III, который вряд ли мог рассчитывать на участие византийского войска в крестовом походе, затеваемом римско-католической церковью. Император отверг предложения папы, отношения между ними стали крайне напряженными.

Неприязнь папы к Византии в немалой степени предопределила превращение византийской столицы в цель похода крестоносного воинства. Во многом это также было следствием откровенно корыстных намерений предводителей крестоносцев, которые в погоне за добычей направились осенью 1202 г. к принадлежавшему в то время Венгрии крупному торговому городу на восточном побережье Адриатического моря — Задару. Захватив и разорив его, крестоносцы, в частности, уплатили таким образом часть долга венецианцам, заинтересованным в установлении своего господства в этом важном районе. Завоевание и разгром большого христианского города как бы стали подготовкой к дальнейшему изменению целей крестового похода. Поскольку не только папа римский, но и французские и немецкие феодалы в это время тайно вынашивали план направить крестоносцев против Византии, Задар стал своеобразной репетицией похода на Константинополь. Постепенно возникло и идеологическое обоснование такого похода. В среде руководителей крестоносцев все настойчивее велись разговоры о том, что их неудачи объясняются действиями Византии. Византийцев обвиняли в том, что они не только не помогают воинам креста, но даже проводят враждебную политику по отношению к государствам крестоносцев, заключая направленные против них союзы с правителями турок-сельджуков Малой Азии. Эти настроения подогревались венецианскими купцами, ибо Венеция была торговой соперницей Византии. Ко всему этому добавлялись воспоминания о резне латинян в Константинополе. Большую роль сыграло и стремление крестоносцев к огромной добыче, которую сулил захват византийской столицы.

О богатстве Константинополя в ту пору ходили легенды. «О, какой знатный и красивый город! — писал о Константинополе один из участников Первого кресто-

вого похода.— Сколько в нем монастырей, дворцов, построенных с удивительным мастерством! Сколько также удивительных для взора вещей на улицах и площадях! Было бы слишком утомительно перечислять, каково здесь изобилие богатств всякого рода, золота, серебра, разнообразных тканей и священных реликвий». Такие рассказы разжигали воображение и страсть к наживе, которой так отличались воины крестоносных армий.

Первоначальный план Четвертого крестового похода, предусматривавший организацию морской экспедиции на венецианских судах в Египет, был изменен: крестоносное войско должно было двинуться к столице Византии. Был найден и подходящий предлог для нападения на Константинополь. Там произошел очередной дворцовый переворот, в результате которого император Исаак II из династии Ангелов, правившей империей с 1185 г., в 1204 г. был свергнут с престола, ослеплен и брошен в темницу. Его сын Алексей обратился за помощью к крестоносцам. В апреле 1203 г. он заключил на острове Корфу с предводителями крестоносцев договор, посулив им крупное денежное вознаграждение. В результате крестоносцы отправились к Константинополю в роли борцов за восстановление власти законного императора.

В июне 1203 г. к византийской столице подошли суда с крестоносным воинством. Положение города было крайне тяжелым, ибо главного средства обороны, которое многократно спасало ранее,— флота у византийцев теперь почти не было. Заключив в 1187 г. союз с Венецией, византийские императоры свели свои военные силы на море до минимума, полагаясь на союзников. Это была одна из тех ошибок, которые решили судьбу Константинополя. Оставалось полагаться только на крепостные стены. 23 июня корабли венецианцев с крестоносцами на борту появились на рейде. Император Алексей III, брат низложенного Исаака II, попытался организовать оборону со стороны моря, но суда крестоносцев прорвались через цепь, закрывавшую вход в Золотой Рог. 5 июля венецианские галеры вошли в бухту, рыцари высадились на берег и стали лагерем у Влахернского дворца, который находился в северо-западной части города. 17 июля войска Алексея III практически капитулировали перед крестоносцами после захвата ими двух десятков башен на крепостных стенах.

За этим последовало бегство Алексея III из Константинополя.

Тогда горожане освободили низложенного Исаака II из тюрьмы и провозгласили его императором. Это отнюдь не устраивало крестоносцев, ибо они тогда теряли огромные деньги, обещанные им сыном Исаака, Алексеем. Под давлением крестоносцев Алексей был объявлен императором, и около пяти месяцев продолжалось совместное правление отца и сына. Алексей прилагал все усилия, чтобы собрать нужную для расплаты с крестоносцами сумму, так что население невероятно страдало от поборов. Положение в столице делалось все более напряженным. Вымогательства крестоносцев усилили вражду между греками и латинянами, императора ненавидели почти все горожане. Появились признаки зреющего мятежа. В январе 1204 г. простой люд Константинополя, собравшийся огромными толпами на площадях, стал требовать избрания нового императора. Исаак II обратился за помощью к крестоносцам, но его намерения выдал народу один из сановников — Алексей Мурчуфл. В городе начался бунт, который закончился избранием Алексея Мурчуфла императором. По мнению предводителей крестоносцев, наступил удачный момент для захвата византийской столицы.

Стоя лагерем в одном из предместий Константинополя, крестоносцы более полугодом не только оказывали воздействие на жизнь столицы империи, но и все более распалялись при виде ее богатств. Представление об этом дают слова одного из участников этого похода крестоносцев, амьенского рыцаря Робера де Кларн — автора мемуаров под названием «Завоевание Константинополя». «Там было, — писал он, — такое изобилие богатств, так много золотой и серебряной утвари, так много драгоценных камней, что казалось поистине чудом, как свезено сюда такое великодушное богатство. Со дня сотворения мира не видано и не собрано было подобных сокровищ, столь великолепных и драгоценных... И в сорока богатейших городах земли, я полагаю, не было столько богатств, сколько их было в Константинополе!» Лакомая добыча дразнила аппетиты крестоносных воинов. Грабительские рейды их отрядов в город приносили его жителям немалые тяготы, церкви стали утрачивать часть своих сокровищ. Но самое страшное для города время наступило в начале

весны 1204 г., когда предводители крестоносцев и представители Венеции заключили договор о разделе территорий Византии, который предусматривал и захват ее столицы.

Крестоносцы решили штурмовать город со стороны Золотого Рога, у Влахернского дворца. Католические священники, состоявшие при войсках крестоносцев, всячески поддерживали их боевой дух. Они с готовностью отпускали грехи всем желавшим того участникам предстоящего штурма, внушая воинам мысль о богоугодности захвата Константинополя.

Вначале были засыпаны рвы перед крепостными стенами, после чего рыцари пошли на приступ. Византийские воины отчаянно сопротивлялись, но все же 9 апреля крестоносцам удалось ворваться в Константинополь. Однако они не сумели закрепиться в городе, и 12 апреля атака возобновилась. С помощью штурмовых лестниц передовая группа атакующих взобралась на крепостную стену. Другая группа сделала пролом на одном из участков стены, а затем разбила несколько крепостных ворот, действуя уже изнутри. В городе начался пожар, погубивший две трети зданий. Сопротивление византийцев было сломлено, Алексей Мурчуфл бежал. Правда, весь день на улицах шли кровопролитные схватки. Утром 13 апреля 1204 г. в Константинополь вступил глава крестоносного войска итальянский князь Бонифаций Монферратский.

Город-крепость, устоявший перед натиском многих могучих врагов, был впервые захвачен неприятелем. То, что оказалось не под силу полчищам персов, аваров и арабов, удалось рыцарскому войску, насчитывавшему не более 20 тыс. человек. Один из участников похода крестоносцев, француз Жоффруа де Виллардуэн, автор высоко ценимой исследователями «Истории захвата Константинополя», считал, что соотношение сил осаждавших и осажденных составляло 1 к 200. Он выражал удивление победой крестоносцев, подчеркивая, что никогда еще горсточка воинов не осаждала город с таким множеством защитников. Легкость, с которой крестоносцы овладели огромным, хорошо укрепленным городом, была результатом острейшего социально-политического кризиса, который переживала в тот момент Византийская империя. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что часть византийской аристократии и купечества была заинтересована в торговых свя-

зях с латинянами. Иными словами, в Константинополе существовала своеобразная «пятая колонна».

Князь Монферратский обещал своему войску трехдневный грабеж города после его взятия. Началось разорение византийской столицы. Один из очевидцев этих трагических событий, византийский сановник и историк Никита Хониат, так описывал первые часы хозяйничанья крестоносцев в Константинополе: «В день взятия города хищники расположились на ночлег повсюду и грабили все, что было внутри домов, не стесняясь с хозяевами, наделяя иных ударами; кого они уговаривали, кому грозили по всякому поводу. Всё они получили или сами нашли: часть лежала на виду или была принесена хозяевами, часть разыскали сами латиняне, пощады у них не было никакой, и ничего они не отдавали собственникам обратно... Собираясь партиями, жители уходили, одетые в рубища, изнуренные бессонницей и осунувшиеся, видом мертвецы, с налитыми кровью глазами, будто плачущие кровью, а не слезами. Одни горевали о потере имущества, другие уже не удручались этим, но оплакивали похищенную и поруганную деву-невесту или супругу, каждый шел со своим горем». Жоффруа де Виллардуэн отмечал, что «убитым и рапеным не было ни числа, ни меры».

Страшный ущерб нанесли городу пожары. Они возникали дважды еще до момента решительного штурма. Множество зданий сгорело во время пожара, начавшегося в момент штурма города 12 апреля. Жоффруа де Виллардуэн писал, что этот пожар уничтожил больше домов, чем насчитывалось их в трех крупнейших городах Франции того времени. 12—13 апреля в огне погибли многие кварталы города, расположенные на побережье Золотого Рога. В июне 1204 г. пожар опустошил обширный район, простиравшийся до границ территории Влахернского дворца. Дотла сгорели многие кварталы, застроенные богатыми домами. В августе, после очередной стычки между латинянами и византийцами, город вновь запылал. Одновременно загорелись здания в разных местах города. В тот день был сильный ветер. Огонь бушевал почти сутки, сгорела вся центральная часть Константинополя — от Золотого Рога до побережья Мраморного моря. Пламя неистовствовало с такой силой, что горящими головнями были подожжены суда в гавани. Августовский пожар уничтожил богатые торгово-ремесленные кварталы и полностью ра-

зорил торговцев и ремесленников Константинополя. После этого страшного бедствия торговые и ремесленные корпорации города утратили былое значение, а Константинополь надолго потерял свое исключительное место в мировой торговле.

Погибли многие памятники архитектуры и выдающиеся произведения искусства. Площадь Константина и прилегавшие к ней улицы сделались добычей огненной стихии. Великолепные общественные здания, церкви и дворцы — все лежало в дымящихся руинах. Огонь, к счастью, остановился у самого храма св. Софии.

Предводители крестоносцев заняли уцелевшие императорские дворцы, в частности Влахернский и Вуклеон, расположенный на юго-западной оконечности Босфорского мыса, несколько южнее Большого дворца. Находившиеся в них сокровища были захвачены крестоносцами. Вообще, добыча превзошла все их ожидания. В руки завоевателей попало неисчислимое множество золотых и серебряных изделий, драгоценных камней, мехов и тканей. Грабители не остановились перед разорением усыпальниц византийских императоров. Саркофаги были взломаны, найденные в них украшения из золота и драгоценных камней украдены. Многие бронзовые и медные статуи были переплавлены на монеты. Захватчики разбили гигантскую статую Геркулеса, сотворенную гениальным Лисиппом. Такая же участь постигла огромную статую героя греческой мифологии Беллерофонта. Не пощадили крестоносцы даже изваяние девы Марии, украшавшее один из кварталов в центре города. Та же участь постигла статую Геры. Венецианцы, правда, вывезли знаменитых бронзовых коней Лисиппа и украсили ими один из фасадов собора св. Марка в Венеции. Но этот случай был исключением. Крестоносцы уничтожали памятники искусства, не представляя себе их неизмеримой художественной ценности.

Были разорены сотни церквей. Никита Хониат так описывал разгром храма св. Софии: «Святые наои, затканые драгоценностями и необыкновенной красоты, приводившие в изумление, были разрублены на куски и разделены между войнами вместе с другими великолепными вещами. Когда им нужно было вывезти из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которым были обложены кафедры, амвоны и врата, они

ввели в притворы храма мулов и лошадей с седлами... Животные, пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но они били их и... оскверняли их кровью священный пол храма...» Распаленные грабежом и видом крови пьяные рыцари принудили обнаженных уличных женщин плясать на главном престоле собора. Не отставали от рыцарей и их католические пастыри, особенно усердствовавшие в разграблении церковных реликвий.

Сокровища храмов составили огромную часть добычи крестоносцев. Венецианцы вывезли из Константинополя множество редчайших памятников искусства. Былое великоление византийских соборов после эпохи крестовых походов можно было увидеть только в церквях Венеции. Одна из латинских хроник, в которой были описаны «подвиги» крестоносцев в захваченном городе, так и называлась: «Константинопольское опустошение».

Хранилища ценнейших рукописных книг — средоточие византийской науки и культуры — попали в руки вандалов, которые устраивали бивуачные костры из свитков. В огонь летели произведения древних мыслителей и ученых, религиозные книги. Современник, описавший сцены грабежа города, очень точно отметил, что от происходящего «содрогается разум и человечество краснеет от стыда».

Расхищение богатств Константинополя не ограничилось днями грабежа после взятия города. Утвердившиеся в нем на десятилетия крестоносцы постепенно переправили в Западную Европу почти все, что представляло хоть какую-то ценность. Торговля сокровищами дворцов и святынями храмов долгое время оставалась для созданной крестоносцами после захвата Константинополя Латинской империи одним из источников пополнения казны.

Катастрофа 1204 г. резко затормозила развитие византийской культуры, которая в течение двух предшествовавших веков переживала период расцвета. В IX—XII вв. в византийской столице было создано много шедевров архитектуры. В их числе были новые великолепные сооружения на территории Большого дворца, Влахернский дворец, ряд новых храмов, среди которых выделялась церковь Паммакаристи (Божьей матери всеблаженнейшей). Все эти творения византийских зодчих, как и изумительные произведения мастеров монументальной живописи и миниатюры, славились далеко за пределами Константинополя. X—XI века стали так-

же эпохой блестящих успехов византийского прикладного искусства. На подъеме были наука и литература. С середины IX в. оживилась деятельность высших школ. Два факультета Константинопольского университета — юридический и философский — играли исключительную роль в научной и культурной жизни столицы. В ряду крупных деятелей науки стоят философ и историк Михаил Пселл и его младший современник философ Иоанн Итал (XI в.). В X—XII вв. в Константинополе творили такие выдающиеся писатели, как сатирик Христофор Митиленский, автор книги назиданий «Советы и рассказы» Кекавмен, писатель и поэт Федор Продром, наконец, великолепные прозаики братья Михаил и Никита Хониаты.

Разорение Константинополя привело к разрушению культурного центра, имевшего вековые традиции. Средоточием византийской науки и образования отныне стал город Никея в Малой Азии — центр одного из греческих государств, образовавшихся здесь после нашествия крестоносцев. Лишь в XIV в. Константинополю, да и то лишь частично, удалось восстановить свое культурное значение.

Завоевание Константинополя крестоносцами знаменовало собой крушение могущественной Византийской империи. На ее обломках возникло несколько государств. Крестоносцы создали Латинскую империю со столицей в Константинополе. В ее состав входили земли по берегам Босфора и Дарданелл, часть Фракии и ряд островов Эгейского моря. Венеции досталось северное предместье Константинополя — Галата — и несколько городов на побережье Мраморного моря. Бонифаций Монферратский стал главой Фессалоникского королевства, созданного на территории Македонии и Фессалии. В Морее возникло еще одно государство крестоносцев — Морейское княжество. На остальных землях Византийской империи появились новые греческие государства. В северо-западной части Малой Азии была образована Никейская империя, на Черноморском побережье Малой Азии — Трапезундская империя, на западе Балканского полуострова — Эпирский деспотат. Наиболее сильным среди этих государств была Никейская империя, ставшая со временем центром сопротивления иноземным завоевателям.

Более полувека древний город на босфорском мысу находился во власти крестоносцев. 16 мая 1204 г. в хра-

ме св. Софии фландрский граф Балдуин был торжественно коронован в качестве первого императора новой империи, которую современники называли не Латинской, а Константинопольской империей, или Романней. Считая себя преемниками византийских императоров, ее правители сохранили многое из этикета и церемониала дворцовой жизни. Но к грекам император относился с крайним пренебрежением.

В новом государстве, территория которого на первых порах ограничивалась столицей, вскоре начались распри. Разноязыкое рыцарское войство только во время захвата и грабежа города действовало более или менее согласованно. Теперь же прежнее единство было забыто. Дело едва не доходило до открытых столкновений между императором и некоторыми предводителями крестоносцев. К этому добавились конфликты с византийцами из-за дележа византийских земель. В результате латинским императорам пришлось менять тактику. Уже Генрих Геннегауский (1206—1216) стал искать опору в старой византийской знати.

Почувствовали себя наконец здесь хозяевами и венецианцы. В их руки перешла значительная часть города — три квартала из восьми. Венецианцы имели в городе свой судебный аппарат. Они составляли половину совета императорской курии. Венецианцам досталась огромная часть добычи после ограбления города. Множество ценностей было вывезено в Венецию, а часть богатств стала фундаментом той огромной политической власти и торгового могущества, которые приобрела венецианская колония в Константинополе. Некоторые историки не без оснований пишут, что после катастрофы 1204 г. образовались фактически две империи — Латинская и Венецианская. Действительно, в руки венецианцев перешла не только часть столицы, но и земли во Фракии и на побережье Пропонтиды. Территориальные приобретения венецианцев за пределами Константинополя были невелики в сравнении с их планами в начале Четвертого крестового похода, но это не помешало венецианским дожам впредь пышно именовать себя «властителями четверти и полчетверти Византийской империи». Впрочем, господство венецианцев в торгово-экономической жизни Константинополя (они завладели, в частности, всеми важнейшими причалами на берегах Босфора и Золотого Рога) оказалось едва ли не более важным, чем территориальные

приобретения. Обосновавшись в Константинополе как хозяева, венецианцы усилили свой торговый натиск на всей площади павшей Византийской империи.

Столица Латинской империи в течение нескольких десятилетий была местом пребывания самых знатных феодалов. Константинопольские дворцы они предпочитали своим замкам в Европе. Знать империи быстро освоилась с византийской роскошью, переняла привычку к постоянным празднествам и веселым застольям. Потребительский характер жизни Константинополя при латинянах стал еще более ярко выраженным. Крестоносцы пришли в эти края с мечом и за полвека своего владычества так и не научились созидать.

В середине XIII в. Латинская империя пришла в полный упадок. Многие города и села, опустошенные и разграбленные во время захватнических походов латинян, так и не смогли оправиться. Население страдало не только от непосильных налогов и поборов, но и от гнета чужеземцев, с презрением попиравших культуру и обычаи греков. Православное духовенство вело активную проповедь борьбы против поработителей.

Воспользовавшись возраставшей слабостью латинян, никейский император Михаил VIII Палеолог в 1260 г. решил отбить у них Константинополь. Чтобы изолировать город со стороны суши, Михаил захватил Сиврию. После этого он начал готовить генеральный штурм. Однако попытка овладеть Галатой, расположенной на северном берегу Золотого Рога, оказалась неудачной, греки понесли крупные потери и были вынуждены отступить.

Весной 1261 г. Михаил вновь стал готовиться к походу на Константинополь. Он сумел заручиться поддержкой Генуи. Генуэзские купцы рассчитывали в случае его успеха выжить из Константинополя венецианцев. Михаилу оказал помощь и правитель сельджукского Конийского султаната, который стремился к союзу с никейскими императорами в связи с угрозой монгольского нашествия.

Летом 1261 г. греческое войско подошло к Константинополю. Им командовал известный полководец Алексей Стратигопулос. В состав никейской армии входила сельджукская конница. Момент для нападения был выбран не случайно. Силы императора Балдуна II (1228—1261) находились в походе на черноморском побережье. 25 июля, ночью, войско Стратигопулоса нача-

ло штурм. Горстка храбрецов сумела проникнуть в Константинополь через старинный водосток, перебить охрану у городских ворот и открыть их основным силам нападавших. Конница ворвалась в спящий город. Греческое население оказало небольшому войску Стратигопулоса поддержку. Среди латинян началась паника. Балдуин бежал на венецианском корабле. Латинская империя перестала существовать.

Константинополь был охвачен ликованием. Михаил Палеолог был встречен с почетом. Император вступил в город через Золотые ворота и проделал пешком путь до Студийского монастыря. Перед ним несли икону Богоматери. Вскоре в храме св. Софии состоялась вторичная коронация Михаила и его жены Феодоры, призванная символизировать восстановление власти византийских императоров в их древней столице.

Когда угар победы прошел, стало видно, как трагически изменился город. Михаил Палеолог широко организовал восстановительные работы. В сравнительно короткий срок были реставрированы или построены заново оборонительные сооружения, возвращено было величие храмам и дворцам. Быстро стало расти население города. Император вооружал армию, создавал новый флот. Все это требовало огромных затрат, казна быстро пустела. Желая укрепить государство, Михаил решил поддержать идею унии с римской церковью, с тем чтобы, опираясь на содействие папы, установить союз с латинским Западом. Это обострило отношения императора с духовенством. Самыми яркими противниками унии были низшее духовенство и монашество. В своих проповедях они доказывали безнравственность унии, постоянно подстрекали население Константинополя против правительства, готового, по их словам, отвернуться от веры и традиций. И все же Михаилу удалось выполнить свое намерение. В 1274 г. церковная уния состоялась. Но это еще более накалило политическую атмосферу в империи и столице. Вскоре споры и дискуссии по вопросам унии перешли в острую социальную и политическую борьбу. Протест масс против унии вновь сделал улицы и площади Константинополя ареной выступления против императора и правительства. В городе распространялись памфлеты и пасквили, направленные против монарха, его приближенных и высших сановников. Михаил обрушил на недовольных жестокие репрессии, но это не принесло успеха, хотя

император не щадил и своих родственников. После смерти Михаила в 1282 г. положение в империи и в столице оставалось напряженным, борьба между сторонниками и противниками унии продолжалась.

С воцарением Михаила Палеолога в борьбе извечных соперников — венецианцев и генуэзцев — произошел явный сдвиг в пользу последних. По Нимфейскому договору, заключенному в 1261 г. между Византией и Генуей, генуэзцам удалось добиться от Михаила привилегий, напоминавших права венецианцев в предшествовавшие полтора столетия, когда те были хозяевами торговли Константинополя, а после его разорения крестоносцами создали здесь фактически государство в государстве. Генуэзские купцы получили право беспопытной торговли, а также право на свободный вывоз из пределов империи хлеба и другого продовольствия. Кроме того, Михаил Палеолог обязался запретить проход в Черное море судам иных латинян (здесь имелись в виду преимущественно венецианцы). И хотя венецианцы не сдавали свои позиции в столице, их торговая деятельность с этого времени была серьезно затруднена. Взятые верх генуэзцы не только подчинили себе многие источники богатства Константинополя, но и стали играть активную роль в политике. Отныне интриги и заговоры во дворце и в среде придворной знати все реже обходились без тайного участия богатых генуэзских купцов.

Галата превратилась в генуэзскую колонию со своим портом и гарнизоном.

На рубеже XIII—XIV вв. генуэзские и венецианские купцы контролировали всю торговлю Константинополя, в частности торговлю продовольствием. Византийским купцам оставались только мелкие операции. Константинопольские банки итальянцев имели большие обороты, отгеснив на задний план византийских денежных людей.

После крушения Латинской империи Константинополь почти на два столетия вновь стал столицей Византии. Однако территория государства сократилась в несколько раз. Под властью императоров из династии Палеологов находились лишь часть Фракии и Македонии, несколько островов Архипелага, отдельные районы Пелопоннесского полуострова и северо-западная часть Малой Азии. Не вернула себе Византия и торгового могущества. В числе причин этого было и перемещение в

XIII в. основных торговых путей из проливов в бассейн Средиземноморья.

Правда, географическое положение Константинополя позволило ему вновь стать оживленным торговым центром. К середине XIV в. на его рынках шла торговля самыми различными товарами — зерном и фасолью, вином и оливковым маслом, рыбой и сушеными фруктами, солью и медом, льном и шелком, шерстью и кожей, мехами и благовониями, воском и мылом. В Константинополь приезжали купцы из Генуи, Венеции и других итальянских городов, из Сирии, из славянских стран Балканского полуострова. Оживились связи византийской столицы с Русью. Однако выгодами местоположения Константинополя теперь пользовались главным образом иностранные купцы.

Важнейший источник пополнения византийской казны — торговые сборы и таможенные пошлины — с каждым годом все более иссякал. Торговый путь через проливы находился в руках венецианских и генуэзских купцов. Весь XIV век и первую половину XV в. генуэзцы полностью контролировали торговлю в Причерноморье. Доходы генуэзской колонии в Галате от таможенных пошлин в XIV в. почти в семь раз превышали аналогичные доходы Византии.

Весь XIV век Византийская империя неуклонно шла к гибели. Ее сотрясали междоусобицы, она терпела поражение за поражением в войнах с внешними врагами. Императорский двор погряз в интригах. В ход шло все — клевета и донос, подкуп и яд, убийство из-за угла. Константинопольский плебс все чаще становился орудием в руках претендентов на престол.

Даже внешний облик города красноречиво говорил о закате его славы и величия. Историк Никифор Григора, описывая Константинополь середины XIV в., говорил, что проникательные люди «легко предвидели падение порядка вещей и разрушение империи, ибо всем бросалось в глаза, что императорские дворцы и палаты знатных лежали в разрушении и служили отхожими местами для мимоходящих и клоаками; равно и величавые здания патриархата, окружавшие великий храм св. Софии... были разрушены или вовсе истреблены».

Бурные события разыгрались в Константинополе в 40-х годах XIV в. Регент малолетнего Иоанна V Палеолога Иоанн Кантакузин восстановил против себя большую часть знати. Недовольных возглавил вельможа

Алексей Апокавк. Воспользовавшись отъездом регента, оппозиция, опиравшаяся на торговые слои города, подняла против него народ. Дома приверженцев Кантакузина были разгромлены, а сам регент был лишен всех должностей, имущество его было конфисковано. Власть перешла к императрице Анне Савойской, Иоанн V стал ее соправителем. Но за три недели до этого сторонники Кантакузина среди знати провозгласили его императором. Столица ответила новыми погромами приверженцев бывшего регента, были разграблены и его собственные дворцы. В борьбу между Кантакузином и Апокавком оказались вовлечены народные массы и провинциальная знать. Призывы Апокавка возбуждали простой люд против знати, крестьяне громили дома и разоряли владения феодалов. Масло в огонь подлили церковные раздоры, в которые также были вовлечены широкие слои населения. Междоусобная борьба затянулась на несколько лет.

Кантакузин получил поддержку бея Айдына — турецкого княжества на западе Малой Азии. Тем временем в июне 1345 г. Апокавк был убит узниками дворцовой тюрьмы — сторонниками Кантакузина. Поскольку Апокавк был все еще популярен, горожане ответили на его убийство новыми погромами. Погибли многие из лиц, известных сочувствием к Кантакузину, не избежали этой участи и убийцы Апокавка. Кантакузин укрепился во Фракии, опираясь на поддержку османских султанов. Летом 1346 г. дочь Кантакузина Феодора была помолвлена с султаном Орханом. В это время в Константинополе возник острый конфликт между правившей в нем группировкой и генуэзцами Галаты. То была последняя капля, чаша весов в многолетнем споре склонилась к Кантакузину. В ночь на 3 февраля 1347 г. город открыл ему Золотые ворота.

А уже через год Константинополь был во власти чумы. «Черная смерть» скосила большую часть населения столицы. Прошло еще немного времени, и город подвергся новому испытанию. Генуэзцы Галаты, недовольные стремлением Кантакузина проводить выгодную византийцам торговую политику, в начале 1349 г. подожгли предместья столицы, а также спалили торговые суда и верфи. Генуэзский флот блокировал Константинополь. 5 марта 1349 г. византийцы совершили нападение на корабли генуэзцев Галаты, но потерпели поражение. Пришлось пойти на новые уступки генуэзцам,

в частности отдать им еще одну территорию за северной стеной Константинополя.

Правление Иоанна Кантакузина кончилось ноябрьской ночью 1354 г., когда корабль генуэзца Франческо Гаттелузи доставил в столицу Иоанна V. Вновь открылись городские ворота, началось восстание против Кантакузина. Осажденный в своем дворце, он отрекся от престола и ушел в монахи. С этого дня и до захвата византийской столицы турками-османами власть оставалась в руках династии Палеологов.

В XV в. жизнь Константинополя внешне не претерпела серьезных перемен. Междоусобная борьба, сопровождавшаяся заговорами и интригами дворцовой клики, столкновения по церковным и политическим вопросам между «латинофилами» и теми, кто отстаивал независимость империи, вспышки недовольства плебса, повседневный труд ремесленников, рыбаков, моряков и корабелов — все это оставалось привычными приметами доживавшей свой век столицы византийцев. Однако город все больше и больше приходил в упадок. Многие дворцы и храмы продолжали лежать в развалинах. Даже в центре столицы можно было встретить пустыри и засеянные участки там, где некогда стояли дома. Некоторые кварталы вообще перестали существовать. В юго-восточной части Константинополя находились заброшенные постройки Большого дворца. Последний император латинян использовал свинцовые покрытия его зданий для оплаты своих долгов. На огромной территории дворцового комплекса в сравнительном порядке содержалось только несколько церквей. Прежний вид сохранил лишь храм св. Софии, да и то потому, что для него выделялись деньги по особой статье бюджета. Зато огромный собор св. Апостолов был в жалком состоянии.

В городе постоянно не хватало продовольствия. Голод и эпидемии ежегодно уносили тысячи жизней. Особенно сильно уменьшилось население Константинополя вследствие многократных эпидемий чумы во второй половине XIV — начале XV в. Число жителей византийской столицы в XV в., как правило, не превышало 50 тыс.

Многочисленные торговые заведения и ремесленные мастерские, как и раньше, занимали многие улицы. Привычную картину повседневной жизни Константинополя дополняли рынки, верфи, гостиницы, больницы. Центром культурной жизни по-прежнему были универ-

ситет и Патриаршая академия, расположенные в квартале Студион неподалеку от церкви св. Иоанна.

И по-прежнему трудились здесь талантливые ученые и писатели, хотя в ту пору слава Константинополя как центра науки и культуры уже была не столь громкой. Во всяком случае, имена астронома и философа, крупного государственного деятеля Федора Метохита, философов Иосифа Врениния и Георгия Плифона, писателя Димитрия Кидониса вошли в историю византийской культуры.

Почти все в городе так или иначе говорило об упадке былого величия, свидетельствовало о том, что пора его процветания миновала. Путешественников, посещавших Константинополь в первой половине XV в., поражало обилие развалин и общее запустение города. Один из них в 1437 г. характеризовал население византийской столицы как крайне малочисленное и удивительно бедное. Некоторые части города напомнили ему деревенские пейзажи. Упадок столицы вполне соответствовал общему положению империи.

Между тем с востока надвигался безжалостный враг, которому было суждено положить конец византийской цивилизации.

Глава VI

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ГИБЕЛЬ ВИЗАНТИИ

Рождение государства, столицей которого суждено было стать дряхлевшему престольному городу Византии, относится к концу XIII — началу XIV в. После распада султаната турок-сельджуков, который в течение двух столетий был восточным соседом Византийской империи, образовалось несколько самостоятельных княжеств — бейликов. Находившийся в северо-западной части Малой Азии бейлик османское предание связывает с именем легендарного вождя одной из групп туркменского (огузского) племени кайы Эртогрула. Как первый правитель бейлика, ставшего ядром нового турецкого государства, Эртогрул считается основателем этого государства. Его стали называть Османским по имени сына Эртогрула, Османа, в годы правления которого бейлик добился независимости от последнего сельджукского султана.

В 1301 г. Осман одержал победу над византийским войском в сражении при Вифее (между Никомедией и Никеей). В течение нескольких последующих лет он расширил свои земли до берегов Мраморного моря, а также захватил ряд византийских владений на черноморском побережье. В 1326 г. туркам-османам сдался один из крупнейших городов на северо-западе Малой Азии — Бруса (по-турецки — Бурса). Сын Османа, Орхан, сделал его своей новой столицей. Вскоре турки завоевали еще два значительных византийских города — Никею и Никомедию.

При Орхане земли, захваченные у византийцев, стали превращаться в тимары — условные земельные владения, выдававшиеся военачальникам и даже отдельным отличившимся в походах воинам за военную служ-

бу. Так возникла османская тимарная система, которая на протяжении веков составляла основу социально-экономической и военно-административной организации турецкого государства.

Военные успехи османских султанов привели к росту политического и военного значения создававшейся ими державы. Это проявилось, в частности, в том, что она стала участником борьбы Византии с Венецией, Генуей и балканскими странами. Все эти государства стремились получить военную помощь османов, которые к концу XIV в. имели хорошо организованное и сильное войско.

К концу XIV в. турецкие султаны из династии Османа полностью подчинили себе Малую Азию. Во второй половине XIV — первой половине XV в. турки захватили почти все владения Византийской империи на Балканском полуострове. Под их властью оказались Болгария, Сербия и Босния. В 1366 г. турецкие султаны перенесли свою столицу на Балканы — в Адрианополь (Эдирне). Угроза турецкого нашествия нависла над странами Центральной Европы, что побудило их организовать в 1396 г. крестовый поход против турок под предводительством короля Венгрии Сигизмунда. Турецкая армия под командованием султана Баязида I одержала победу над крестоносцами. Сигизмунд укрылся за стенами Константинополя.

Город продолжал именоваться столицей империи, которой практически уже не существовало. Власть византийских императоров к тому времени распространялась только на Константинополь и незначительные территории вокруг него. Императоры вынуждены были признать себя вассалами турецких султанов.

Баязид I попытался взять византийскую столицу измором. В течение семи лет, начиная с 1394 г., турки блокировали Константинополь с суши, не допуская подвоза продовольствия. В городе начался голод. Жители разбирали брошенные дома, чтобы отапливать жилье. То и дело возникали народные волнения, междоусобицы, связанные с борьбой за престол. Соперничавшие партии не раз обращались к помощи турецкого султана. Византийский ученый XIV в. Димитрий Кидонис писал: «Продолжает свирепствовать старое зло, которое причинило общее разорение. Я имею в виду раздоры между императорами из-за призрака власти. Ради этого они вынуждены служить варвару (турецкому сул-

тану.— Ю. П.)... Всякий понимает: кому из двоих варвар окажет поддержку, тот и возобладает».

Тем временем турецкие войска опустошали окрестности Константинополя. Положение византийской столицы становилось катастрофическим. Тогда император Мануил II сделал попытку заручиться помощью Европы. В конце 1399 г. он отплыл из Константинополя в сопровождении своей свиты. В Италии, Франции и Англии он был встречен с почетом, но идея организации нового крестового похода против турок поддержки не получила. Придворный юрист английского короля Генриха IV, бывший свидетелем пышного приема, оказанного Мануилу II в королевской резиденции в Элтхеме, писал: «Я подумал, как прискорбно, что этому великому христианскому государю приходится из-за сарацин ехать с далекого Востока на самые крайние на Западе острова в поисках поддержки против них... О боже, что случилось с тобой, древняя слава Рима?» Когда Мануил II возвращался в 1402 г. из Европы, он очень спешил к своей столице, так как получил известие, что войска османского султана движутся на Константинополь.

Между тем не с Запада, а с Востока пришло неожиданное избавление. В 1402 г. в Малую Азию вторглись полчища Тимура. «Железный хромец», сеявший всюду смерть и опустошение, 28 июля 1402 г. разгромил войско султана Баязида в битве при Анкаре. Баязид оказался в плену и скончался в неволе. Эти события на полвека отсрочили гибель Византийской империи.

Нашествие Тимура, последовавшие за ним борьба за власть между сыновьями Баязида, феодальные междоусобицы и крестьянское восстание в Малой Азии (1416 г.) почти на два десятилетия приостановили турецкие завоевания. Однако, как только султан Мурад II, вступивший на престол в 1421 г., вновь укрепил власть турок в Малой Азии и на Балканах, он решил овладеть византийской столицей, несмотря на отсутствие флота, без которого была невозможна ни переброска войск, снаряжения и осадной техники из Малой Азии к Константинополю, ни морская блокада города. Летом 1422 г. Мурад II направился со своим войском к Константинополю.

24 августа турки начали штурм. Горожане дрались отчаянно, в обороне участвовали даже женщины. Бой кипел весь день, но туркам так и не удалось сломить

сопротивление византийцев. Ночью султан приказал сжечь осадные башни и отойти от стен оказавшегося неприступным города. Существует, правда, версия, что султан снял осаду, встревоженный известиями о неспокойном положении в своем государстве. Но главной причиной неудачи была, конечно, недостаточная подготовка турок к осаде.

Отступление турецкой армии не принесло большого облегчения византийцам. Крупные военные успехи турок в Мореи и Македонии вынудили византийского императора в 1424 г. вновь признать себя данником султана.

Дальнейшие завоевательные походы турецких султанов на Балканах усилили опасность вторжения турок в Центральную Европу. В 1443 г. был организован новый крестовый поход. На этот раз во главе крестоносного войска, в которое входили венгры, поляки, сербы, валахи, чехи, встал король Польши и Венгрии Владислав III Ягеллон. Вначале ему удалось нанести туркам ряд поражений, но в решающем сражении при Варне, состоявшемся 10 ноября 1444 г., крестоносцы были разгромлены. Варненская катастрофа не только на многие века поставила под власть турок балканские народы, но и окончательно решила судьбу Византии и ее столицы.

В момент, когда решающая схватка между византийцами и турками за обладание Константинополем стала неотвратимой, трон османского государства занял султан Мехмед II (1444—1446, 1451—1481), прозванный за свои многочисленные успешные военные походы Завоевателем. Это был умный, скрытный, жестокий и властолюбивый человек, в характере которого сочетались железная воля и коварство. Опасаясь за свою власть, ибо он был сыном одной из султанских наложниц, султан уничтожил всех возможных претендентов на престол, не пожалев даже девятимесячного брата. Жестокость Мехмеда II была столь велика, что имя его вызывало трепет у подданных. Когда итальянский художник Беллини писал его портрет, султан повелел отрубить одному из рабов голову только для того, чтобы продемонстрировать художнику сокращения шейных мышц. Вместе с тем этот необузданный деспот владел несколькими языками, увлекался астрономией, математикой и философией.

Мехмед II поставил перед собой цель захватить Кон-

стантинополь и уничтожить Византию. Султан отлично сознавал все выгоды местоположения города и ту политическую и экономическую роль, которую он мог сыграть для крепнущей империи османов. К середине XV в. это государство уже располагало таким военным и экономическим потенциалом, что штурм неприступной твердыни представлялся Мехмеду II делом вполне реальным.

Подготовку к захвату Константинополя султан начал с заключения договоров с венецианцами и венграми. Побывавшие при дворе Мехмеда II в 1451 г. посольства Родоса и Дубровника, Лесбоса и Хиоса, Сербии и Валахии были обласканы султаном. Затем он принял меры для укрепления своей власти в Малой Азии. В частности, он силой привел к покорности правителя бейлика Караман. Когда молодой султан был занят усмирением этого бейлика, византийский император Константин XI Палеолог, человек незаурядной храбрости и энергии, сделал попытку оказать давление на Мехмеда и несколько уменьшить зависимость византийцев от турок. Для этого он использовал пребывание в Константинополе принца османской династии Орхана, внука султана Сулеймана, правившего несколько лет после гибели Баязида II. Орхан, прибывший в византийскую столицу еще при Мураде II, был потенциальным претендентом на османский престол. Император решил намекнуть на это обстоятельство косвенным образом, направив к султану послов с напоминанием о высылке обещанных на содержание Орхана в Константинополе денег. Послам было поручено дать понять Мехмеду, что при дворе византийских императоров обитает его возможный соперник. Однако шантаж не помог: Мехмед отреагировал совсем не так, как рассчитывал император. Узнав о претензиях византийцев, он поспешил подписать мирный договор с караманским беєм и начал приготовления к осаде Константинополя.

Вскоре в Константинополе поняли, что час решительного сражения близится. Еще в 1396 г. на азиатском берегу Босфора султан Баязид I воздвиг крепость Анадолухисар. По приказу Мехмеда II в конце марта 1452 г. на противоположном берегу Босфора, в самом узком месте пролива, было начато сооружение крепости Румелихисар. Практически это свидетельствовало о начале блокады Константинополя, ибо с завершением строительства крепости город в любой момент мог быть

отрезан от Черного моря, что означало прекращение подвоза жизненно важного для византийской столицы хлеба из областей Причерноморья.

На строительстве Румелихисар четыре месяца трудились 6 тыс. человек, в том числе тысяча опытных каменщиков, собранных по приказу султана во всех его владениях. Мехмед II лично наблюдал за ходом работ. В плане крепость представляла собой неправильный пятиугольник, ее высокие стены были сложены из крепчайшего камня и увенчаны пятью огромными башнями. В ней были установлены пушки большого калибра. Как только строительство было закончено, Мехмед отдал приказ подвергать таможенному досмотру все проходящие через Босфор суда; корабли, уклоняющиеся от досмотра, он велел безжалостно уничтожить артиллерийским огнем. Вскоре за неподчинение приказу о досмотре был потоплен большой венецианский корабль, а его экипаж — казнен. После этого турки стали называть новую крепость «Богаз-кесен», что значит одновременно и «перерезающая пролив», и «рассекающая горло».

Когда в Константинополе узнали о сооружении крепости Румелихисар и оценили возможные последствия, император срочно направил к султану послов, поручив им заявить протест против строительства крепости на землях, формально принадлежавших Византии. Однако Мехмед даже не принял послов Константина. Когда работы уже завершались, император вновь направил к Мехмеду послов, дав им наказ получить заверение, что строительство Румелихисар не угрожает византийской столице. Султан приказал бросить послов в темницу, а затем повелел их казнить. Готовность османов воевать стала совершенно очевидной. Тогда Константин сделал последнюю попытку достичь мира с султаном. Византийцы были готовы на любые уступки, но Мехмед потребовал сдать ему столицу. Взамен он предложил Константину во владение Морею. Император отверг любой вариант мирного соглашения, обусловленный отказом от древней византийской столицы, и заявил, что предпочитает смерть на поле битвы подобному позору.

После завершения строительства новой крепости авангард армии Мехмеда подошел к Константинополю; султан в течение трех дней изучал укрепления города.

Между тем в Константинополе царил раскол, охвативший как правящие круги, так и горожан. Еще в 1439 г. император Иоанн VIII добился согласия греческо-

го духовенства на заключение новой унии между католической и православной церквами. Договор между императором и папой поставил, по сути дела, православную церковь в зависимость от Рима. На Флорентийском соборе латинянам удалось навязать основные положения католического вероучения греческим церковным иерархам. Идя на такую уступку католическому Западу, правители Византии рассчитывали на его поддержку в борьбе против турок. Однако помощи Византия не получила, а флорентийская уния была с негодованием отвергнута как подавляющим большинством греческого духовенства, так и народными массами. В результате в столице почти все время шла острая борьба между латинофильской частью знати и партией противников унии из самых различных слоев общества. Императору с трудом удавалось подбирать таких кандидатов на патриарший престол, которые не отвергали бы унию. Впрочем, положение патриархов, которых бойкотировал едва ли не весь клир, было незавидным. Зато необычайно популярен стал митрополит Марк Эфесский, категорически отказавшийся подписать во Флоренции акт об унии, которую прочие члены византийской делегации так или иначе приняли. Он был лишен сана, но до конца своих дней оставался признанным главой противников унии.

В ноябре 1452 г. в Константинополь прибыл папский легат кардинал Исидор. В храме св. Софии были провозглашены положения флорентийской унии, столь ненавистной большинству горожан. Когда Исидор отслужил в священных для православных греков стенах св. Софии в присутствии императора и его двора литургию по католическому обряду, в городе начались волнения. Лозунгом возбужденной толпы были слова: «Не нужно нам ни помощи латинян, ни единения с ними!» Активизировались и туркофилы. Именно в этот момент командующий флотом византийцев Лука Нотарас бросил ставшую легендарной фразу: «Лучше увидеть в городе царствующей турецкую чалму, чем латинскую тиару». И хотя волнения постепенно улеглись, большинство горожан посещали лишь те церкви, священники которых унию открыто так и не признали.

К религиозно-политическим распрям, которые не прекращались в Константинополе все то время, пока Мехмед планомерно готовился к осаде, прибавлялась военная слабость византийской столицы. Помощи извне получить не удалось. Папа Николай V ограничился от-

правкой в марте 1453 г. продовольствия и оружия, которое доставили три генуэзских корабля. Правительство Генуи никак не решалось оказать помощь Константинополю, но в январе в византийскую столицу прибыли отряды генуэзских добровольцев. Самый крупный отряд из 700 отлично вооруженных воинов возглавлял кондотьер Джованни Джустиниани, имевший большой опыт обороны крепостей. Император поручил ему защиту сухопутных стен города. Что касается венецианцев, то они так долго обсуждали вопрос о военной помощи императору, что два их военных корабля — помощь явно символическая — двинулись к Константинополю лишь через две недели после начала осады. Таким образом, византийской столице надо было рассчитывать на собственные силы. А они были ничтожны. Когда была проведена перепись жителей, способных с оружием в руках защищать город, выяснилось, что их число не превышает 5 тыс. Вместе с отрядами иностранных наемников, преимущественно генуэзцев и венецианцев, и добровольцами защитники Константинополя составляли немногим более 7 тыс. воинов. Блокированный в Золотом Роге византийский флот едва насчитывал 30 кораблей.

Осенью 1452 г. турки заняли последние византийские города — Месимврию, Анихал, Визу, Силиврию. Зимой 1452/53 г. три турецких конных полка стояли лагерем у ворот Константинополя в районе Перы. Хозяева, жившие в Галате генуэзцы поспешили с изъявлением дружеских чувств к туркам.

Всю зиму в Эдирне шли последние приготовления к решающему наступлению на Константинополь. Мехмед изучал план города, схему его укреплений. Весьма образно охарактеризовал состояние султана в те дни византийский историк, современник событий, Дука. Он писал, что Мехмед «ночью и днем, ложась в постель и вставая, внутри своего дворца и вне его имел одну думу и заботу: какой бы военной хитростью и с помощью каких машин овладеть Константинополем». Султан старательно скрывал свои планы относительно византийской столицы. Сроки начала осады и способы взятия города он долгое время не объявлял никому. Все внимание Мехмеда было сосредоточено на укреплении боеспособности турецкого войска, в первую очередь на оснащении его осадной техникой. В окрестностях Эдирне была создана мастерская, где под наблюдением знаменитого венгерского мастера Урбана отливались мощные

пушки. Были изготовлены десятки бронзовых пушек, одна из которых имела поистине гигантские размеры. Диаметр ее ствольного канала был равен 12 ладоням, а стреляла она каменными ядрами весом 30 пудов. Историки рассказывают, что эту пушку везли к стенам Константинополя из Эдирне 60 волов в течение двух месяцев.

В конце января 1453 г. султан собрал своих сановников и заявил, что безопасность его империи будет обеспечена только тогда, когда византийская столица окажется в руках турок. Мехмед подчеркнул, что, если это не произойдет, он предпочтет отказаться от трона. Свою решимость султан подкрепил доводами в пользу реальности плана захвата Константинополя, который султан не считал неприступным ни с военной точки зрения, ни в смысле его готовности к обороне, поскольку горожане были расколоты религиозным конфликтом.

В марте 1453 г. к Константинополю двинулась огромная армия. 5 апреля к стенам города с последними подразделениями прибыл сам султан. Он возглавил турецкое войско. Турки обложили Константинополь по всей линии его сухопутных оборонительных рубежей — от Золотых ворот до Перы. Свою ставку Мехмед устроил за холмом напротив Адрианопольских ворот, находившихся в северо-западной части города, недалеко от Влахернского дворца.

Армия султана была очень велика. Сведения о ее численности весьма противоречивы. Упомянувшийся нами Дука пишет о 400 тыс., другой византийский историк, очевидец осады, Франдзи, говорит о 250 тыс. человек. Эти сведения явно преувеличены. Современные турецкие историки полагают, что армия Мехмеда состояла из 150 тыс. воинов. Удалось Мехмеду собрать и большой флот, насчитывавший около 80 военных кораблей и более 300 грузовых судов, необходимых для переброски войск и снаряжения.

В середине Феодосиевых стен находились ворота св. Романа. В этом месте султан расположил основные силы артиллерии, в том числе гигантскую пушку Урбана, и наиболее боеспособные части, над которыми сам принял командование. Кроме того, турецкие батареи были расставлены по всей линии осады. Правое крыло осаждающих, тянувшееся до Золотых ворот, составляли войска, собранные в Малой Азии. Этими силами, насчитывавшими около 100 тыс. воинов, командовал испытан-

ный полководец Исхак-паша. Полки, собранные в европейских владениях султана (примерно 50 тыс. воинов, преимущественно отряды вассалов Мехмеда из Болгарии, Сербии и Греции), образовали левое крыло осаждающих, тянувшееся до берега Золотого Рога. Их возглавлял известный военачальник Караджа-бей. В тылу своих войск султан поместил копицу. На холмах Перы расположились отряды под командованием Саган-пашы. Их задачей был контроль над входом в Золотой Рог. С этой же целью часть турецкой эскадры стала на якоря в Босфоре в месте его слияния с Золотым Рогом. Вход в залив турецким кораблям преграждали тяжелые железные цепи, за линией которых выстроились в боевой ряд корабли осажденных. И хотя среди них были довольно мощные суда, флот византийцев, насчитывавший не более 30 судов, немного значил в сравнении с противостоявшей ему армадой Мехмеда.

Силы противников были поразительно неравными: на одного защитника города приходилось более 20 турок. Греческие военачальники ломали голову над решением очень трудной задачи — как растянуть имевшиеся в их распоряжении войска по всей линии укреплений. Надеясь, что турки не будут штурмовать город со стороны Мраморного моря, византийцы наименьшее число воинов выделили для защиты морских стен. Оборона побережья Золотого Рога была поручена венецианским и генуэзским морякам. Ворота св. Романа защищали в основном генуэзцы. Остальные участки обороняли смешанные отряды византийцев и наемников-латинян. У защитников города практически не было артиллерии, ибо те несколько пушек, которыми они располагали, оказались непригодны: при стрельбе со стен и башен у них происходила такая отдача, что наносились серьезные повреждения оборонительным сооружениям.

Утром 6 апреля все было готово к атаке. Мехмед направил в осажденный город парламентаров с белым флагом. Они передали защитникам Константинополя послание султана, в котором он предлагал византийцам сдаться, гарантируя им сохранение жизни и имущества; в противном случае султан никому не обещал пощады. Предложение было отклонено, и тогда загремели пушки, которые в ту пору не имели себе равных в Европе. Фраза описывавшего эти события византийского историка Критовула — «пушки решили все» — не кажется преувеличением.

Вначале успех не сопутствовал осаждающим. Хотя артиллерия непрерывно вела обстрел города, причиненные ею повреждения были невелики. Сказалась не только прочность стен Константинополя, но и неопытность артиллеристов Мехмеда. Приводившая защитников в ужас огромная пушка Урбана разорвалась, сам ее создатель был ранен при взрыве. Но ядра других мощных орудий продолжали сокрушать стены и башни.

18 апреля Мехмед приказал начать штурм. На рассвете войны бросились к пробитым ядрами брешам в стенах. Заваливая рвы хворостом, мешками с песком и телами убитых, турки рвались вперед. Византийцы забрасывали их камнями, обливали кипящей смолой, поражали стрелами и копьями. Турки попытались сделать подкоп под стену, но защитники разгадали этот замысел. Устроив встречный подкоп, византийцы взорвали мину, уничтожив немало турецких воинов.

Бой был жестоким. Очевидец осады Константинополя, Нестор Искандер, автор «Повести о Царьграде, его основании и взятии турками», так описывал его: «От шума стрелявших пушек и пищалей, от колокольного звона и крика дравшихся людей, от... молний, вспыхивающих от оружия, от плача и рыдания городских жителей, жен и детей казалось, что небо и земля соединились и поколебались. Нельзя было слышать друг друга: вопли, плач и рыдание людей соединились с шумом битвы и колокольным звоном в единый звук, похожий на сильный гром. От множества огней и стрельбы из пушек и пищалей сгустившийся дым покрыл город и войска; люди не могли видеть друг друга; многие задохлись от порохового дыма».

Уже первый штурм показал, что город не собирается стать легкой добычей врага. Турки поняли, что, хотя число защитников Константинополя невелико, каждый из них намерен сражаться, не щадя жизни. Штурмовым отрядам пришлось отступить.

Мехмед был крайне раздражен неудачей. Однако его ожидало еще одно разочарование. Через два дня, 20 апреля, турки неожиданно для султана проиграли и морское сражение. Три геновские галеры — те самые, которые были направлены в Константинополь с оружием и продовольствием папой римским, а также большое византийское судно, плывшее с грузом зерна и имевшее на борту «греческий огонь», вступили в бой с турецкой эскадрой. В неравном бою им удалось

одержать победу. Турки потеряли много своих судов, сожженных «греческим огнем». Корабли генуэзцев и византийцев сумели прорваться сквозь турецкий кордон, войти в Золотой Рог и соединиться со стоявшей там эскадрой императора. Попытки турок войти в залив оказались безуспешными. Султан, наблюдавший за этим сражением с босфорского берега в районе Перы, был в ярости: горстка судов вышла победителем в сражении с его огромным флотом, да еще доставила в город оружие и продовольствие. Командующий турецким флотом Балтаоглу был лишен всех постов, чинов и имущества и подвергнут наказанию палочными ударами.

Вскоре Мехмед нашел довольно остроумный способ восстановить свой военный престиж, прибегнув к маневру, который оказал большое влияние на дальнейший ход осады. Он приказал доставить по суше часть своих кораблей в Золотой Рог. Для этого у самых стен Галаты был сооружен громадный деревянный настил. В течение одной ночи по настилу, густо смазанному жиром, турки перетаскивали на канатах 70 тяжелых кораблей к северному берегу Золотого Рога и спустили их в воды залива. Можно себе представить ужас, охвативший защитников Константинополя, когда утром 22 апреля их взорам предстала турецкая эскадра в водах Золотого Рога. Никто не ожидал нападения с этой стороны, морские стены были слабейшим участком обороны. Вдобавок под угрозой оказался флот византийцев, стоявший на страже у входа в залив. Отныне эскадре императора приходилось иметь дело с численно превосходившими ее вражескими силами, которым более не препятствовали заградительные цепи.

Греческие и латинские флотоводцы решили сжечь турецкий флот. Византийский корабль под командованием венецианца Кокко попытался незаметно приблизиться к месту стоянки эскадры султана. Но Мехмед был предупрежден о замысле противника (ему донесли о нем генуэзцы Галаты). Корабль Кокко был обстрелян и потоплен. Часть спасавшихся вплавь смельчаков из его экипажа была схвачена турками и казнена на виду у защитников города. В ответ император велел обезглавить 260 пленных турецких воинов и выставить их головы на городских стенах.

Между тем положение в стане защитников стано-

вилось все более бедственным. И дело было не только в недостатке воинов и продовольствия. Император окружил себя итальянскими военачальниками, все надежды возложив на наемников. Греки были раздражены тем, что в столице фактически хозяйничали иноземцы. Масло в огонь страстей подливало предательское поведение константинопольских генуэзцев, которые не раз оказывали поддержку султану, доставляя его войскам припасы, в частности масло для пушек. Некоторые генуэзские купцы помогали, правда, и защитникам Константинополя на тот случай, если тем все же удастся отстоять город. Кровопролитные стычки происходили в византийской столице между традиционными соперниками — венецианцами и генуэзцами. Ко всему этому прибавилось раздражение византийского духовенства императором, посягнувшим на церковное имущество в поисках необходимых для обороны средств. Часть византийской знати встала на путь измены и начала искать милостей султана. Среди придворных росли пораженческие настроения. Некоторые из приближенных Константина стали советовать ему капитулировать. Однако император категорически отказался последовать этому совету. Константин объезжал укрепления, проверял боеспособность войск, всячески старался личным примером поднять боевой дух осажденных. Все это не могло спасти обреченный на гибель город, но мужество горстки его защитников сохранило их честь и достоинство.

Нельзя сказать, что все спокойно было в те дни в лагере турок. В ставке султана чувствовалось раздражение затянувшейся осадой. В какой-то момент распространился слух, что на помощь осажденному городу спешит армия венгров, угрожая туркам с тыла. Поговаривали и о приближении венецианского флота. Великий везир Халиль-паша, которому историки приписывают отнюдь не бескорыстную благожелательность к грекам, пытался уговорить Мехмеда снять осаду, мотивируя это опасностью столкновения с европейскими государствами. Однако большинство сановников поддержали решимость султана любой ценой овладеть столицей Византии.

Шел к концу второй месяц осады. В начале мая орудийный обстрел города усилился. Была восстановлена и гигантская пушка Урбана. 7 мая войска Мехмеда несколько часов штурмовали стены на одном из

участков обороны. Атака была отбита. В середине мая турки начали вести подкопы под стены города. Султан продолжал искать все новые технические средства для осады. Одно из них появилось у стен города 18 мая.

События этого дня ярко описал их очевидец Георгий Франдзи: «Эмир же (султан Мехмед II.— Ю. П.), пораженный и обманувшийся в своих надеждах, стал употреблять для осады другие, новые выдумки и машины. Из толстых бревен соорудил он громаднейшую осадную машину, имеющую многочисленные колеса, весьма широкую и высокую. Изнутри и снаружи покрыл он тройными воловьими и коровьими шкурами. Сверху она имела башню и прикрытия, а также поднимаемые вверх и опускаемые вниз сходни... Придвинуты были к стенам и всякие другие машины, о которых не мог помыслить и ум человеческий и которых никогда не строили для взятия крепости... И в других местах построили турки платформы с великим множеством колес, а поверх этих платформ — подобие башен... И они имели весьма много пушек; их зарядили, чтобы они все одновременно сделали выстрел по стенам. Сначала, впрочем, турки выстрелили из того странного осадного орудия и снесли до основания башню, что близ ворот св. Романа, и тотчас же подтащили эту осадную машину и поставили ее поверх рва. И был бой губительный и ужасный; начался он прежде, чем взошло солнце, и продолжался весь день. И одна часть турок яростно сражалась в этой схватке и свалке, а другая бросала в ров бревна, разные материалы и землю... навалив все это, турки проложили себе широкую дорогу через ров к стене. Однако наши мужественно преграждали им путь, часто сбрасывали турок с лестниц, а некоторые деревянные лестницы изрубили; благодаря своему мужеству мы неоднократно отгоняли неприятелей в тот день, до первого часа ночи».

В конце концов яростные атаки турок захлебнулись. Новые части, которые бросал в бой султан, не смогли сломить упорства защитников города. Штурм прекратился, осажденные получили желанную передышку. Удача укрепила их силы, и они энергично начали восстанавливать разрушенные части стен и башен. Между тем близился час последней битвы.

Последние дни перед штурмом, которому предстоя-

ло решить судьбу города, были полны драматизма в обоих лагерях. Войска страшно устали, да и само ощущение, что огромная армия никак не может справиться с горсткой защитников византийской столицы, не могло не деморализовать осаждающих. Осада длилась уже около двух месяцев. Может быть, это была одна из причин, побудивших султана дня за три-четыре до штурма вступить в переговоры с императором. Мехмед предложил ему согласиться на уплату ежегодной дани в размере 100 тыс. золотых монет либо покинуть город со всеми жителями; в этом случае им обещали не причинять вреда. На совете у императора оба предложения были отвергнуты. Ведь было очевидно, что такую невероятно большую дань византийцам не собрать никогда, а уступить свой город врагу без боя тоже никто не намеревался.

Вскоре и султан собрал совет в своей ставке. Великий везир Халиль-паша предложил заняться поисками условий для заключения мира и снять осаду. Но большинство военачальников настаивали на штурме. Мехмед объявил о своем решении произвести решительный штурм. Защитники Константинополя тут же узнали об этом. Христиане, находившиеся в турецком лагере, пустили в город стрелы с записками, в которых сообщалось о совете в ставке султана. Впрочем, скоро появились и признаки предстоящей атаки — резко усилился пушечный огонь.

По-разному прошли день и ночь перед штурмом в обоих лагерях. 28 мая султан объезжал войска, делал смотр последним приготовлениям к штурму. Турецкие воины, непрестанно перед этим готовившие осадную технику, материалы для засыпки рвов и приводившие в порядок вооружение, в тот день отдыхали. Непривычная тишина воцарилась и за стенами Константинополя. Все понимали, что близится час испытаний. Днем по городу прошла с иконами и хоругвями большая процессия, в которой участвовал император. В ее рядах были и православные, и католики. Звонили тревожно колокола константинопольских церквей. Под их звон святились укрепления города, собиравшего последние силы для отпора врагу. Горожане как бы забыли все споры и распри. На закате толпы людей направлялись к храму св. Софии, порог которого православные греки не переступали уже пять месяцев, не считая возможным присутствовать на литургии, ос-

кверняемой латинянами. Но в эти часы в соборе рядом истово молились сторонники и противники унии из разных слоев населения. Сюда прибыли после совета у императора и все военачальники и вельможи. Люди обнимались, укрепляя свой дух перед сражением.

Вечером 28 мая султан объявил, что утром следующего дня начнется решающий штурм. Костры, зажженные в лагере турок в ночь перед сражением, опоясали город. Огни горели и на турецких судах, которые занимали всю ширину пролива. В лагере осаждающих гремела музыка, грохотали барабаны. Муллы и дервиши возбуждали фанатизм воинов, у костров толпы внимали чтению Корана. Воины пели и молились, готовясь к предстоящей битве. Военачальники руководили концентрацией войск и техники на главных участках предстоящего штурма. К стенам, защищавшим Константинополь со стороны суши, подвезли осадные машины, а стоявшая в Золотом Роге эскадра приблизилась к морским стенам.

Главный удар султан решил нанести на участке между воротами св. Романа и Харисийскими, где стены более всего пострадали во время бомбардировки. Этот участок все время осады был местом самых ожесточенных схваток. Здесь пушки турок были расположены на высоких холмах, так что стены и башни оказались ниже позиций турецких батарей и обстреливать город было значительно удобнее. Кроме того, и ров у этого отрезка стен был не очень глубоким. Султан решил сам руководить здесь сражением. Войска, находившиеся слева и справа от ударной группы, имели задачу отвлечь внимание обороняющихся от ворот св. Романа. Части под командованием Саган-паши должны были атаковать район Влахернского дворца, для чего они подтянулись к северной части Феодосиевых стен, покинув свои позиции у стен Галаты. Они были переброшены через Золотой Рог по сооруженному из барж и деревянных бочек плавучему мосту. Капитаны турецких кораблей получили приказ начать обстрел укреплений побережья Золотого Рога, а затем бросить экипажи на штурм морских стен.

На рассвете 29 мая 1453 г. оглушительные звуки турецких рожков, литавр и барабанов возвестили о начале штурма. Завязался рукопашный бой, в котором защитники города сражались с отчаянием обреченных. Первые атаки турок со стороны суши были отбиты.

На одном из участков обороны против войск султана бок о бок с византийскими монахами дрался и упоминавшийся выше турецкий принц Орхан с группой приближенных. Они отбивали атаки кораблей турок со стороны Мраморного моря. Попытка прорвать здесь линию морских стен также оказалась для турок неудачной. Был момент, когда казалось, что совершится чудо и защитникам города удастся выстоять перед яростным натиском превосходящих сил врага. Тогда Мехмед бросил в бой самые отборные части и приказал усилить огонь артиллерии. Наконец, гигантская пушка Урбана разрушила стену в районе ворот св. Романа. Ряды генуэзцев, защищавших этот участок, дрогнули. Их командир Джустипиани был ранен; покинув свой пост, он бежал на корабле в Галату. Его дезертирство вызвало замешательство среди защитников как раз в ту минуту, когда Мехмед ввел в бой своих лучших солдат. Один из них, человек огромного роста, по имени Хасан, обладавший необычайной силой, первым сумел подняться на стену и вместе с тремя десятками воинов захватить одну из башен у ворот св. Романа. Византийцы яростно контратаковали. Ударом огромного камня Хасан и половина воинов его группы были убиты. Но все же туркам удалось удержать занятую позицию и дать возможность подняться на стены другим отрядам атакующих. Вскоре ворота св. Романа были открыты и над стенами Константинополя взвилось первое турецкое знамя. Император Константин находился на этом участке обороны, пытаясь собрать остатки защитников и преградить дорогу туркам. Это ему не удалось. Константин погиб, сражаясь с врагами.

Через ворота св. Романа турецкая армия хлынула в Константинополь, как бушующая река, все сметая на своем пути. Затем десанты с турецких кораблей, атаковавшие морские стены со стороны Золотого Рога, также прорвались в столицу. Турецкие войска проникли в город через несколько ворот и на других участках сражений. Через два часа после начала штурма турки рассеялись по улицам и площадям Константинополя, беспощадно уничтожая его защитников. Узнав о том, что турки ворвались в город, стоявшие у входа в Золотой Рог корабли итальянцев и византийцев начали сниматься с якорей, спеша найти спасение. Толпы горожан хлынули к гавани, лелея надежду попасть на борт отплывающих судов. Удалось это, однако, немно-

гим. Около 20 судов сумело пройти блокированный выход из залива, воспользовавшись тем, что моряки турецкой эскадры устремились в город, чтобы не опоздать к долгожданному грабежу.

Назначая день решающего штурма Константинополя, султан говорил, по словам Дуки, что он «не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен города». «Другое же всякое сокровище и пленные пусть будут вашей добычей»,— сказал Мехмед, обращаясь к своим войнам. Три дня и три ночи находился Константинополь во власти войска Мехмеда. Картина этих трагических дней предстает перед нами на страницах «Большой хроники» Георгия Франдзи. «И тех, кто умолял о пощаде,— писал Франдзи,— турки подвергали ограблению и брали в плен, а тех, кто сопротивлялся и противостоял им, убивали; в некоторых местах вследствие множества трупов вовсе не было видно земли. И можно было видеть необыкновенное зрелище: стенание, и плач, и обращение в рабство бесчисленных благородных и знатных женщин, девушек и посвященных богу монахинь, несмотря на их вопли влекомых турками из церквей за косы и кудри, крик и плач детей и ограбленные священные и святые храмы... В жилищах плач и сетования, на перекрестках вопли, в храмах слезы, везде стоны мужчин и стенания женщин: турки хватают, тащат в рабство, разлучают и насильничают... Ни одно место не осталось необысканным и неограбленным...» Вереницы пленников потянулись на невольничьи рынки в различные города османской державы.

Чудовищные сцены грабежа храма св. Софии, где укрылось множество жителей города, изображены в «Византийской истории» Дуки. «Турки,— писал историк,— разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли наконец к храму... и, увидев, что ворота закрыты, не мешкая разломали их топорами. Когда же они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника... Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов — кто расскажет?.. Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами... Насильничали грабители, эти мстители божии, и всех можно было видеть в один час связанными: мужчин — веревками, а женщин — их плат-

ками... В одну минуту разрубили святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы... Драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища, золотые и серебряные и из другого ценного вещества приготовленные, в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив».

Разграблению в эти страшные дни подверглись все константинопольские храмы и дворцы. Многие из них сильно пострадали от пожаров. Не меньший ущерб памятникам архитектуры и искусства причинило варварство захватчиков. В грязь и пламя летели бесценные рукописи, рушились мраморные стены и колонны, разбивалась великолепная мозаика.

Правда, в руки турок не попало и половины того, что получили латиняне в 1204 г. И все же победителям досталось огромное богатство: 60 тыс. человек было уведено в неволю, турецкие корабли были забиты драгоценным грузом. Но главной добычей, ценность которой была поистине безмерна, стал сам город.

Захват турками Константинополя знаменовал собой крушение Византийской империи.

Падение Константинополя имело важные исторические последствия: дальнейшее наступление турецких полчищ на Балканах, угрозу их вторжения в Центральную и Западную Европу, новые завоевания турок на Востоке, враждебную политику султанов по отношению к Руси, государи которой объявили себя прямыми наследниками Византии — рухнувшего оплота православия. Разгром Константинополя турками нанес неповторимый ущерб общеевропейской культуре.

Мехмед II Завоеватель вступил в Константинополь через три дня после его захвата. Приказав прекратить грабежи, султан двинулся к центру города. Султанский кортеж достиг храма св. Софии. Мехмед осмотрел собор и повелел в ознаменование победы мусульман над «неверными» превратить его в мечеть.

Завоеванный город Мехмед сделал столицей своей державы. На картах мира появилось новое наименование — Стамбул (по-турецки — Истанбул) *.

---

* Существует несколько версий, объясняющих происхождение этого слова. Скорее всего, как предполагает академик А. Н. Кононов, оно является результатом постепенной трансформации прежнего названия города — Константинополь — в рамках фонетических норм турецкого языка.

Глава VII

СТОЛИЦА ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ

Весна 1453 г. принесла древнему городу на берегах Босфора не просто нового властелина, не простую смену власти. Константинополь — многовековая цитадель христианства — уступил место Стамбулу — центру могущественного мусульманского государства. Совершенно иным стал не только внешний облик города, но сам дух его жизни. Завоевание турецким султаном византийской столицы имело и далеко идущие последствия международного характера. Резко возросло могущество агрессивного османского государства, его захватнические устремления усилились. Захват Константинополя увеличил военный и экономический потенциал империи турецких султанов. К. Маркс отмечал, что «султаны османов получили с той поры флот и употребляли своих греческих рабов для всех функций, требующих высокого технического и умственного образования» *.

Почти пять веков Стамбул был столицей Османской империи — огромного государства, сложившегося в XIV—XVI вв. Еще при жизни Мехмеда II были покорены Сербия, Босния и Морея, его вассалами стали господа Молдавии и Валахии. В период опустошительных походов султанских войск на Балканах завоеватели не раз наталкивались на ожесточенное сопротивление тамошних народов. Уже через три года после захвата Константинополя народное войско чехов, венгров и немцев под предводительством Яноша Хуньяди 27 июля 1456 г. разгромило войска султана и на несколько десятилетий остановило продвижение захватчиков к венгерским землям. На долгие годы растянулся процесс покорения турками албанских земель. Мужественный полководец Георгий Кастриоти четверть века успешно руко-

---

* Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VI. М., 1939, с. 207.

водил борьбой албанского народа против турецких захватчиков. Только в 1478—1479 гг. большая часть Албании оказалась под властью султана.

Турецкие завоевания не могли не привести к конфликту Османской империи с Венецией, который вылился в многолетнюю войну. Она кончилась поражением венецианцев и заключением в январе 1479 г. мирного договора. Сделав ряд территориальных уступок и согласившись на выплату дани, венецианские купцы не только сохранили льготы, дарованные Мехмедом II Венеции в 1451 г., но и увеличили их. Речь шла о таких важных вещах, как право беспошлинной торговли во владениях султана и неподсудность венецианских подданных турецким судебным властям. Так были заложены основы широко известных капитуляций — заключенных позднее неравноправных для Османской империи торговых договоров с европейскими державами.

Вторая половина XV в. отмечена в истории османского государства военными успехами в Малой Азии. Мехмед II завоевал небольшую, но важную в торговом отношении Трапезундскую империю. Захватив в 1461 г. ее столицу Трапезунд, султан приказал переселить жителей-греков в Стамбул. Более десяти лет султан воевал с караманским беєм и правителем государства Ак Кююллу Узун Хасаном. Одержав ряд побед, Мехмед II добился установления своей власти на всей территории Малой Азии. В 1475 г. был завоеван южный берег Крыма, а крымский хан признал себя данником султана. Это было ощутимым ударом для Генуи, потерявшей свою колонию Кафу, а также ряд других торговых опорных пунктов на южном берегу Крыма.

Мехмед II не скрывал своего стремления к дальнейшим завоеваниям в Европе. В его планы входили походы в Венгрию, Италию и Германию. В 1480 г. стотысячное войско султана на 300 кораблях направилось к г. Отранто в Южной Италии и захватило его после двухнедельной осады. Но эта военная экспедиция окончилась неудачей. Сам Мехмед умер в Италии, отравленный собственным врачом по приказанию своего сына — принца Баязида, мечтавшего о троне.

В годы правления Баязида II (1481—1512) под власть турок окончательно попала Герцеговина, а ряд европейских государств — Венгрия, Австрия, Польша — не раз отражали вооруженный натиск Османской империи. Но особенно значительно расширилась территория

турецкого государства в эпоху царствования двух самых знаменитых после Мехмеда II Завоевателя султанов — Селима I Грозного (1512—1520) и Сулеймана I Законодателя (1520—1566).

Селим I завоевал Сирию, Палестину и Египет, а также Хиджаз (Западная Аравия), где находятся Мекка и Медина — святыни мусульманского мира, и Алжир. При Сулеймане I в состав Османской империи вошли Венгрия, Ирак, Йемен и Аден. В результате победоносных войн с Ираном под властью турок оказались западные области Грузии и Армении. Когда же турецкие войска овладели Триполи и Тунисом, султаны стали властелинами всей Северной Африки.

Так в течение двух веков образовалась гигантская империя, расположенная в Европе, Азии и Африке. Вплоть до поражения турок под стенами Вены в 1683 г. угроза турецкого нашествия тревожила Западную Европу. Османская империя играла особую роль в международных отношениях, ибо союза с ней или ее нейтралитета постоянно добивались европейские державы.

Став столицей одного из самых могущественных государств эпохи средневековья, город на берегах Босфора вновь превратился в политический и экономический центр мирового значения. Восстановилась его роль в качестве важнейшего пункта транзитной торговли. И хотя Великие географические открытия XV—XVI вв. привели к перемещению важнейших торговых путей из Средиземного моря в Атлантику, черноморские проливы продолжали оставаться важной торговой артерией. Наконец, Стамбул приобрел значение религиозного и культурного центра мусульманского мира. После захвата Египта турецкие султаны присвоили себе титул и власть халифа — духовного главы мусульман. В результате бывшая столица восточного христианства более чем на четыре столетия стала бастионом ислама.

Султан Мехмед II перенес свою резиденцию из Эдирне в Стамбул только зимой 1457/58 г. Но еще до этого он приказал заселить опустевший город. Первыми жителями Стамбула стали турки из Аксарая и армяне из Бурсы, а также греки из Морен и с островов Эгейского моря. В Стамбуле появились кварталы, заселенные выходцами из городов Малой Азии и так и названные: Аксарай, Караман, Чаршамба. Поскольку Мехмед II стремился восстановить экономическое значение завоеванного города, он переселял в Стамбул не

только турок, но и представителей тех народов, которые традиционно занимались ремеслом и торговлей. В короткий срок в столице империи сложились значительные группы нетурецкого населения, преимущественно греческого и армянского. По приказу султана новым жителям отдавали дома, покинутые греками и латинянами, предоставляли всяческие льготы, чтобы стимулировать занятия ремеслом или торговлей.

В первые же десятилетия своей новой жизни древний город не раз страдал от эпидемий чумы. В 1466 г. в Стамбуле ежедневно погибало от этой страшной болезни по 600 жителей. Мертвецов не всегда успевали хоронить вовремя, ибо не хватало могильщиков. Султан Мехмед II, который в тот момент вернулся из очередного военного похода в Албанию, предпочел переждать страшную пору в македонских горах. Менее чем через десять лет эпидемия возобновилась. На этот раз султанский двор перебрался в палатки, раскинутые в горных районах. Чумные эпидемии бывали в Стамбуле и в последующие века. Десятки тысяч жизней унесла, в частности, эпидемия, свирепствовавшая несколько месяцев в 1625 г. Эпидемии, сопровождавшиеся голодом, несколько тормозили рост населения Стамбула, но в целом этот процесс в конце XV — начале XVI в. шел весьма интенсивно.

Число обитателей новой турецкой столицы увеличилось быстро. Уже к концу XV в. оно превысило 200 тыс. Чтобы оценить эту цифру, приведем два примера. В 1500 г. лишь шесть европейских городов имели население численностью более 100 тыс. человек — Париж, Венеция, Милан, Неаполь, Москва и Стамбул. В регионе Балкан Стамбул был самым большим городом. Так, если Эдирне и Салоники (Фессалоники) в конце XV — начале XVI в. насчитывали по 5 тыс. хозяйств, облагавшихся налогами, то в Стамбуле уже в 70-х годах XV в. было более 16 тыс. таких хозяйств. А в XVI в. население Стамбула росло еще быстрее. Селим I переселил в столицу много валахов. После завоевания Белграда в Стамбуле обосновалось немало ремесленников-сербов, а покорение Сирии и Египта привело к появлению в городе сирийских и египетских ремесленников. Дальнейшее увеличение численности населения Стамбула было предопределено его экономическим ростом, быстрым развитием ремесла и торговли, широким строительством, которое требовало множества рабочих рук и

привлекало в город мастеров самых различных профессий. К середине XVI в. в Стамбуле насчитывалось 400—500 тыс. жителей, к концу XVII в. — 700—800 тыс. Таким образом, в эпоху позднего средневековья Стамбул входил в число самых больших городов мира. Во всяком случае, в XVII в. Стамбул был крупнейшим городом Европы и Ближнего Востока. Плотность населения в его основных жилых кварталах была исключительно высокой.

Этнический состав жителей средневекового Стамбула был весьма разнообразен. Большую часть населения составляли мусульмане, преимущественно турки. Самой большой группой нетурецкого населения были греки — выходцы из Морей, с островов Эгейского моря и из Малой Азии. Уроженцев византийской столицы осталось очень мало, ибо почти всех их либо продали в рабство, либо по приказу Мехмеда II разослали по разным городам — в Эдирне, Гелиболу (Галлиполи), Бурсу. Зато множество греков было переселено в Стамбул из Измира (Смирны), Синопа, Самсуна и Трабзона (Трапезунда). Греческие кварталы возникали вокруг церквей и резиденции греческого патриарха. Поскольку греческих церквей сохранилось немало (в XVII в. около 30) и они были разбросаны по всему городу, кварталы с компактным греческим населением постепенно появлялись в разных районах Стамбула и в его пригородах. В 1601 г. резиденция греческого патриарха была перенесена в квартал Фанар. Этот квартал стал и местом жительства наиболее зажиточных слоев греческой общины. Греки играли важную роль в торговле, рыболовстве и мореходстве, занимали прочные позиции в ремесленном производстве. Большинство питейных заведений и таверн также принадлежало грекам.

Значительную часть города занимали кварталы армян и евреев, селившихся, как правило, вокруг церквей и синагог либо вблизи резиденций духовных глав своих общин — армянского патриарха и главного раввина.

Армяне составляли вторую по численности группу нетурецкого населения. Армянская община Стамбула начала складываться из уроженцев малоазиатских городов Сиваса, Кайсери, Аданы и Токата. Значительные массы армян перебрались в Стамбул в начале XVII в. из восточных районов Анатолии. После превращения Стамбула в перевалочный пункт товаров, шедших с Востока в Европу, армяне стали активно участвовать в

международной торговле в качестве посредников. Со временем они перешли к крупным финансовым операциям, заняв важное место в банковском деле. Весьма заметную роль играли армяне в ремесленном производстве Стамбула.

Третье место по численности занимали евреи. Исторические судьбы соединили в турецкой столице евреев из Византии, изгнанников из Испании и Португалии (сефарды), Германии и стран Центральной Европы (ашкенази) и, наконец, переселенцев из Италии. Вначале евреи занимали десяток кварталов у Золотого Рога, а затем стали селиться в других районах старого города. Появились еврейские кварталы и на северном берегу Золотого Рога. Евреи участвовали в посреднических операциях международной торговли, а также занимались банковским делом.

В Стамбуле было немало арабов, преимущественно выходцев из Египта и Сирии, а также албанцев, в большинстве своем мусульман. В турецкой столице, ставшей конгломератом рас и народностей, жили сербы и валахи, грузины и абхазцы, персы и цыгане. Здесь можно было встретить представителей практически всех народов Средиземноморья и Ближнего Востока. Еще более пестрой картину турецкой столицы делала Галата, где постепенно сложилась колония европейцев — итальянцев, французов, голландцев и англичан, занимавшихся торговлей, врачебной или аптекарской практикой. В Стамбуле их обычно называли «франками», объединяя под этим названием выходцев из разных стран Западной Европы — католиков.

В нашем распоряжении имеются данные о соотношении мусульманского и немусульманского населения Стамбула в 1478 и 1520—1530 гг. Оно было стабильно: 58% составляли мусульмане и 42% — немусульмане. Данные эти весьма любопытны, так как они свидетельствуют о том, что Стамбул отличался по составу населения от всех других городов Османской империи, где немусульман было куда меньше. Наличие в столице столь больших групп подвластных народов было утверждено законами империи. Султаны в первые века существования Османской державы как бы демонстрировали на примере столицы возможность сосуществования завоевателей и покоренных. Впрочем, это никогда не заслоняло огромную разницу в их правовом статусе.

Во второй половине XV в. турецкие султаны устано-

вили, что духовными и некоторыми гражданскими делами (вопросами брака и развода, имущественными тяжбами и т. п.) греков, армян и евреев будут вести их религиозные общины (миллеты). Патриархи греко-православной и армяно-григорианской общин, а также главный раввин иудейской общины были поставлены в положение посредников между султаном и немусульманским населением. Через них власти взимали и налоги, и сборы с немусульман. Султаны покровительствовали главам общин, оказывали им всевозможные милости в качестве платы за поддержание в их пастве духа покорности и повиновения властям. Их резиденции и канцелярии в Стамбуле на протяжении четырех веков входили в число важных центров не только религиозной, но и социально-политической жизни столицы.

Немусульманам в Османской империи был закрыт доступ к административной или военной карьере, поэтому большинство жителей Стамбула, не исповедовавших ислам, занимались ремеслом или торговлей. Исключение составляла небольшая часть греков из богатых семей, живших в квартале Фанар на европейском берегу Золотого Рога. Греки-фанариоты находились на государственной службе, преимущественно в должностях драгоманов — официальных переводчиков. С течением времени греки, армяне, евреи заняли прочные позиции во всех областях экономической жизни Турции. В их руки перешла внешняя и внутренняя торговля. Они были банкирами, менялами и ростовщиками. Наконец, нетурецкое население составляло основную массу стамбульских ремесленников.

«Несмотря на многообразие территорий и народов, находившихся под властью султана, — пишет современный французский исследователь Роберт Мантран, — на протяжении всей своей истории османская столица — Стамбул — была воплощением империи, вначале вследствие космополитической природы своего населения, где, впрочем, турецкий элемент был главенствующим и преобладающим, а затем благодаря тому, что она представляла собой синтез этой империи в виде ее административного и военного, экономического и культурного центра».

Стамбул стал столицей турецкого военно-феодального государства, правитель которого, султан, обладал всей полнотой светской власти и одновременно был духовным главой всех подданных империи — мусульман-суннитов.

Поскольку султан считался верховным вождем и главнокомандующим всех «воинов ислама» в «священной войне против неверных», сама церемония восшествия турецких султанов на трон сопровождалась обрядом «опоясания мечом». Отправляясь на эту своеобразную коронацию, новый султан прибывал к мечети Эйюба Ансари, расположенной на берегу Золотого Рога. В этой мечети шейх ордена дервишей мевлеви, специально приезжавший из центра этого почитаемого и влиятельного ордена — города Коньи в Малой Азии, опоясывал нового султана саблей легендарного Османа. Возвращаясь в свой дворец, султан вышивал у янычарских казарм традиционную чашу шербега, приняв ее из рук одного из высших янычарских военачальников. Наполнив опустевшую чашу золотыми монетами, султан возвращал ее и заверял янычар в своей неизменной готовности бороться против неверных.

Султанская резиденция была центром административной жизни Стамбула. Все государственные дела вершились на территории дворцового комплекса Топкапы, который сооружался и перестраивался в течение нескольких веков, начиная с конца XV столетия. Тенденция к максимальной централизации власти выразилась в государстве османов уже в том, что все основные государственные ведомства располагались на территории султанской резиденции или рядом с ней. Этим как бы подчеркивалось, что султан был средоточием всей власти в империи, а сановники — даже самые высшие — лишь исполнителями его воли, причем их собственная жизнь и имущество целиком зависели от властелина.

В первом дворе Топкапы были расположены управление финансами и архивами, монетный двор, управление вакуфами (землями и имуществом, доходы от которых шли на религиозные или благотворительные цели), арсенал. Во втором дворе находился диван — совет при султানে; здесь же помещались султанская канцелярия и государственная казна. В третьем дворе находились личная резиденция султана, его гарем и казна. С середины XVII в. один из дворцов, сооруженных рядом с Топкапы, стал постоянной резиденцией великого везира. Наконец, также в непосредственной близости от Топкапы находились казармы янычарского корпуса, в которых обычно размещалось 10—12 тыс. янычар. Таким образом, султан постоянно имел около себя отборное войско для наведения порядка в столице.

Двор султанов вполне мог соперничать по пышности и роскоши с двором византийских императоров. То, что во дворце Топкапы было две казны — государственная и султанская, являлось законом жизни империи. Средства из султанской казны только в исключительных случаях тратились на нужды государства, да и то в заморозном порядке, что оформлялось долговым обязательством министра финансов — дефтердара. Личная казна султана не испытывала обычно, в отличие от государственной, нехватки средств. Она постоянно пополнялась самыми различными способами — данью из вассальных дунайских княжеств и Египта, доходами от некоторых вакуфных учреждений, бесконечными подношениями и подарками.

«Поскольку все государственные служащие считались рабами, — отмечал видный советский турколог А. Ф. Миллер, — султаны не только присваивали себе как „законные наследники“ наследство военных и гражданских чинов, умерших естественной смертью, но также широко практиковали введенную с середины XVII в. систему казней опальных сановников с конфискацией их имущества. Этим способом султаны экспроприировали в свою пользу огромные богатства, награбленные везирами и пашами у населения, и вместе с тем освобождались от неудобных лиц, обладавших подчас опасным влиянием... Применялись и другие, поистине виртуозные пополнения султанской казны. Так, султаны выдавали своих дочерей в самом раннем детстве, а иногда и в младенческом возрасте за богатых сановников, которые обязывались посылать во дворец крупные суммы на содержание „супруги“».

Роскошь султанского двора была призвана подчеркнуть величие особы султана в глазах не только его подданных, но и представителей государств, с которыми Османская империя имела дипломатические отношения.

На нужды султанского двора тратились баснословные суммы. Это и неудивительно, так как, например, в XVIII в. в дворцовом комплексе жило и кормилось 12 тыс. человек — придворные, султанские жены и наложницы, евнухи, слуги, стража. Здесь были не только обычные придворные чины — стольники и ключники, постельничие и сокольничие, стремянные и егеря, — но и начальники белых и черных евнухов, главный придворный астролог, хранители шубы и чалмы султана. Были даже стражи султанских соловья и попугая!

В соответствии с исламской традицией султанский дворец состоял из мужской половины, где располагались покои султана и все официальные помещения, и женской, именовавшейся гаремом. Женская часть дворца находилась под бдительной охраной черных евнухов, глава которых носил звание «кызлар агасы» («господин девушек») и занимал одно из высших мест в придворной иерархии. Он не только полновластно распоряжался жизнью гарема, но ведал и личной казной султана. В его ведении были также вакуфы Мекки и Медины. Начальник черных евнухов был особой, приближенной к султану, пользовался его доверием и обладал весьма большой властью. Все группировки, боровшиеся между собой за влияние на султана, — сановники, духовенство, янычары — стремились обеспечить себе его поддержку. Со временем значение этого лица столь выросло, что его мнение не раз оказывалось решающим при обсуждении важнейших дел империи. Не один великий везир был обязан своим назначением или смещением «господину девушек». Глава черных евнухов, живший в первой половине XVIII в. и носивший имя Бешир, был куплен в Абиссинии и попал в Стамбул рабом. Он сколотил огромное состояние и собрал бесценную коллекцию из 160 военных доспехов и 800 часов, усыпанных драгоценностями. Правда, бывали случаи, когда и начальники черных евнухов становились жертвами придворных интриг, но такое происходило чрезвычайно редко. Султанша-мать («валиде-султан») была не только первой персоной в гареме, но играла немалую роль в политике. Вообще, гарем всегда был средоточием дворцовых интриг; многие заговоры, порой трагически кончавшиеся не только для высших сановников, но и для самого султана, возникали в его стенах. Не только сановники империи, но и иностранные послы добивались через обитательниц гарема и евнухов с помощью взяток положительного решения своих дел.

Хотя турецкие султаны обладали неограниченной властью, их собственная судьба и даже жизнь не раз зависели от дворцовых интриг. Уже первый османский властелин Стамбула, его завоеватель Мехмед II, едва не стал жертвой заговора, который в 1472 г. устроила группа сановников, желая низложить султана и возвести на престол его сына принца Джемса. И все же, как мы уже рассказывали, Мехмед не сумел уберечься от яда. Уже одна эта история показала, что нравы в осман-

ской династии не уступали страшным традициям византийского двора. Еще при Баязиде II было введено правило, запрещавшее людям, имевшим при себе оружие, приближаться к особе султана. При преемниках Мехмеда II любое лицо могло приблизиться к султану только в сопровождении двух стражников, бравших его под руки. Постоянно принимались меры, исключавшие возможность отравления султана.

От имени султана страной управлял великий везир, в резиденции которого рассматривались и решались важнейшие административные, финансовые и военные дела. Осуществление своей духовной власти султаны перепоручили шейх-уль-исламу — высшему мусульманскому духовному лицу империи. И хотя этим двум высшим сановникам самим султаном была доверена вся полнота светской и духовной власти, реальная власть в государстве сплошь и рядом находилась в руках приближенных султана. Не раз бывало, что государственные дела вершились в покоях султанши-матери, в кругу близких ей лиц из придворной администрации.

Братоубийство в династии Османов было узаконено в 1478 г., когда Мехмед II, желая избежать борьбы за власть, издал едва ли не самый чудовищный из законов, которые только знала история. Он гласил: «Тот из моих сыновей, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле». Закон этот не остался на бумаге. На протяжении XVI и XVII вв. 60 принцев османской династии, иные в младенческом возрасте, по воле султанов погибли насильственной смертью. Однако даже этот закон не смог оградить турецких монархов от дворцовых заговоров. Уже в период царствования султана Сулеймана I двое его сыновей, Баязид и Мустафа, были убиты. Это было результатом интриг любимой жены Сулеймана султанши Роксоланы, которая столь жестоким способом расчистила путь к престолу для своего сына Селима (он правил в 1566—1574 гг.).

В сложных перипетиях дворцовой жизни важнейшую роль неизменно играли янычары*. Янычарский корпус, на протяжении нескольких столетий составлявший основу турецкой регулярной армии, был одной из прочнейших опор султанского трона. Начало формированию янычарского корпуса было положено задолго до прев-

---

* От турецкого «ени чери» — «новое войско».

ращения Константинополя в столицу Османской империи. С 60-х годов XIV в. султаны стали практиковать принудительный набор детей христиан для службы в регулярной армии. Вскоре эта система превратилась в основной инструмент пополнения пехоты. Насильно оторванных от своих семей христианских мальчиков обращали в ислам и воспитывали в духе мусульманского фанатизма. Они проходили обучение военному делу, после зачисления в янычарский корпус получали высокое жалование. Им запрещалось жениться, а также заниматься ремеслом и торговлей.

Султаны стремились завоевать сердца янычар щедростью. Существовал, в частности, обычай, по которому султаны должны были при вступлении на престол делать им подарки. Со временем эти подарки стали своеобразной данью султанов янычарскому корпусу. Постепенно янычары превратились во что-то вроде преторианской гвардии. Введенный некогда запрет на женитьбу и занятия ремеслом и торговлей был забыт. С середины XVII в. все большее число янычар обзаводилось семьями, пополнение корпуса начали составлять их дети. Янычары проникали в ремесленные цехи Стамбула, промышляли мелкими торговыми операциями. Боеспособность корпуса, в списках которого значилось много тысяч «мертвых душ», чье жалование исправно присваивали себе командиры янычарских рот, резко уменьшилась. Но янычары играли главную роль почти во всех дворцовых переворотах, султаны то и дело смещали высших сановников, не угодивших янычарской вольнице.

В Стамбуле находилось, как правило, около трети янычарского корпуса, т. е. от 10 тыс. до 15 тыс. человек. Время от времени столицу сотрясали бунты, обычно возникавшие в одной из янычарских казарм. В 1617—1623 гг. янычарские мятежи четыре раза приводили к смене султанов. Один из них, султан Осман II, был возведен на престол в четырнадцатилетнем возрасте, а через четыре года был убит янычарами. Это произошло в 1622 г. А через десять лет, в 1632 г., в Стамбуле вновь разразился янычарский бунт. Возвратившись в столицу после безуспешной осады Багдада, янычары взбунтовались против отказа султана сместить великого везира, на которого возложили вину за неудачу. Янычары осадили султанский дворец, а затем депутация янычар и конпогвардейцев — сипахи — ворвалась к султану, по-

требовала назначения удобного им нового великого везира и выдачи сановников, к которым у бунтовщиков были претензии. Мятеж удалось потушить, уступив, как всегда, янычарам, но их страсти так разбушевались, что с наступлением священных для мусульман дней рамазана шайки янычар с факелами в руках носились ногами по городу, угрозой поджога вымогая деньги и имущество у сановников и зажиточных горожан. В 1687 г. в результате янычарского бунта был даже частично разграблен дворец султана. Чаще всего рядовые янычары оказывались простым орудием в борьбе дворцовых группировок. Глава корпуса — янычарский ага — был одной из самых влиятельных фигур в султанской администрации, его расположением дорожили высшие сановники империи.

Султаны с подчеркнутым вниманием относились к янычарам, периодически устраивая для них всевозможные развлечения и зрелища. В самые трудные для государства моменты никто из сановников, ведавших финансами, не рисковал задерживать выплату жалованья янычарам, ибо это могло стоить головы. Когда один из великих везиров сделал в XVIII в. попытку несколько сократить расходы на содержание янычарского корпуса, «реформатор» тут же лишился своего поста. Прерогативы янычар оберегались так тщательно, что дело доходило порой до печальных курьезов. Однажды случилось так, что главный церемониймейстер в день мусульманского праздника по ошибке допустил к целованию мантии султана командующих кавалерией и артиллерией ранее янычарского аги. Рассеянный церемониймейстер немедленно был казнен.

Янычарские бунты были опасны и для султанов. Они могли привести к низложению султана, как это случилось, например, в 1703 г., когда был свергнут с престола Мустафа II. Бунт начался довольно обычно. Его зачинщиками были несколько янычарских рот, которые не пожелали выступить в поход на Грузию, сославшись на задержку в выплате жалованья. Случилось это 19 июля 1703 г., а уже через четыре дня мятежники, поддержанные значительной частью янычар, находившихся в столице, а также стамбульскими софтами — учащимися духовных школ, медресе, — ремесленниками и торговцами, оказались хозяевами столицы. Султан Мустафа и его двор находились в то время в Эдирне. Среди сановников и улемов столицы начался

раскол, часть из них примкнула к бунтовщикам. Толпы янычар разгромили дома неугодных им сановников, в том числе дом стамбульского градоначальника — каймакама. Ненавистный янычарам военачальник Ханимзаде Муртаза-ага был убит. Руководители мятежников назначили на высшие посты новых сановников, а затем послали к султану в Эдирне депутацию, потребовав выдачи и отправки в Стамбул ряда сановников, которых они считали повинными в расстройстве государственных дел. В своем письме они призывали султана вернуться в столицу.

Мустафа попытался утихомирить бунтовщиков, направив в Стамбул большую сумму для выдачи им жалованья и денежных подарков. Но это не принесло желаемого результата. Султану пришлось сместить и отправить в ссылку неугодного янычарам шейх-уль-ислама Фейзуллаха-эфенди. Приглашение прибыть в столицу он оставил без ответа и стал собирать верные ему войска. Тогда мятежники 10 августа двинулись на Эдирне. Их силы превосходили армию Мустафы. 16 августа, уже на пути в Эдирне, повстанцы провозгласили новым султаном брата Мустафы II, Ахмеда. Когда они достигли Чорлу, состоялась встреча командующих войсками бунтовщиков и султана. Переговоры закончились соглашением о низложении Мустафы II и восшествии на престол Ахмеда III. Дело обошлось без кровопролития, объединившиеся войска сопровождали нового султана до столицы, куда он вступил со своей свитой 24 августа 1703 г. Непосредственные участники бунта получили высочайшее прощение. Но тех, кто попал на высшие административные посты в дни мятежа, постепенно отстранили от власти. Когда волнения в столице улеглись и правительство опять стало полностью контролировать положение, некоторых из главарей мятежников все же казнили.

Поскольку многие янычары занялись ремеслом или торговлей, их бунты со временем стали в известной степени отражением недовольства городских низов. Наиболее ярким в этом отношении было вспыхнувшее в Стамбуле осенью 1730 г. восстание, вошедшее в историю под названием восстания Патрона Халиля.

Шла очередная война между Османской империей и Ираном. В связи с ростом военных расходов правительство ввело новые налоги. Торговцы и ремесленники Стамбула начали роптать, так как по традиции населе-

ние столицы было освобождено от уплаты ряда налогов. Недовольство городских низов усилилось, когда в последние месяцы 1729 г. были произведены чрезвычайные военные поборы, сопровождавшиеся произволом налоговых чиновников. Описывая обстановку в турецкой столице в этот период, русский резидент И. И. Неплюев отмечал, что министры султана Ахмеда III, «оставя правду и суд, всякими мерами и нападками от подданных деньги похищали и ненасыть салтанскую исполняли. За что народ турецкой и всякого рода подданные от излишних вновь налагаемых пошлин и напрасных нападений в немалом озлоблении находились и ропоты о лихоимстве салтанском и министерском умножились». К тому же на глазах населения столицы на протяжении десятилетия безудержно тратились колоссальные средства на возведение новых дворцов султана и его сановников, на пышные празднества и развлечения знати. Великий везир Ибрагим-паша предпринял попытку обуздать янычарскую анархию, но это еще более обострило положение.

В конце сентября 1730 г. в Стамбул пришла весть о поражении турецкой армии в Иране. Ее принесли воины из гарнизона Тебриза, который был захвачен турками, но затем вновь перешел в руки персов. Весть о сдаче Тебриза оказалась той искрой, которая зажгла пламя восстания.

Рано утром 28 сентября на улицах Стамбула появилась небольшая группа рядовых янычар во главе с Патрона Халилем, призывавших горожан подняться против султана и ненавистных министров. Их поддержало множество ремесленников и торговцев. Если в первый день под знамена восстания встало 3 тыс. жителей столицы, то на четвертый день число бунтовщиков достигло 80 тыс. Они захватили пороховые склады, морской арсенал и литейный двор, прервали снабжение султанской резиденции водой и продовольствием. Повстанцы громили дома знати, открывали двери тюрем. Ахмед III попытался спасти свой трон, приказав казнить наиболее ненавидимых народом сановников, в том числе великого везира. И все же султан был низложен. 7 октября в Стамбуле состоялась церемония восшествия на престол нового султана — Махмуда I. Ему пришлось выполнить требования восставших — отменить надбавки к прежним налогам и все новые подати. Когда же напряжение в столице разрядилось, султан и его прибли-

женные сумели подкупом и угрозами расколоть ряды мятежников. 26 ноября 1730 г. руководителей восстания во главе с Патрона Халилем заманили в султанский дворец под предлогом переговоров, связанных с их требованием об изменении состава дивана. Во дворце они были предательским образом перебиты, и трупы их были брошены в море. Таков был трагический финал этого выступления стамбульских низов — одного из самых значительных городских восстаний в Османской империи эпохи средневековья.

Во второй половине XVIII в. янычарский корпус превратился в орудие дворцовых интриг, его военное значение стало ничтожным. Так, во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. янычары вместо военных упражнений занимались торговлей. Когда же командующий султанской армией велел их за это оставить без жалованья, часть янычар самовольно бросила позиции и вернулась в Стамбул. Здесь им не только удалось оправдаться в глазах султана, но даже добиться казни великого везира, которого они обвинили в неудовлетворительном состоянии войска.

Управление огромной империей требовало значительного правительственного аппарата. Главную роль в нем играли четыре ведомства — великого везира, кадиаскера, дефтердара и нишанджи. Руководители этих ведомств, среди которых первым был великий везир, вместе с рядом других высших сановников империи составляли диван, обсуждавший государственные вопросы особой важности.

Ведомство великого везира называлось «Баб-и али», что означало дословно «Высокие врата». На французском языке — языке дипломатических документов — это звучало как «La Sublime Porte», т. е. «Блистательные [или Высокие] врата». В языке же российской дипломатии французское «Porte» трансформировалось в «Порту». Так «Блистательная Порты», или «Высокая Порты», надолго стала наименованием султанского правительства. «Портой Оттоманской» порой называли не только высший орган светской власти, но и само государство османов. Великий везир действительно был в османской государственной иерархии первым лицом. Этот высокий пост был учрежден в 1327 г., т. е. существовал с момента основания османской династии. Великий везир вершил государственные дела от имени суверена. Символом его власти была государственная печать.

Когда султан приказывал великому везиру передать печать другому сановнику, это означало в лучшем случае немедленную отставку. Нередко же такой приказ означал ссылку, а порой и смертный приговор.

Великий везир ведал всеми государственными делами, в том числе военными. Ему подчинялись руководители других главных государственных ведомств империи, а также бейлербеи (наместники) Румелии (т. е. европейских владений султана) и Анатолии, а также сановники, возглавлявшие административное управление в санджаках (губерниях). В XVI—XVIII вв. пост великого везира не раз занимали крупные государственные деятели, способствовавшие укреплению османской державы. Видное место среди них принадлежит «династии» великих везиров из семьи Кёпрюлю.

Власть великого везира зависела от многих причин, в том числе таких случайных, как прихоть султана или интриги дворцовой камарильи. Особенно это стало ощущаться во второй половине XVIII в., когда на пост великого везира один за другим попадали бездарные фавориты. Бывало, что главы Высокой Порты менялись несколько раз в течение года. Казни опальных великих везиров стали обычным явлением. Не рассчитывая на длительное пребывание в этой должности, да и на долгую жизнь, великие везиры той поры отличались стремлением к наживе. Своим поведением они еще более развращали высшую бюрократию империи, для которой взятки и злоупотребление служебным положением стали нормой жизни.

Вообще, высокий пост означал большие доходы. Высшие сановники получали от султана огромные земельные пожалования, приносившие баснословные денежные суммы. Так, в начале XVIII в. румелийский бейлербей имел годовой доход в размере 1,7 млн. акче (пиастров), анатолийский — 1,6 млн., глава янычарского корпуса — 500 тыс., дефтердар — 450 тыс. акче. В результате многие из высших сановников накапливали огромные богатства. Например, когда сокровища великого везира Синан-паши, умершего в конце XVI в., попали в казну, их размеры настолько поразили современников, что рассказ об этом попал в одну из турецких средневековых хроник.

Важным правительственным ведомством было управление кадиаскера — «войскового судьи», — руководившее органами юстиции и школьными делами. Поскольку

суд в империи основывался на нормах шариата — мусульманского права, ведомство кадиаскера подчинялось не только везиру, но и шейх-уль-исламу. С 1480 г. вместо одного кадиаскера назначались два — румелийский и анатолийский. Им были подчинены все судебные органы и школьные учреждения в санджаках.

Финансами империи управляло ведомство дефтердара (буквально «хранителя реестра»). Ведомство пишанджи («хранителя [султанской] печати») было своего рода протокольным департаментом, ибо его чиновники оформляли султанские указы, снабжая их искусно выполненной монограммой правившего султана, без которой указ не получал силы закона. Вплоть до середины XVII в. оно осуществляло также связи Османской империи с другими странами.

Представители высшей бюрократии считались «рабами султана». И действительно, многие сановники начинали свою карьеру настоящими рабами на службе при дворе или в армии. Однако и позже, заняв высокий пост в империи, каждый из них знал, что его карьера и жизнь целиком зависят от воли султана. В этом смысле типичной была жизнь одного из великих везиров XVI в., Лютфи-паши, который пославился своим сочинением «Асаф-наме», повествующим о функциях великих везиров. Он попал во дворец султана мальчиком в числе других христианских детей, принудительно набравшихся для службы в янычарском корпусе, служил в личной гвардии султана, сменил ряд постов в войске янычар, стал бейлербеем Анатолии, а затем Румелии. Женат он был на сестре султана Сулеймана. Это помогло карьере. Своего высокого поста он лишился, как только осмелился порвать со своей высокородной супругой, и это была далеко не худшая участь: как мы уже говорили, к казням в Стамбуле привыкли. При этом склонность османской государственной системы к строгой регламентации отразилась даже на обхождении с головами казненных сановников, которые обычно выставлялись у стен дворца султана. Табель о рангах действовала и после смерти сановника. Отрубленной голове великого везира полагалось серебряное блюдо и место на мраморной колонне у дворцовых ворот. Менее крупный сановник мог рассчитывать лишь на деревянную тарелку, а уж головы рядовых проштрафившихся или безвинно казненных чиновников укладывались без всяких подставок на землю у стен дворца. Это зрелище стало столь

обыденным, что жители Стамбула уже не ощущали всей его чудовищности.

Особое место в Османской империи и в жизни ее столицы занимал шейх-уль-ислам. Влияние мусульманского духовенства во всех сферах жизни турецкого общества было исключительно велико. Высшее духовенство (улемы) состояло из кадиев — судей в мусульманских судах, муфтиев — исламских богословов и мюддеррисов — преподавателей медресе. Духовенство владело огромными земельными угодьями, а также разнообразным имуществом в городах. Роль шейх-уль-ислама, чей пост был учрежден султаном Мехмедом II в год завоевания Константинополя, была особенно велика, ибо ему одному принадлежало право толковать любое решение светских властей империи с точки зрения положений Корана и шариата. Его фетва — документ, одобряющий акты высшей власти, — была совершенно необходима и для любого султанского указа. Впрочем, фетвы санкционировали даже низложение султанов и их восшествие на престол. Шейх-уль-ислам занимал в османской официальной иерархии место, равное великому везиру, который ежегодно наносил ему традиционный визит, подчеркивая тем самым уважение светских властей к могущественному главе мусульманского духовенства. Шейх-уль-ислам, подобно другим высшим сановникам, получал огромное жалованье от казны.

Турецкая бюрократия не отличалась нравственностью. Уже в указе султана Мехмеда III (1595—1603), изданном по случаю его восшествия на престол, говорилось, что в прошлом в Османской империи никто не страдал от несправедливости и вымогательства, а ныне сводом законов, гарантирующих справедливость, пренебрегают, в делах административных совершаются всевозможные несправедливости. С течением времени коррупция и злоупотребление властью, продажа доходных должностей и взяточничество стали столь распространены, что турецкие авторы XVII в. писали о них как о страшном зле, расшатывавшем устои государства. А в XVIII в. продавались буквально все должности. Так, пост господаря Молдавии и Валахии стоил 5—6 млн. пиастров. Взятки давали и брали все. Иностранцы представители в Стамбуле, желавшие добиться выгодных условий на дипломатических или торговых переговорах, давали крупные взятки высшим сановникам и султанским фаворитам.

Европейские монархи сразу же после падения Константинополя стали стремиться к установлению дипломатических связей с турецкими султанами. По мере роста могущества Османской империи они проявляли все большую заинтересованность в дружественных отношениях с Портой. Стамбул все чаще и чаще принимал иностранные посольства и миссии. Особенно активны были венецианцы, чей посол побывал при дворе Мехмеда II уже в 1454 г. В конце XV в. начались дипломатические сношения Порты с Францией и Московским государством. А уже в XVI в. дипломатия европейских держав вела в Стамбуле ожесточенную борьбу за влияние на султана и Порту.

Дипломатические переговоры обычно велись в обстановке строгой секретности, об их содержании знали лишь великий везир. Договоры заключались на незначительный срок и нуждались в подтверждении новым султаном. Наиболее активны в XVI в. были французские дипломаты, усилиями которых в феврале 1535 г. был заключен договор между Сулейманом I и французским королем Франциском I о мире, дружбе и торговле, который обеспечил французским подданным ряд льгот в отношении свободы передвижения и торговли во владениях султана.

С середины XVI и до конца XVIII в. существовал обычай обеспечивать иностранные посольства из казны османского государства. Так, в 1589 г. Высокая Порта ежедневно выдавала персидскому послу сто баранов и сто сладких хлебов, а раз в неделю — значительную денежную сумму. Послы мусульманских государств получали содержание в большем размере, нежели европейские послы. Да и почести им оказывались куда более значительные.

В первые века после падения Константинополя иностранные посольства располагались в самом Стамбуле, где для них недалеко от древнего Форума Константина было отведено специальное здание, называвшееся «Эльчи-хан» («Посольский двор»). С середины XVII в. иностранным послам были отведены резиденции в Галате и Пере, а в Эльчи-хане стали располагаться представители государств — вассалов султана. Обычно проезд иностранного посла в Стамбул сопровождался пышным церемониалом, да и сами послы чаще всего стремились ослепить столицу Османской империи роскошью своих кортежей. Все послы везли султану дорогие по-

дарки. Если же кто-нибудь осмеливался нарушить это правило, ему существенно сокращали содержание от турецкой казны, лишали его аудиенции, а иной раз и отправляли в тюрьму, как это случилось в 1585 г. с австрийским послом, прибывшим к султану Мураду III с пустыми руками.

Разработанный до мельчайших деталей церемониал приема послов султаном тщательно соблюдался. Его можно представить, ознакомившись с описанием приема русского посла И. В. Репнина в 1775 г., сделанным очевидцем этого события.

Когда посол подъехал к берегу Золотого Рога, его усадили в лодку с 14 гребцами, а вся свита его разместилась в 70 шестивесельных лодках. На другом берегу их уже ждали 120 оседланных лошадей. После этого кортеж направился ко дворцу. Доехав до средних ворот дворца, Репнин спешился, и его отвели в караульное помещение, которое специально для этого случая было убрано коврами. Здесь посла стали угощать. Вскоре сообщили, что во дворце все готово к приему. Посол и его свита двинулись дальше. В 30 м от ворот, справа от дороги, стояло несколько тысяч турецких солдат. Перед зданием дивана навстречу посольству вышел начальник охраны. Перед Репниным открыли дверь дивана, и в то же самое время на противоположной стороне открылась дверь, в которую вошел великий везир. Везир сел на софу, посол — напротив него в кресло. Полчаса прошло в беседе о малозначительных вещах. Затем везир послал султану записку о том, что посол ждет приема. Тем временем были принесены столы и еда. С везиром обедал один только посол, остальные члены русской делегации сидели за другими столами. После обеда везир пригласил Репнина во двор, где на полугути от дверей дивана до третьих ворот было поставлено кресло, в которое его и усадили; на посла надели соболью шубу, крытую парчой, а на маршала посольства и двух секретарей — горностаевые шубы. Перед послом стали выводить лошадей.

Через 15 минут великий везир прошел к султану, а вслед за ним туда пригласили и посла. У последних дверей уже находились подарки, которые накануне Репнин отправил во дворец. Посла и 16 человек, допущенных вместе с ним к султану, взяли под руки по двое из охраны султана и ввели в тронный зал. Султан сидел на троне. Репнин приветствовал его и произнес речь, в ко-

торой сообщил о цели своего прибытия. Послание Екатерины II из рук посла взял один из придворных и передал его везиру, а тот положил около султана. В ответ султан громким голосом произнес несколько слов, которые везир передал переводчику для сообщения послу: «Его императорское величество, мой всемилостивейший, всеавгустейший государь-император, прибежище света, повелел мне возвестить вам, что есть его императорская воля, чтоб мирный трактат, заключенный между его империей и империей Российской (речь шла о договоре, которым закончилась русско-турецкая война 1768—1774 гг.— Ю. П.), был навсегда сохраняем и исполняем».

Как только переводчик перевел речь великого везира, посол откланялся и вышел из тронного зала в сопровождении той же турецкой охраны и был препровожден в караульное помещение. Вскоре туда же прибыл и везир. Все сели на лошадей, и те же лица, которые встречали посла, проводили его до берега залива.

Сношения послов с великим везиром и другими высшими сановниками империи также были сопряжены со множеством формальностей и условностей, а необходимость делать дорогие подарки оставалась до второй половины XVIII в. нормой. Такие подарки делались по случаю главных мусульманских праздников и при каждом новом назначении высокого должностного лица. Но еще затруднительнее для послов было отсутствие гарантий их жизни и чести. Не раз оказывались они униженными из-за ничтожных пустяков на приемах у султана или великого везира. В 1667 г. польский посол был даже жестоко избит во время аудиенции у султана, ибо тому показался недостаточно низким поклон посла. При объявлении войны послов сажали в темницу, в частности в казематы Едикуле — Семибашенного замка. Но и в мирное время случаи оскорбления послов и даже физического насилия над ними со стороны турецких официальных лиц или произвольного тюремного заключения не были чрезвычайным явлением. Один из французских дипломатов, отмечая в последней четверти XVIII в. неуважительное отношение в турецкой столице к иностранным представителям, прямо говорил, что самый ничтожный янычар, встречаясь с французским послом на улицах Стамбула, не найдет нужным уступить ему дорогу, как бы показывая, что даже последний мусульманин выше первого «гяура».

Первым русским послом в Стамбуле был стольник Плещеев (1496 г.), гордо отвергнувший унижительный церемониал приема и потребовавший личной беседы с султаном. И хотя султан Баязид не принял посла, все же ответные грамоты султана содержали уверения в дружбе, да и весьма добрые слова о самом Плещееве.

В первые десятилетия XVI в. Стамбул посетило несколько российских посольств. Первым же постоянным послом России в Османской империи был П. А. Толстой. Он приехал в султанскую столицу в 1702 г. Время было непростое для российского дипломата. Война со «Священной лигой», в которую входили Австрия, Венеция, Польша, Мальта и Россия, закончилась для Турции весьма ощутимыми территориальными потерями в Европе. Во владениях султана нашел в это время убежище шведский король Карл XII, бежавший сюда после поражения в битве под Полтавой. Известие о результатах этого сражения произвело в Стамбуле ошеломляющее впечатление. Султан и его министры увидели в российском государстве силу, с которой отныне нельзя было не считаться. И хотя Карл XII всячески пытался подтолкнуть султана к новой войне с Россией, это некоторое время не удавалось.

В начале января 1710 г. султан Ахмед III дал аудиенцию П. А. Толстому. Посол, весьма учтиво принятый, получил от султана грамоту с подтверждением мирного договора, заключенного в Стамбуле между Россией и Османской империей в июле 1700 г. Тем не менее в ноябре 1710 г. султанское правительство объявило России войну. Российский посол и весь персонал посольства были арестованы, имущество посольства разграблено. П. А. Толстой был заточен в Семибашенный замок, где просидел два года. В этой тюрьме побывали и некоторые другие европейские дипломаты, когда Османская империя разрывала дипломатические отношения со странами, которые они представляли. Томились здесь еще два русских посла — А. М. Обресков (в 1768—1771 гг.) и Я. И. Булгаков (в 1787—1789 гг.). Таким образом, жизнь дипломата в средневековом Стамбуле была не только сложной, но и опасной.

Дворец султана, его двор, высшие ведомства империи — светские и духовные — составляли на протяжении веков официальный Стамбул. Однако Стамбул был не только политическим центром османского государства. «По своему значению и как резиденция халифа

Стамбул стал первым городом мусульман, столь же сказочным, как и древняя столица арабских халифов,— отмечал известный болгарский турколог Н. Тодоров.— В нем было сосредоточено огромное богатство, которое составили добыча победоносных войн, контрибуции, постоянный приток налогов и других поступлений, доходы с развивавшейся торговли. Узловое географическое положение — на скрещении нескольких основных торговых путей по суше и морю — и привилегии в снабжении, которыми Стамбул пользовался на протяжении нескольких веков, превратили его в крупнейший европейский город».

Глава VIII

СТАМБУЛ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ

Столица турецких султанов славилась как красивый и процветающий город, не уступавший Константинополю. В великолепный природный рисунок города хорошо вписались новые строения — создание мусульманских зданий.

Новый архитектурный облик города возник не сразу. Обширное строительство велось в Стамбуле со второй половины XV до конца XVIII в. Прежде всего султаны позаботились о восстановлении и об укреплении стен города. Затем начали появляться новые здания — султанская резиденция, мечети, дворцы вельмож. В числе первых сооружений были султанский дворец Эски Сарай («Старый дворец»), возведенный в районе бывшего Форума Феодосия, мечеть и тюрбе (мавзолей) Эйюба Ансари, легендарного сподвижника пророка Мухаммеда. Эти первые образцы османской архитектуры относятся к 1457—1458 гг.

Мечеть Эйюба Ансари была первой мечетью, построенной по приказу султана в завоеванном городе. В ней хранились драгоценные реликвии ислама, в частности камень из священной для всех мусульман мекканской мечети Кааба, сохранивший на себе, по убеждению верующих, отпечаток ноги Мухаммеда. Как отмечалось, именно здесь происходил обряд восшествия на престол турецких султанов. Здание мечети, сооруженное из белого мрамора, венчали два изящных минарета. Во дворе находился источник, воды которого считались способными исцелять болезни и облегчать страдания. Мечеть и тюрбе Эйюба Ансари на протяжении веков входили в число наиболее почитаемых мусульманами святых мест Стамбула.

Эски Сарай был сооружен вскоре после завоевания Константинополя, и султан Мехмед II жил здесь со

своим двором и гаремом почти 15 лет. Для строительства дворца были использованы развалины древнего Капитолия. Высокие стены Эски Сарая образовывали неправильный пятиугольник и имели четверо ворот, двое из которых были постоянно на запоре, а двое тщательно охранялись.

В 1466 г. на площади, где некогда находился Акрополь Византия, было начато сооружение дворцового комплекса Топкапы. Мехмед II переехал в новую резиденцию со своей канцелярией, оставив в Эски Сарая двор и гарем. При султানে Сулеймане I весь двор располагался уже в Топкапы. Эски Сарай же со временем стал местом пребывания сераскерата (военного ведомства), казарм и госпиталя.

Строительство дворцовых зданий на территории Топкапы велось долго. В 1635 г. здесь был сооружен небольшой Ереванский дворец, названный так по случаю взятия турецкими войсками Еревана. Несколькими годами позже неподалеку от него в честь взятия турками Багдада был построен Багдад кёшк. В 60-х годах XVII в. на территории Топкапы появились гарем и ряд служебных помещений. Первоначально многие строения в комплексе Топкапы возводились из дерева, но после грандиозного пожара 1660 г., уничтожившего множество домов, в том числе ряд зданий в Топкапы, дворцовые сооружения стали, как правило, возводиться из одного камня. Строительство на территории султанской резиденции не прекращалось и в XVIII в. Завершилось оно лишь к 1817 г.

Главная прелесть дворца Топкапы, отличавшегося внешней простотой и строгостью линий, состояла в его расположении: он стоял на высоком холме, буквально нависая над водами Мраморного моря. Дворцовый комплекс украшали многочисленные сады. Славился «сад тюльпанов», в котором насчитывалось 800 видов тюльпанов. В дворцовой библиотеке, сооруженной по приказу султана Ахмеда III (1703—1730), была собрана ценная коллекция книг и рукописей.

Неповторимый облик Стамбула создавали бесчисленные мечети. Как уже было сказано, Мехмед II повелел превратить в мечеть храм св. Софии. Завоеватели безжалостно замазали известкой великолепные мозаики, заменили крест на куполе полумесяцем; позже по углам храма встали четыре высоких минарета, и бывшая святыня христиан приобрела вид большой ме-

чети. В мечети были перестроены с течением времени и многие другие христианские храмы Константинополя: церковь Хора стала мечетью Кахрийе, церковь Паммакаристи — мечетью Фетхийе, церковь Пантократора — мечетью Зейрек. Около 20 крупных церквей были превращены в мечети и в этом новом качестве существовали в течение веков, напоминая о византийском периоде в жизни древнего города.

Вскоре началось сооружение новых мечетей. Первые постройки мало отличались от ранних турецких мечетей Бурсы или Изника (Никеи). Правда, использовался и опыт византийских зодчих, а в некоторых случаях их приглашали руководить крупными стройками. Так, сооружением мечети Мехмед Фатих, названной так в честь султана Мехмеда II Завоевателя (Фатиха), руководил грек Христул. Эта мечеть строилась около восьми лет на месте бывшего храма св. Апостолов и в основном из его материала. Ее громадный купол уступал по своим размерам только куполу храма св. Софии. В 1768 г. мечеть была разрушена землетрясением, после чего была отстроена заново. В обширном дворе мечети, как, впрочем, и во дворах других крупных мечетей Стамбула, располагались несколько медресе, богадельня, госпиталь, библиотека, усыпальницы султанов, принцев и принцесс османской династии, гробницы святых и особо почитавшихся лиц.

С конца XV в. появился новый для османского искусства тип мечети, образцом для которого в значительной степени послужил храм св. Софии. Вообще, его архитектура оказала большое влияние на турецкое зодчество. Когда архитектор Кемальеддин приступил к проектированию мечети в честь царствовавшего в то время султана Баязида II, он взял в качестве образца храм св. Софии. Завершенная в 1501 г., мечеть Баязида напоминала его общим рисунком, размерами, формой купола. «И хотя турецкие зодчие, — отмечает советский искусствовед Ю. А. Миллер, — часто творчески перерабатывали саму идею св. Софии, в десятках и сотнях мечетей, возведенных в последовавшие столетия по всей Османской империи, без труда угадывается прославленный христианский храм... Возникшие вслед за мечетью Баязида памятники имеют цельный художественный образ. Основой продолжает служить куб, завершающийся полусферическим куполом. Еще Кемальеддин, вводя в планировку мечети Баязида перекрытые купо-

лами крылья, соединенные аркадами с центральной частью, развил более ранний конструктивный прием. Добавив же обширный, окруженный купольной колоннадой квадратный двор — харим, или авлу, — перед мечетью, с фонтаном для религиозных омовений, он не только внес еще один новый элемент в общее решение, но и осуществил задачу создания культового комплекса. Многократно повторяемый впоследствии, этот элемент не был случайным, а имел глубокий смысл. Легкие колоннады двора, тонкие и стройные минареты, играя подчиненную роль, подчеркивали крупные, нерасчлененные формы средней части комплекса. В полном соответствии с главной идеей разрабатывались и интерьеры — в виде огромных по объему помещений, переходящих в подкупольное пространство».

В середине XVI в. в Стамбуле было сооружено много великолепных зданий по проектам Синана — одного из самых выдающихся и плодовитых турецких архитекторов. По происхождению грек из города Кайсери в Малой Азии, в Стамбул он попал мальчиком в числе христианских детей, отобранных для службы в янычарском корпусе. В юности Синан служил в рядах янычар и участвовал во многих походах. Затем занялся архитектурой. Блестящие способности привели его во времена правления Сулеймана I на пост главного придворного зодчего. По проектам Синана и под его руководством в различных городах Османской империи были построены 81 соборная и 50 малых мечетей, 55 медресе, 32 дворцовых здания, 19 мавзолеев, 17 имаретов — мусульманских благотворительных заведений, 3 больницы, 7 акведуков, 8 мостов, 17 караван-сараев, 33 бани и ряд других сооружений. Синан прожил необычайно долгую жизнь — 110 лет. Наибольшую славу принесли ему три мечети — шедевры средневековой османской архитектуры: мечеть Шах-заде и мечеть султана Сулеймана I (Сулейманийе) в Стамбуле и мечеть султана Селима I (Селимийе) в Эдирне.

Мечеть Шах-заде была завершена в 1548 г. Ее строили по приказу султана Сулеймана I. Предание гласит, что Сулейман повелел умертвить своего сына Мустафу по подозрению в измене в результате ложного доноса, который был следствием интриги жены Сулеймана, Роксоланы. Другой сын султана, Джихангир, вскоре умер, не вынеся смерти любимого брата. Когда к жестокому отцу пришло запоздалое раскаяние, он пожелал возд-

вигнуть мечеть в память погибших сыновей и назвал ее «Шах-заде», что означает по-турецки «принц», «наследник престола».

В 1550 г. Синан по приказу Сулеймана начал сооружение еще одной мечети. Султан хотел, чтобы новая мечеть стала чем-то вроде памятника его великолепному царствованию. Строительство продолжалось целых семь лет. Сулеймана это раздражало, и, если верить историкам, он не раз давал Синану понять, что тот рискует кончить свои дни, как зодчий Аяз, который был казнен Мехмедом II за затяжку в строительстве одного из воздвигавшихся по высочайшему указу зданий. Турецкий путешественник, географ и писатель XVII в. Эвлия Челеби приводит в своем труде полулегендарный рассказ о ларце с драгоценностями, который персидский шах послал султану с откровенным намеком на то, что у него не хватает средств на завершение такого большого строительства. Сулейман повелел Синану употребить шахские драгоценности в строительстве наравне с обычными камнями. Султан мстил шаху за издевку, но мечеть и в самом деле стала драгоценной. Отнюдь не легендарен факт, что на ее постройку были израсходованы колоссальные суммы. Правда, здание оказалось великолепным; оно восхищает как монументальностью, так и мастерством планировки и внутренней отделки. При мечети были несколько медресе, тюрьме султана Сулеймана и его жены, медицинская школа, больница и благотворительная столовая. Со временем здесь были сооружены мавзолеи и нескольких других султанов. В самом конце XVI в. рядом с великолепными мавзолеями появилась и скромная гробница самого Синана.

Среди других построек Синана выделялось медресе в Ускударе (Скутари) — азиатской части Стамбула. В дальнейшем оно стало как бы эталоном для строительства крупных медресе.

Строительство культовых зданий шло в Стамбуле непрерывно и в XVII в. Среди мечетей, выросших в тот период, наиболее интересна мечеть султана Ахмеда I — Ахмедийе. Ее автором был Мехмед-ага — один из талантливейших учеников и последователей Синана. Здание мечети было громадным: в нем одновременно могли совершать молитву 35 тыс. верующих. Другая впечатляющая особенность заключалась в том, что были сооружены не традиционные два или четыре минарета, а шесть,

Об истории строительства минаретов мечети Ахмедийе также сложились легенды. Одна из них гласит, что шесть минаретов появились в результате ошибки архитектора, неверно понявшего приказание Ахмеда I. Султан якобы повелел воздвигнуть «золотые минареты» (по-турецки «алтын минаре»), а глуховатый архитектор, не осмелившийся нарушить этикет, который запрещал переспрашивать султана, решил, что ему приказано строить «алты минаре», т. е. «шесть минаретов». Другое предание — менее анекдотичное — рассказывает, что султан Ахмед I действительно приказал соорудить шесть минаретов, пожелав, чтобы воздвигаемая в его честь мечеть во всем превзошла Айя-Софью (св. Софию). Однако ортодоксы усмотрели в этом попытку принизить значение мечети в Мекке, имевшей пять минаретов. Поскольку минареты Ахмедийе уже были сооружены, султану пришлось пристроить к мекканской мечети еще два минарета, возвратив ей утраченное преимущество. Впрочем, скорее всего шесть минаретов Ахмедийе возникли в проекте самого архитектора, стремившегося к оригинальному решению. Так или иначе, но творение Мехмед-аги по праву заняло выдающееся место в поистине грандиозном ансамбле мечетей Стамбула. К концу XVII в. в османской столице насчитывалось 485 соборных и 4495 приходских мечетей, при них находилось 515 медресе. К числу культовых сооружений этой эпохи относились и дервишские обители (текке), которых в Стамбуле в XVII в. насчитывалось более 500.

Многочисленные мечети и мавзолеи, дворцовые здания и ансамбли, медресе и текке были не только образцами османской архитектуры. Многие из них стали и памятниками турецкого средневекового прикладного искусства. Мастера художественной обработки камня и мрамора, дерева и металла, кости и кожи участвовали в отделке зданий, особенно интерьеров. Ажурная резьба по мрамору и по дереву, изумительной работы изразцовые панно и цветные витражи, искусно выполненные бронзовые канделябры, бесценные ковры из малоазиатского города Ушака — все это украшало дворцы и мечети, являясь свидетельством таланта и трудолюбия безымянных умельцев.

Повсюду в Стамбуле сооружались фонтаны, строительство которых считалось у мусульман, высоко почитавших воду, делом богоугодным. Самым красивым фон-

таном Стамбула считался фонтан султана Ахмеда III, сооруженный около главных ворот дворца Топкапы в 1728 г. По изяществу формы и богатству отделки с ним соперничал фонтан предместья Стамбула Топхане («Пушечный двор»), построенный в 1609 г. при султানে Ахмеде I и перестроенный в 1733 г. при Махмуде I. Само же предместье Топхане получило свое название в связи с тем, что здесь были расположены хорошо оснащенные артиллерийские мастерские, а также литейный пушечный завод, сооруженный в XVI в. при Сулеймане I.

Своеобразный характер придавали городу наряду с мусульманскими культовыми сооружениями и знаменитые турецкие бани. «После мечетей, — отмечал русский путешественник начала XIX в., — первые предметы, поражающие приезжего в турецком городе, — здания, увенчанные свинцовыми куполами, в которых сделаны шахматом отверстия с выпуклыми стеклами. Это „гаммамы“, или общественные бани. Они принадлежат к лучшим произведениям архитектуры в Турции, и нет городишка, такого жалкого и бездельного, где бы не было общественных бань, открытых с четырех часов утра до восьми вечера. В Константинополе их до трехсот».

Бани играли в Стамбуле, как и в других турецких городах, особую роль. Наряду со своим прямым назначением они были для жителей местом отдыха и встреч, чем-то вроде клуба, где после омовения можно было многие часы проводить в беседе за традиционной чашечкой кофе, покуривая трубку или кальян. В Стамбуле было много крупных бань. Среди них выделялись бани Хассеки, сооруженные по проекту Синана недалеко от Айя-Софьи. «Тип турецкой бани, — пишет Ю. А. Миллер, — сложился под непосредственным влиянием византийских, с которыми турки познакомились еще в сельджукский период. Как правило, такие сооружения состояли из нескольких частей. В первом зале центральное место обычно занимал фонтан в виде раковин, укрепленных на вертикальной доске. Вода из них стекала уступами — с верхней, меньшей, в нижние, большие. Вдоль стен располагались галереи для раздевания. В смежном помещении, с более высокой температурой, посетители отдыхали и затем переходили в последний зал. Там находились мраморные бассейны с бронзовыми кранами для горячей и холодной воды, а в

центре — круглое или восьмиугольное возвышение, на котором делали массаж. Отопление велось чаще всего посредством подземных печей, из них горячий воздух проходил под мраморными плитами пола и по трубам в стенах. Таким образом нагревалась и вода, поступающая в залы».

Восторженными описаниями стамбульских бань — их целительного воздействия, удивительной для европейца особой атмосферы блаженства («кайфа»), в которую погружались на многие часы посетители бань, — заполнены многие страницы книг о средневековом Стамбуле. Об искусстве массажистов турецких бань, способных исцелять от многих недугов, ходили легенды.

Подобно баням, неотъемлемую часть турецкой столицы составляли рынки, в большинстве своем крытые. Их было множество — по продаже муки, мяса, рыбы, овощей, фруктов, мехов, тканей и даже специальный рынок пряностей, называвшийся Египетским базаром. Обычно рынки представляли собой лабиринты улочек и переулков со сводчатыми крышами; в десятках и сотнях лавок и лавочек с раннего утра шла оживленная торговля. Строились рынки, как правило, по проектам известных архитекторов. Так, под руководством Синана был сооружен стамбульский рынок Тирьяки.

Некоторые стамбульские рынки были созданы на базе рынков византийской столицы. Так возник сохранившийся до наших дней Крытый рынок (Капалы Чаршы). Многократно перестраивавшийся и расширявшийся, Капалы Чаршы к XVIII в. превратился в целый городок, насчитывавший несколько тысяч лавок и ремесленных мастерских. О том, как выглядел Капалы Чаршы в XVIII—XIX вв., можно судить по одному из описаний начала XIX в.: «Он состоит из длинных, широких и перепутанных между собой коридоров под высокими кирпичными арками, куда свет проникает через отверстия, сделанные в кровле. Своды и стены расписаны цветами и фигурами, по обеим сторонам галереи устроены поставцы, но так, что оставлена дорога посреди. На прилавке у каждого поставца сидит купец... Снабженный крышею и охраняемый от ветра, дождя и солнца, этот базар служит целый день прибежищем многочисленным толпам народа. В летние жары он особенно приятен. Все спешат из душной атмосферы некрытой улицы в его освежительную прохладу. Тог-

да он похож на подземный город, кипящий хлопотливым населением многих тысяч людей, которые шумят, покупают и продают в холодном полусвете сумерек». Торговали здесь решительно всем — благовониями и драгоценностями, тканями и обувью, булатными клинками и старинными рукописями..

Существовали в средневековом Стамбуле и своеобразные торговые центры — бедестаны. В XVI в. в столице было три бедестана. Бедестан представлял собой массивное каменное здание с железными воротами и решетками, внутри которого располагались десятки лавочек и мастерских. Французский путешественник XVI в. С. Морис так описывал первый стамбульский бедестан, сооруженный в 1461 г.: «Это место в Константинополе, где золотых и серебряных дел мастера, ювелиры и торговцы тканями, затканными золотом, и другими ценными вещами выставляют для продажи свои товары. Оно состоит из двух больших крытых помещений, окруженных стенами толщиной в 6 футов. В стенах имеются четверо двойных дверей (одни против других), соединенных сводами. Сами помещения также сводчатые, а купол поддерживается двадцатью четырьмя колоннами. Там есть множество маленьких лавочек, устроенных в стенах и пилестрах, — нечто вроде шкафов в шесть футов шириной и четыре фута длиной; перед ними стоят маленькие столики, чтобы выставлять товары на продажу».

Стамбул был крупнейшим центром работорговли. Невольничьих рынков в городе было несколько, и ежегодно через них проходили десятки тысяч рабов. Чаще всего живой товар состоял из пленных, в том числе русских и украинцев, захваченных крымскими татарами.

Высокая Порта и власти Стамбула постоянно заботились о стабильном снабжении столицы продовольствием. Это достигалось строгой регламентацией процесса снабжения — от закупки продуктов у производителей до продажи на городских рынках. Регламентировались и источники поступления продовольствия в столицу. Так, зерно шло из Румелии, преимущественно из Южной Болгарии, из дунайских княжеств, Измира и некоторых районов малоазиатского побережья Мраморного моря. Скот пригоняли из Болгарии, дунайских княжеств и Анатолии. Овощи, фрукты и молоко поступали из окружающих город земледельческих районов. Сыры привозились из Румелии и Валахии.

В немалой мере забота властей о снабжении города вызывалась боязнью народных волнений. Султанские указы предписывали городским властям неукоснительно наблюдать за тем, чтобы мука в город поступала своевременно, а хлеб выпекался в достаточном количестве. Все пекари были обязаны иметь запас муки на один-два месяца и выпекать хлеб хорошего качества. За сырой или подгоревший хлеб пекаря полагалось бить палкой по ступням. Один из европейцев, живших в Стамбуле в середине XVI в., отмечал, что турки — жители столицы ежедневно требуют в пекарнях только свежеспеченный хлеб; это заставляет пекарей так рассчитывать выпечку, чтобы к началу следующего дня у них не оставалось вчерашнего хлеба.

Стамбул потреблял огромное количество мяса. Для примера отметим, что в 1674 г. в город было доставлено и забито около 200 тыс. буйволов, почти 4 млн. овец и 3 млн. ягнят. Только двору султана и янычарам, расквартированным в столице, в том же году понадобилось 325 тыс. овец и ягнят.

Цены на зерно и мясо строго регламентировались с учетом качества продуктов и времени года. Начало этой регламентации было положено султанскими указами еще в начале XVI в. За соблюдением установленных правил торговли и ценами надзирали высшие должностные лица. Преследовались не только нарушения установленных цен, но и недовесы, которые наказывались весьма ощутимыми денежными штрафами. Обычно по средам, после заседания дивана, специально посвящавшегося вопросам экономической жизни Стамбула, великий везир в сопровождении кадиев основных районов города — собственно Стамбула, Эйюба, Галаты и Ускюдара, — янычарского аги, глав цехов и многочисленных чиновников городской администрации инспектировал рынки. Со временем, когда великий везир стал чаще отлучаться из Стамбула, командуя султанскими войсками в военных походах, продовольственное снабжение столицы перешло под контроль стамбульского каймакама и его ближайших помощников. Стамбульский кадий давал купцам разрешение на поставку в город пшеницы, причем закупочные цены на зерно устанавливались великим везиром. В случае необходимости суда с пшеницей сопровождал конвой. Цены на овощи, фрукты и молочные продукты не регламентировались, но и они находились под контролем кадия Стамбула и его помощ-

ника — мухтесиба, главной функцией которого было наблюдение за рынками и ремесленными цехами. Овощи, фрукты и молоко продавались по ценам, установленным кадием и мухтесибом в зависимости от расходов на их доставку в город; при этом прибыль от продажи указанных продуктов не должна была превышать 10%.

В XVIII в., когда общее положение империи резко ухудшилось, снабжение столицы стало более трудным делом. К тому времени в столице осело множество крестьян, покинувших свои села в поисках заработка. В 1740 г. власти провели перепись населения Стамбула, а затем приказали покинуть город всем, кто проживал в нем меньше шести месяцев. Впрочем, добиться выполнения своего приказа им не удалось. Проблема снабжения с этого времени стала для властей предметом постоянной тревоги.

Ансамбль огромного восточного города составляли дворцы султана и знати, мечети и медресе, дервишские обитатели и благотворительные учреждения, бани, рынки и караван-сарай. Но особенную прелесть панораме средневекового Стамбула придавали соборные мечети, которые обычно воздвигались на вершинах самых высоких холмов Босфорского мыса. «Часто писали о том, — отмечает Р. Мантран, — что Стамбул, подобно Риму, расположен на семи холмах; факт этот сам по себе не столь уж неточен, однако различия в уровнях холмов в некоторых местах столь незначительны, что более определенно можно выделить лишь пять холмов, каждый из которых увенчан характерным сооружением. Так, с востока на запад видны дворец султанов, мечеть Нур-и Османийе (построена в XVIII в.), мечеть Сулейманийе, мечеть Мехмед Фатих и мечеть Селима I; именно их купола возвышаются над городом и вызывают такое восхищение европейских путешественников».

Не меньшее восхищение вызывало местоположение города, разрезанного на три части водами Босфора и Золотого Рога. «Вряд ли можно увидеть или даже представить себе что-либо более очаровательное, чем подход к Константинополю со стороны моря, — писал один из европейских путешественников в конце XVII в. — Находишься посреди трех огромных морских рукавов, один из которых течет с северо-востока, другой направляется на северо-запад, а третий, образованный двумя

другими, вливается на юге в огромный бассейн Пропонтиды (Мраморного моря). Эти три морских рукава омывают со всех сторон сушу, так что взором легко охватить поля, незаметно переходящие во множество холмов, застроенных загородными виллами, покрытых садами. Открывается вид огромного количества домов... Среди всех этих домов заметно невероятное число куполов и минаретов, возвышающихся над обычными домами. Зелень кипарисов и других деревьев в бесконечных садах несколько препятствует смешению бесчисленных объектов, которые предстают перед вашим взором и которые, если можно так выразиться, очаровывают всех, кто прибывает в Константинополь».

Самые различные авторы — европейские и восточные — на протяжении веков не уставали восторгаться панорамой Стамбула. Многократно описаны мечети с их свинцовыми куполами и ажурными минаретами, султанские дворцы и дворцы вельмож, нежные кипарисы и синяя гладь морских вод.

Гигантский город естественным образом распадался на три части: собственно Стамбул, находившийся на мысу между Мраморным морем и Золотым Рогом, Галата и Пера на северном берегу Золотого Рога и Ускюдар на азиатском берегу Босфора, третий крупный район турецкой столицы, выросший на месте древнего Хрисополя, где некогда находилась таможня Алкивиада.

Основную часть города составлял собственно Стамбул, границы которого определялись линиями сухопутных и морских стен бывшей византийской столицы. Именно здесь, в старой части города, сложился политический, религиозный и административный центр Османской империи. Здесь находились резиденция султана, все правительственные учреждения и ведомства, важнейшие культовые сооружения. Тут же по традиции, сохранившейся с византийских времен, располагались крупнейшие торговые дома и ремесленные мастерские. Турки считали настоящей столицей империи не весь огромный городской комплекс, а только этот район. Галата и Пера были для них обиталищем «неверных». Постепенно старый город начал разрастаться, выходить за пределы Феодосиевых стен. В его северо-западной стороне, на побережье Золотого Рога, возник район Эйюб. Вначале это было предместье, но затем оно вошло в черту города. Эвлия Челеби так описывал Эйюб в

XVII в.: «Это густонаселенный и процветающий район города с садами и виноградниками. Он насчитывает до 9800 дворцов и домов... Здесь же расположен рынок с 1085 лавками, где можно приобрести бесчисленное множество различных товаров... Здесь и лавки с восхитительными на вкус йогуртом и каймаком, а также популярными цирюльни. Каждую пятницу многие тысячи людей приходят на могилу святого Абу Эйюба, и рынок при этом приобретает море покупателей». Другое предместье возникло на берегу Мраморного моря, также за пределами Феодосиевых стен, недалеко от крепости Едикуле. Но район Едикуле не слился с городом, ибо в этом предместье располагались скотобойни и сотни кожевенных мастерских, отравлявших воздух. Едикуле в эпоху средневековья была одной из самых мрачных тюрем Османской империи.

На северном берегу Золотого Рога находилась Галата — место пребывания многочисленных купцов, преимущественно греков, армян, евреев, а также итальянцев и французов. После завоевания Константинополя султан Мехмед II не отнял у генуэзцев, владевших Галатой с XIII в., их торговые привилегии, но Галата лишилась независимости, которой она обладала в последние века существования Византийской империи. Галата стала частью османской столицы, и турецкая администрация контролировала ее жизнь так же, как и жизнь всех других районов города. И этот район продолжал расти, выходя за пределы древних стен. Так возникли морской арсенал Касымпаша (на побережье Золотого Рога), артиллерийский арсенал Топхане (на берегу Босфора) и ряд поселений, ставших предместьями Галаты. Поскольку Галата была центром морской торговли османской столицы, местом стоянки торговых судов, здесь находились не только лавки, продававшие все, что было нужно морякам, но и верфи, мастерские по изготовлению снастей и парусов и, наконец, бесчисленные портовые таверны, делавшие эту часть города шумной и небезопасной. В XVI—XVII вв. важным районом турецкой столицы стала Пера, расположенная к северу от Галаты, на холмах, с которых открывается великолепная панорама Босфора. На территории, некогда занятой виноградниками и садами, постепенно сложился один из самых богатых кварталов, где разместились посольства западных держав, дома богатых купцов, католические церкви.

Свою специфику имел и Ускюдар. Сюда прибывали торговые караваны из Армении и Ирана, и поэтому в Ускюдаре было множество постоянных дворов — караван-сараев и ханов. Здесь было несколько рынков, на которых шла оживленная торговля привозными товарами. В Ускюдаре находились также султанский дворец, использовавшийся в качестве летней резиденции, и дворцы придворных и высших сановников империи. Основную массу населения Ускюдара составляли турки, армяне и персы.

Очевидцы, дружно восхищавшиеся панорамой и местоположением города, были столь же единодушны в разочаровании, возникавшем при более близком знакомстве с ним. «Город внутри не соответствует своему прекрасному внешнему облику,— писал итальянский путешественник начала XVII в. Пьетро делла Валле.— Напротив, он довольно безобразен, поскольку никто не заботится о том, чтобы держать улицы в чистоте... из-за небрежности жителей улицы стали грязными и неудобными... Здесь очень мало улиц, по которым могут легко проехать... дорожные экипажи — ими пользуются только женщины и те лица, которые не могут ходить пешком. По всем остальным улицам можно ездить только верхом или идти пешком, не испытывая при этом большого удовлетворения». Узкие и кривые, в большинстве своем немощеные, с бесконечными спусками и подъемами, грязные и мрачные — таковы были почти все улицы средневекового Стамбула. Только одна из улиц старой части города — Диван Йолу — была широкой, сравнительно опрятной и даже красивой. Но то была центральная магистраль, по которой султанский кортеж обычно проезжал от Адрианопольских ворот до дворца Топкапы. Эта трасса довольно точно совпадала с линией главной улицы византийской столицы — Месы.

По мере расширения Османской империи турки воспринимали более высокую культуру покоренных ими народов, что, естественно, находило отражение и в градостроительстве. Тем не менее в XVI—XVIII вв. жилые дома турецкой столицы выглядели более чем скромно и отнюдь не вызывали восторга. Многие путешественники отмечали, что частные дома стамбульцев, за исключением дворцов сановников и богатых купцов, представляют собой малопривлекательные сооружения.

В средневековом Стамбуле насчитывалось 30—

40 тыс. зданий — жилых домов, торговых и ремесленных заведений. В подавляющем большинстве это были одноэтажные деревянные дома. В начале XVIII в. власти даже издали специальное распоряжение, которое определяло высоту зданий. Оно предусматривало, что высота жилых домов мусульман не должна превышать 9 м, немусульман — 7 м, а лавок — 3 м.

Обычно турецкий дом состоял из двух половин — мужской (селямлык) и женской (харем). В двухэтажных домах — а такие дома были только у состоятельных людей — первый этаж отводился под служебные помещения и жилище прислуги, хозяева же располагались в верхних комнатах. Вторые этажи имели много окон и балконы, нависавшие над узкой улицей и поддерживавшиеся деревянными консолями. Крутые крыши домов, сложенные из красной черепицы, выступали над стенами, образуя широкий навес.

Застройка жилых кварталов шла сумбурно. В результате улицы все более сужались, балконы затеняли и без того темные уличные проходы. Поскольку город раскинулся на холмах, во многих местах сооружались лестницы, нередко весьма крутые. Вечерние прогулки по городу были неудобны, а порой и опасны из-за отсутствия освещения. Вечером и ночью разрешалось ходить лишь с фонарем в руках.

Дома городской бедноты обычно состояли из двух комнаток. Часто они представляли собой просто лачуги, где не было ничего, кроме спальных принадлежностей и грубой посуды. В зажиточных домах, именовавшихся «конаками», вдоль стен располагались длинные низкие диваны, в стенах были сделаны ниши для хранения посуды и различных вещей. В комнатах стояли шкафы для постельных принадлежностей. Обеденных столов не было; еду раскладывали на маленьких столиках, вокруг которых сидели на подушках, разбросанных на коврах. В богатых домах непременно был большой камин, тогда как жилища бедноты зимой отапливались с помощью тех же жаровен-мангалов, на которых готовилась пища. В состоятельных домах имелись кухни, где стояла большая печь, которую топили дровами или древесным углем. Кухонная печь внутри делилась на несколько частей, рассчитанных на котлы разной величины.

Поскольку Стамбул был в основном деревянным городом, он часто становился жертвой огня. Только с

1633 по 1698 г. зафиксирован 21 крупный пожар, и каждый раз выгорали целые кварталы. Пожары уничтожали торговые ряды и ремесленные мастерские, склады и жилые дома. Весной 1683 г. за два месяца произошло шесть пожаров, уничтоживших более 3 тыс. жилых домов и лавок. В городе не существовало пожарных команд, а потому в 1572 г. был издан указ, предписывавший, чтобы каждый домовладелец имел лестницу, равную высоте дома, и бочку с водой. Позже, в первой половине XVII в., появились указы, в соответствии с которыми дома и лавки должны были сооружаться в основном из камня, глины и самана. За выполнением этих указов следили, однако, не очень тщательно, деревянных построек оставалось в Стамбуле очень много и в XVIII в.

Немало было, конечно, хороших домов, принадлежавших состоятельным людям. Правда, особняки купцов и сановников не отличались особым изяществом и богатством внешней отделки. Впрочем, дворцы вельмож внешне тоже выглядели довольно просто. Один из французских путешественников второй половины XVII в. сделал по этому поводу любопытное замечание: «В Стамбуле существует также много дворцов частных лиц, но снаружи они совсем некрасивы и даже, напротив, просто безобразны, и кажется, что хозяева стремятся их сделать малопривлекательными снаружи из страха вызвать ревность султана». Вместе с тем все путешественники отмечали роскошь во внутреннем убранстве домов богачей и дворцов сановников.

Среди дворцов, принадлежавших высшей бюрократии, выделялся дворец Ибрагим-паши, великого везира султана Сулеймана I, воздвигнутый рядом с бывшим ипподромом. Неподалеку от мечети Сулейманийе был сооружен дворец другого вельможи, Сиявуш-паши, в котором было 300 комнат. В XVI—XVII вв. было построено несколько десятков дворцовых зданий, каждое из которых насчитывало по 400—500, а иногда и до 700 комнат. Большинство этих дворцов, принадлежавших приближенным султанов или высшим чинам османской администрации, было сооружено по проектам Синана и его учеников.

Более четырех с половиной веков древний город, ставший столицей Османской империи, не видел у своих стен вражеских войск, не испытывал тяготы осад. Но нельзя сказать, что многочисленные войны, которые

вели турецкие султаны в трех частях света, не затрагивали Стамбул, не отражались на его населении. В XV—XVII вв. военные походы султанов не ограничивались завоеванием новых огромных территорий; они приносили и огромную добычу, значительная часть которой попадала в Стамбул, увеличивая богатства султана и знати. Правящая верхушка империи, в свою очередь, стремилась поддерживать стабильный уровень жизни населения столицы, чтобы предотвратить взрывы народного недовольства. Примечательно, что в этот период столица практически не знала серьезных перебоев в снабжении, тогда как во многих провинциях голод был нередким явлением, особенно в конце XVI — начале XVII в. Султаны заботились не только о снабжении столицы, но и о развитии ремесел. Так, завоевав Каир, султан Селим I распорядился переселить в Стамбул тысячи искусных каирских ремесленников.

С конца XVII в., когда Османская империя все чаще и чаще стала терпеть поражения в войнах с Австрией, Польшей, Венецией и Россией, жителям Стамбула не раз приходилось испытывать материальные затруднения, вызванные непомерными военными расходами. Ночь на 12 сентября 1683 г., когда турецкая армия после двухмесячной безуспешной осады Вены потерпела у ее стен сокрушительное поражение, отозвалась в столице империи тревогой. Когда же через четыре года войска герцога Савойского разгромили турецкую армию в битве при Зенте (у реки Тисы), обратив в бегство самого султана Мустафу II, потерявшего в сражении своего великого везира, жители столицы впервые по-настоящему усомнились в победоносной силе войск султана. Правда, Османская империя была еще могущественна и военные успехи еще не раз сопутствовали ее войскам. Но снижение ее военной мощи, вызванное социально-экономическим и научно-техническим отставанием от европейских держав, стало необратимым процессом. Это убедительно подтвердили и поражения Турции в ее войнах с Россией 1768—1774 и 1787—1791 гг. В эти годы Стамбул все более ощущал ухудшившееся положение государства. Это сказывалось, в частности, в порче монеты, к которой власти не раз прибегали и ранее, с конца XV в. Но в последней четверти XVIII в. фальсификация монеты приняла невероятные размеры. Дело доходило до того, что даже фальшивомонетчики пускали в оборот монеты с большим содержанием се-

ребра, чем государственный монетный двор. Это вызвало резкое недовольство населения столицы, потому что отражалось на его материальном положении.

Османская столица не раз оказывалась ареной народных волнений, вызванных непосильными налогами и порчей монеты. Особенно значительным был бунт 1651 г. По распоряжению великого везира в цехах ремесленников и торговцев принудительно распределялись только что отчеканенные крайне низкопробные монеты, причем они навязывались горожанам по искусственно завышенному курсу. Урон был столь значительным, что начались волнения, охватившие более 50 тыс. ремесленников и торговцев Стамбула. Толпы людей заполнили улицы, громко требуя справедливости. Султан и его приближенные, напуганные размахом выступления, сочли за лучшее уступить бунтовщикам. Принудительный курс новых монет был отменен. Султану пришлось отказаться и от некоторых из нововведенных налогов, а также сместить великого везира и ряд савновников, вызвавших гнев горожан.

Всего через несколько лет столица на себе испытала горечь военного поражения турецких войск. В июле 1656 г. венецианская эскадра разгромила султанский флот. Весть об этом пришла в столицу одновременно с известием о том, что победители блокировали черноморские проливы. Это не замедлило сказаться на продовольственном снабжении Стамбула. Цены на рынках возросли, народ начал роптать. А во дворце тем временем разгорелась очередная схватка за власть. В роли главы заговорщиков, пытавшихся свергнуть султана, оказался шейх-уль-ислам. Правда, заговор не удался и его руководителя казнили.

Порой напряженная обстановка в столице бывала отголоском событий, происходивших весьма далеко от стен Стамбула. Так произошло в 1526—1527 гг., когда в ряде районов Малой Азии полыхал огонь народного восстания под руководством Календера Челеби. Султанские войска подавили его с большим трудом. Августовским днем 1527 г. великий везир Ибрагим-паша вступил в столицу как победитель повстанцев. К седлу его коня была прикреплена голова Календера Челеби. В конце XVI — начале XVII в. малоазиатские провинции империи более десяти лет снова сотрясали крестьянские восстания. Правительственные войска несколько раз терпели поражение в битвах с повстанцами. Из

Стамбула в повстанческие районы то и дело перебрасывались новые воинские части. Перелом наступил только после того, как часть примкнувших к повстанцам мелких феодалов, по разным причинам недовольных центральной властью, перешла на сторону султана. Но и после поражения главных сил повстанцев во главе с крестьянином Календер-оглу султанские войска более года проводили карательные операции, составляя устрашающие пирамиды из голов убитых или казненных повстанцев. Когда глава карателей Мурад-паша вернулся в декабре 1609 г. в Стамбул, он демонстрировал горожанам сотни знамен, захваченных во время боев с восставшими крестьянами. Число уничтоженных победителем людей было чудовищно: от 60 тыс. до 100 тыс. Впрочем, мы уже отмечали, что жителям средневекового Стамбула жестокость была не в диковинку.

Стамбул был крупнейшим торговым и ремесленным центром империи османов. По данным Эвлии Челеби, в середине XVII столетия в Стамбуле насчитывалось более 23 тыс. ремесленных мастерских, в которых трудилось около 80 тыс. человек. Число лишь крупных купцов, преимущественно оптовиков, превышало 15 тыс. Им принадлежали почти 32 тыс. магазинов, лавок и торговых складов. В Стамбуле действовало 65 корпораций мелких торговцев — лавочников и лоточников. Они контролировали более 14 тыс. лавок. В сфере мелкой торговли было занято почти 50 тыс. жителей столицы.

Весь торговый и ремесленный люд Стамбула был объединен в цехи. Так, швейное производство было представлено 19 цеховыми организациями, кожевенное — 35, оружейное — 36, строительное — 44, булочное и кондитерское — 29. Право открывать в городе мастерские или лавки предоставлялось только мастерам, подмастерья и ученики были полностью подчинены воле мастера. Общими вопросами деятельности цехов ведали избиравшиеся мастерами цеховые советы. Главой цеха был староста — кетхюда. Он представлял интересы цеха в правительственных учреждениях и решал все споры, возникавшие между его членами. Цеховые советы строго наказывали нарушителей цеховых уставов — их в зависимости от проступка штрафовали, били палками по пяткам, на время закрывали мастерскую; самым большим наказанием было изгнание из цеха.

Городские власти контролировали деятельность

цехов. Специальные чиновники наблюдали за распределением между цехами необходимых им товаров и изделий, за производством и качеством продукции, взиманием налогов, исполнением правительственных установлений, касавшихся цен. Жизнь ремесленников-немусульман регулировалась не только султанскими властями и цеховыми советами, но и советами их религиозных общин. Решения последних имели для них такую же силу, как и распоряжения городских властей. Более того, советы общин отвечали перед властями за порядок в подведомственных им цехах. Среди наиболее квалифицированных ремесленников Стамбула было много немусульман. В цехах ювелиров преобладали греки, а среди пекарей было много армян. Особенно много греков, армян и евреев участвовало в торговых операциях, они преобладали и в сфере ростовщичества.

Цены на продукцию ремесленников регламентировались столь же тщательно, как цены на продовольствие. Особенно строго определялись цены на пользовавшиеся широчайшим спросом кожаные изделия, особенно обувь, а также на все виды сапожных работ и необходимые для них материалы. Твердые цены устанавливались и на другой вид популярных товаров — шорноседельные изделия, а также на ткани, головные уборы, одежду, оружие. Строго регламентировались и цены на лесоматериалы, а их покупка в селах, в обход городской торговли, наказывалась. Все виды бытовых услуг, в частности труд цирюльников и банщиков, также детально регламентировались. Мухтесиб контролировал не только деятельность ремесленных и торговых цехов, но и работу аптекарей и врачей. Цены на все виды продукции устанавливались с таким расчетом, чтобы прибыль производителя не превышала 10%. Лишь в некоторых, особенно трудоемких видах ремесла допускалась прибыль в размере 20%. Существовала также система штрафов. В обувном производстве она выглядела довольно обоснованной: если обувь преждевременно распарывалась по шву, штраф платил сапожник, а если разрывалась кожа (верх или подошва) — кожевник.

О качестве изделий стамбульских ремесленников свидетельствуют блестящие отзывы многих европейских путешественников XVII в. Особенно славилась столица работами ювелиров и граверов, чеканщиков и оружейников. Стамбул был главным центром производ-

ства оружия в империи. Здесь тысячами изготавливались кинжалы, копья и ружья, шлемы и щиты, наконец, знаменитые ятаганы, без которых мы и представить себе не можем средневековых турецких воинов. Значительная часть оружия богато отделывалась, создавались и редкие по художественному достоинству образцы. Славилась и изделия стамбульских кожевников, частично вывозившиеся в Европу. В мастерских Ускудара выделялись высококачественные шелковые и бархатные ткани, великолепная парча.

Каждый цех ежегодно или один раз в несколько лет устраивал праздник, длившийся иногда целую неделю. Эти праздники превращались в своеобразные ярмарки, на которых демонстрировалась и продавалась продукция ремесленников цеха. Во время церемонии восшествия на престол нового султана стамбульские цехи участвовали в параде, причем каждый цех сооружал катящиеся подмости, на которых изображалась та или иная лавка или мастерская.

Крупным центром международной торговли был стамбульский порт. В гавани Золотого Рога постоянно находились сотни судов из разных стран. Суда европейских купцов обычно швартовались к тому берегу Золотого Рога, на котором были расположены торговые ряды Галаты.

Стамбульский порт был также значительным центром транзитной торговли. Через него шел в Европу поток товаров, доставлявшихся из Малой Азии. Это обстоятельство, как и само местоположение города, разделенного морскими водами на три части, привело к появлению целой армии лодочников. Переброской людей и грузов через Босфор и Золотой Рог было занято в XVI—XVII вв. около 15 тыс. лодочников.

В эпоху средневековья Стамбул был в основном городом-потребителем. Продукция многочисленной армии ремесленников шла почти целиком на местный рынок. Кроме того, процветала торговля привозными товарами, что позволяло снабжать жителей города продуктами питания и обеспечивать ремесленное производство сырьем. Со всего света стекались в Стамбул различные товары, в том числе предметы роскоши для сановной знати и именитого купечества.

Вопросы судопроизводства находились в компетенции кадиев, среди которых первое место занимал кадий Стамбула. Кадиям были подчинены чиновники, инспек-

тировавшие деятельность торговых и ремесленных корпораций. Эйюб, Галата и Ускюдар были разбиты на более мелкие административные единицы — нахийе, во главе которых стояли подчиненные кадиям нахибы, осуществлявшие в числе прочих и судебные функции.

Полицейская служба в столице была подчинена крупным военачальникам. Например, янычарский ага руководил полицейской службой в большей части собственно Стамбула, командующий артиллерией — в кварталах Топхане и Перы, а капудан-паша (командующий флотом) — в Галате и в районе морского арсенала Касымпаша. Специальные полицейские чины, именовавшиеся «асес-баши», отвечали за безопасность и порядок в городе в темное время суток. В каждом квартале ночная охрана была представлена сторожем, который подчинялся асес-баши. Уголовная полиция была довольно многочисленной, имела и тайных агентов. По свидетельству многих европейских путешественников XVI-XVII вв., убийства в средневековом Стамбуле были явлением сравнительно редким. Одна из причин этого необычного для огромного портового города положения заключалась в том, что если убийцу не удавалось обнаружить, то жители квартала, где произошло преступление, должны были платить значительный денежный штраф.

Префект Стамбула — шехир-эмини — руководил всем, что относилось к делам строительства, отвечал за ремонт зданий, а также за снабжение города водой. Без разрешения подчиненного префекту главного архитектора — мимар-баши — в Стамбуле нельзя было ничего строить. Чиновники ведомства мимар-баши могли приказать снести ветхое строение, наложить штраф за содержание дома в плохом состоянии. Существовала специальная служба, отвечавшая за чистоту улиц. Таким образом, муниципальная служба Стамбула была для своего времени неплохо организована.

В эпоху средневековья столица Османской империи не отличалась значительным развитием науки, литературы и искусства. И все же в этом городе чиновников и воинов, ремесленников и торговцев прошла жизнь некоторых видных деятелей турецкой культуры. Во второй половине XV в. здесь жил теолог, математик и астроном Лютфи Такади, создавший труд о классификации наук. Увлечение творениями древнегреческих философов и общение со стамбульскими учеными-греками бы-

ло, вероятно, одной из причин того, что Лютфи Такади был признан еретиком и казнён. Примерно в те же годы в Стамбуле работал соратник знаменитого узбекского астронома и математика Улугбека Али-Кушчу, организовавший в султанской столице первую в Османской империи математическую школу. В первой четверти XVI в. в Стамбуле стало известно имя турецкого мореплавателя Пири Реиса, который в 1517 г. преподнес султану Селиму I свой труд — карту мира, составленную по многим другим картам, в том числе по карте, принадлежавшей самому Колумбу. Подробнейшее описание Стамбула XVII в. составил Эвлия Челеби, чей многотомный труд «Книга путешествий» является ценным источником по истории и географии Османской империи и многих европейских и азиатских стран. Современник Эвлии Челеби, энциклопедист Хаджи Хальфа (Кятиб Челеби), в середине XVII в. по поручению султана Мехмеда IV участвовал в подготовке законов, направленных на улучшение финансового положения империи. Он вошел в историю и как составитель трактата о мерах по ликвидации неурядиц в государственных делах. Его перу принадлежит много исторических сочинений, а также библиография книг на арабском, персидском и турецком языках, включающая 8 тыс. имен.

В Стамбуле жило немало поэтов, но лишь немногие вошли в историю турецкой литературы. Назовем талантливого лирика, любимца султана Сулеймана I и его преемников, Баки (1527—1600), а также блестящего сатирика Нефи (1572—1635). Сатирические стихи Нефи, обличавшие бездарных и корыстолюбивых сановников, стоили ему жизни. С согласия султана Мурада IV один из задетых сатириком везиров пригласил его в свой дом, где поэт был убит.

Основные стороны жизни Стамбула, сложившиеся в эпоху расцвета Османской империи, длительное время оставались без особых изменений. Лишь в XVIII столетии появляются новые веяния. Начавшийся в XVII в. упадок империи стал в XVIII в. особенно ощутимым на фоне экономического и культурного прогресса Западной Европы. Знакомство с опытом развитых европейских стран, в частности Франции, побуждало наиболее дальновидных государственных деятелей стремиться к проведению реформ на европейский лад. В Стамбул стали приезжать приглашенные Высокой Портой европейские инженеры, специалисты в области военного искусства и

врачи; его начали посещать видные европейские ученые, музыканты, художники и литераторы. Одним из результатов пребывания турецкого посольства во Франции (1720 г.) было создание в Стамбуле типографии, печатавшей книги на турецком языке.

Первый печатный станок появился в Стамбуле еще в конце XV в., когда здесь была открыта еврейская типография. В 1565 г. в турецкой столице возникла армянская типография, а в 1627 г. греческие монахи основали здесь типографию, печатавшую книги на греческом языке. Турецкие власти между тем категорически запрещали действовавшим в Стамбуле типографиям выпускать книги не только на турецком, но и на арабском и персидском языках. Когда же в европейских типографиях в XVI—XVII вв. начали печатать книги на арабском языке (в 1542 г. был издан Коран, в 1593 г. — знаменитый «Канон» Ибн Сины), правители Османской империи долгое время не разрешали их ввоз в страну. Мусульманские религиозные сочинения, изданные типографским способом, были объявлены «печистыми» и подлежали немедленному уничтожению, если попадали в пределы империи.

До появления в Турции первых печатных книг образованная прослойка турецкого общества Стамбула пользовалась рукописями. Мусульманский обычай создавать хранилища рукописных книг в качестве богоугодного дела был в Стамбуле широко распространен. В городе существовало множество частных библиотек, в которых хранились десятки тысяч рукописей на арабском, персидском и турецком языках. В 1719 г. была создана и дворцовая библиотека. Однако рукописная книга не могла полностью удовлетворить интерес к математике, астрономии, естествознанию, медицине. По мере знакомства с достижениями европейской науки и культуры потребность в печатной книге все более увеличивалась.

В 1726 г. Ибрагим Мутеферрика (венгр, принявший ислам) и Саид-эфенди обратились к великому везиру Ибрагим-паше с просьбой разрешить открыть типографию для печатания книг на турецком языке. 5 июля 1727 г. султан Ахмед III издал указ, разрешавший открыть типографию; однако указ запрещал публикацию книг религиозного содержания. То была уступка мусульманскому духовенству, решительно возражавшему против «осквернения» Корана и других религиозных

книг. Между тем именно эта уступка невольно оказала услугу делу культурного развития страны и ее столицы: на турецком языке стали издаваться книги светского характера, способствовавшие распространению научных знаний.

Первая турецкая типография была открыта в Стамбуле в доме Ибрагима Мутеферрика в квартале Султан Селим. 31 января 1729 г. в свет вышла первая печатная книга — переведенный на турецкий язык арабский толковый словарь Джаухари, составленный в XVI в. В мае Ибрагим Мутеферрика издал географическое сочинение известного турецкого ученого XVII в. Хаджи Хальфы, затем в свет вышло несколько книг по истории. Наконец, была издана «Турецкая грамматика», составленная монахом-иезуитом Холдерманом. И хотя после смерти основателя первой турецкой типографии книгоиздательское дело у турок захирело надолго, она сыграла большую роль в развитии турецкой культуры.

Последнее десятилетие царствования султана Ахмеда III (1703—1730) вошло в историю Османской империи как «эпоха тюльпанов». Это название связано с тем, что после возвращения в 1720 г. турецкого посольства из Франции султан и столичная знать, наслушавшись рассказов о великолепных дворцовых парках и садах Франции, вознамерились завести такие же в турецкой столице. На берегах Босфора и Золотого Рога появилось множество садов, где чаще всего выращивались тюльпаны. В те годы даже ко всему привычные стамбульцы поражались огромным тратам высших сановников, которые сооружали себе дворцы в стиле барокко по привезенным из Франции проектам. В этот период и для султана было построено несколько зимних и летних дворцов, в том числе роскошный дворец Саадабад на берегу речки Татлы-су («Сладкие воды»). В столице появилось несколько парков, на территории которых были сооружены фонтаны на европейский манер. Столичная знать стремилась перенять манеры французской аристократии. В моду вошли празднества и увеселения, для которых великий везир приказал доставить в столицу из провинции около 2 тыс. музыкантов, 500 поваров, множество гимнастов, фокусников и мимов. Время от времени в Стамбуле устраивались представления, спортивные игры или скачки для развлечения простых горожан. И на все это тратилась уйма денег из казны, положение которой отнюдь не было блестящим.

В первой половине XVIII в. в Стамбуле возникли первые военные учебные заведения европейского характера, что объяснялось стремлением правительства модернизировать армию. В 1737 г. в Ускюдаре при артиллерийских казармах было открыто первое в Турции учебное заведение, где изучались точные науки, в частности прикладная математика. Его организовал Хумбарджи Ахмед-паша (в прошлом граф Бонневаль) для подготовки образованных офицеров. Несколько позже, в 1761 г., в Стамбуле при содействии иностранного советника турецкой армии барона де Тотта было открыто несколько специальных школ для навигаторов, артиллеристов и фортификаторов. В 1773 г. в Сютлюдже было основано морское инженерное училище. Примечательно, что непосредственным поводом к его созданию послужило поражение, нанесенное турецкому флоту русской эскадрой в Чесменском бою (7 июля 1770 г.)

К концу XVIII в. Стамбул был огромным разноликим городом, привлекавшим не только путешественников, но и европейских специалистов, искавших здесь выгодную службу. Стамбул оставался столицей огромного государства, обладавшего огромными материальными ресурсами и немалой военной мощью. Но упадок Османской империи — экономический и военный — был столь очевиден, что необходимость поисков выхода из тяжелого положения стала все более сознаваться правящими кругами страны. Древнему городу на берегах Босфора предстояли многие перемены.

Глава IX

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

В XIX в. Османская империя вступила, потеряв былое могущество. Неуклонно развивавшийся экономический и политический кризис поставил ее на грань катастрофы. Правители страны были вынуждены пойти наперекор консервативным традициям и осуществить ряд военных и административных реформ.

С 1789 по 1807 г. трон занимал султан Селим III. Он проявил интерес к реформаторским идеям еще до вступления на престол, живо интересовался военной наукой и военным делом в европейских государствах. В его окружении было немало сановников, сознававших, что многие беды их страны проистекают из-за превосходства европейских держав над Османской империей в управлении государством и в мощи вооруженных сил. Селим III и начал с создания нового, по-европейски организованного и обученного пехотного войска. Султанский указ об этом был издан в 1793 г. В живописной местности на полпути между Перой и Бююкдере, в Левенд-Чифтлике, султан приказал построить отличные казармы. Он не раз приезжал сюда, чтобы наблюдать за военными учениями. Казармы и учебные плацы были сооружены и в Ускюдаре. Там же по распоряжению султана в 1795 г. была построена большая типография с арабским и латинским шрифтами. За три года до этого возобновила работу первая турецкая типография, не действовавшая несколько десятилетий. Такие важные сдвиги в книгопечатании были крупными событиями в культурной жизни Стамбула.

Селим III сделал немало и для развития артиллерии и флота. В арсенале Топхане появились европейские инженеры, мастера и инструкторы, в основном француз-

зы. Артиллерийские части получили пушки нового образца. В короткий срок было построено много новых военных кораблей. Нужны были турецкие специалисты. Поэтому в 1792—1793 гг. было расширено морское инженерное и открыто сухопутное инженерное училище в Стамбуле. На турецкий язык стали переводиться европейские труды по математике, военному делу и некоторым другим отраслям науки. Печатались они в стамбульских типографиях.

Реформы Селима III, не дав значительных результатов (численность нового войска к 1804 г. достигла лишь 12 тыс. солдат), вызвали открытое противодействие феодально-клерикальной реакции. Орудием противников реформ стал янычарский корпус. Все началось в Эдирне, где взбунтовались янычары, недовольные появлением в Румелии контингента новых войск. Затем улеме начали накалять обстановку в Стамбуле, проповедуя идею несовместимости реформ с Кораном и шариатом. Наконец, группа сановников составила заговор против Селима III. 25 мая 1807 г. началось восстание ямаков — солдат вспомогательных войск. 29 мая Селим вынужден был отречься от престола. Его преемником стал крайне консервативный султан Мустафа IV. Правда, его царствование оказалось недолгим. Группа поддерживавших Селима III сановников — сторонников реформ во главе с Мустафой-пашой Байрактаром собралась в Румелии большое войско и двинула его на столицу. 21 июля 1807 г. на улицах Стамбула появились первые отряды Байрактара, а через неделю в столицу вступила вся пятнадцатитысячная армия. Но когда люди Байрактара ворвались в султанский дворец, Селима уже не было в живых: его удушили по приказу Мустафы IV. Байрактару оставалось одно — возвести на престол другого отпрыска династии, Махмуда II, которому суждено было царствовать долго и войти в историю своей страны в качестве реформатора.

Судьба самого Байрактара оказалась трагической. В ночь с 14 на 15 ноября 1807 г. в столице вспыхнул бунт янычар против Байрактара и его сторонников. Это произошло настолько неожиданно, что Байрактар не успел организовать сопротивление. 12 часов он мужественно защищался в собственном доме против множества янычар. Он забаррикадировался в каменной башне, а когда понял, что дело проиграно, взорвал ее, выстрелив в бочку с порохом. Утром следующего дня янычары и прим-

кнувшие к ним фанатичные горожане попытались добиться восстановления на троне Мустафы IV. Лишь решительные действия султана, приказавшего казнить Мустафу и оказавшегося, таким образом, единственным представителем османской династии, сохранили за ним престол. Затем Махмуд II двинул против бунтовщиков расквартированные в Стамбуле части новых войск. Бунтовщики, в свою очередь, сожгли казармы в Левенд-Чифтлике и Ускюдаре. В конце концов султан, следуя примеру многих своих предшественников, пошел на уступки бунтовщикам, отстранив от власти (но не казнив, как они того требовали) нескольких неудобных им сановников. Мятеж на этом закончился, но борьба против нововведений продолжалась.

В начале второй четверти XIX в. Стамбул стал свидетелем падения одного из бастионов феодально-клерикальной реакции — корпуса янычар. История его ликвидации — одна из наиболее драматических страниц в летописи Стамбула.

15 июня 1826 г. янычары, недовольные военными реформами, восстали против султана Махмуда II. После захода солнца они заполнили площадь Этмейдан, бывший ипподром византийской столицы, и начали громить дома сановников. Мятежники предъявили султану требование — отменить изданный 29 мая указ о создании регулярного пехотного корпуса. Пока янычары занимались привычным делом — грабили и жгли дома знати, султан и великий везир энергично готовились к подавлению мятежа. Затем Махмуд II двинул против бунтовщиков верные ему войска, в основном артиллерийские части и по-европейски обученные новые формирования. Вскоре бунтовщики были окружены и блокированы на площади Этмейдан. Однако они отклонили предложение выразить покорность султану и сложить оружие. Тем временем Махмуд II обсудил с улемами вопрос о судьбе мятежников. Улемы признали, что они заслуживают смерти. Тогда султан обратился к жителям столицы, призывая добрых мусульман помочь властям в борьбе с бунтовщиками. Призыв был горячо воспринят населением, давно страдавшим от своеволия и бесчестия янычар. Множество жителей мусульманских кварталов поспешили к площади Этмейдан, чтобы поддержать действия войск, взявших мятежников под прицел орудий. Мятежники упорствовали, не желая смириться. Тогда заговорили пушки. В течение каких-

побудь четырех-пяти часов бунт был подавлен. Артиллерийский огонь и пламя пожара, охватившего казармы янычарского корпуса, уничтожили несколько тысяч человек. Тех, кто остался в живых, добивали ворвавшиеся на площадь солдаты артиллерийских частей. Затем по всему городу началась охота за янычарами. Многих убивали там, где они были схвачены. Более 300 человек было казнено по приговору специально созданного суда. 17 июня было объявлено о ликвидации янычарского корпуса.

Ликвидация частей янычарского корпуса, расквартированных в провинциях, прошла без особой задержки, власти действовали решительно. В различных городах империи было убито около 30 тыс. янычар; кое-кто из них пытался сопротивляться, но безуспешно.

17 октября 1826 г. в Стамбуле вновь вспыхнул мятеж. Те из улемов, кто проклинал султана за «гяурские» (т. е. в духе «неверных») действия, подбили на выступление против Махмуда II янычар, еще до июньских событий переведенных в новый пехотный корпус. Мятежники потребовали восстановления янычарского корпуса и отказа от всех новшеств в армии. Султан и Порта опять проявили решительность, бунт был ликвидирован немедленно. 800 бунтовщиков казнили, а около 2 тыс. отправили в ссылку. Вскоре Махмуд II ликвидировал тесно связанные с янычарским корпусом подразделения ямаков, восстание которых стоило трона и жизни Селиму III. Уничтожив янычарскую вольницу, Махмуд II устранил очень важное препятствие на пути обновления страны, ибо реакционные сановники и фанатичные улемы лишились своей главной опоры в борьбе с реформаторами.

После окончательной ликвидации янычар султан продолжил перестройку армии и флота. Французские и английские инженеры начали работать в морском арсенале столицы, где в те годы строилось много кораблей, в том числе крупных.

Не прошло и пяти лет после этих бурных событий, как столице империи вновь пришлось пережить тревожные дни. Связаны они были на сей раз с внешними обстоятельствами. Давно назревавший конфликт между султаном Махмудом II и его вассалом, наместником Египта Мухаммедом Али, вылился в 1831 г. в открытое военное столкновение. Османская империя была в тот момент серьезно ослаблена русско-турецкой войной

1828 — 1829 гг., сыгравшей историческую роль в судьбах балканских народов: в результате войны, которая окончилась победой русского оружия, добились независимости греки, почти десять лет сражавшиеся за свое освобождение от турецкого ига; статус автономного государства получила Сербия. Таким образом, война с Египтом возникла в нелегкое для империи время. И началась эта война крайне неудачно: египетские войска наголову разбили турецкую армию в сражении у Коньи, в плен попали великий везир и весь его штаб. Силы Мухаммеда Али направились к Бурсе, более не встречая серьезного сопротивления. Угроза их движения на Стамбул стала настолько реальной, что султан решил принять военную поддержку от императора Николая I. В феврале 1833 г. в водах Босфора появились русские военные корабли. Десятитысячный русский десант расположился лагерем в долине Хункяр Искелеси. Эта решительная военно-морская демонстрация остановила Мухаммеда Али. Между ним и султаном начались переговоры. В апреле — мае русские части и корабли покинули турецкую территорию, а об их пребывании в этих местах отныне напоминает гранитная глыба высотой в пять метров с благодарственными словами за дружескую помощь в тяжелую пору.

Турецко-египетский конфликт продолжался до самой смерти Махмуда II. Летом 1839 г. столица империи была ошеломлена известием о полном разгроме турецкой армии в битве под Низибом (Северная Сирия). Даже султанский флот в результате измены его командующего перешел на сторону Мухаммеда Али. Правда, вмешательство европейских держав привело к умиротворению египетского паши, но положение Османской империи — военное, политическое и экономическое — оставалось трудным. Преемник Махмуда II, султан Абдул Меджид I, и его окружение попытались найти выход в реформах.

День 3 ноября 1839 г. вошел в историю Османской империи как начало новой полосы реформ. Их вдохновитель, крупный государственный деятель Решид-паша, организовал на площади перед летним дворцом султана пышную церемонию провозглашения указа о реформах, известного по названию этого дворца как Гюльханейский. Недалеко от дворца были сооружены трибуны, на которых расположились столичная знать, высшее мусульманское духовенство, главы немусульманских об-

щин, представители городских цехов, иностранные дипломаты. За трибунами были размещены войска, которым предстояло приветствовать столь важное событие. Султан Абдул Меджид наблюдал за торжествами из окна дворца.

Реформаторы отнюдь не чурались традиций. Вначале придворный астролог оповестил о наступлении благоприятной для чтения акта минуты. Затем Решид-паша огласил текст написанного им султанского указа, провозгласившего гарантии безопасности жизни, чести и имущества всех без различия вероисповедания подданных султана, справедливое взимание налогов и податей, ликвидацию откупной системы их сбора, улучшение системы судопроизводства, наведение порядка в наборе рекрутов. Церемония закончилась традиционной молитвой имама, вознесшего к Аллаху просьбу о помощи в намеченных преобразованиях, и артиллерийским салютом.

За Гюльханейским рескриптом последовала целая серия реформ, несколько изменивших порядки в империи. В период Танзимата («танзимат» по-турецки — «реформы»), т. е. в 30—60-е годы XIX в., постепенно начали приобретать европейские черты многие правительственные ведомства.

В начале второй половины XIX в. структура высших государственных учреждений османской столицы уже была весьма разветвленной. Многие тысячи чиновников трудились в правительственных ведомствах и департаментах. Министерств было десять — военное, морское, иностранных дел, юстиции, финансов, народного просвещения, полиции, торговли, общественных работ и вакуфов. Роль министерства внутренних дел играла канцелярия мустешара (советника) великого везира. Министры во главе с великим везиром составляли Высший совет империи, в который входили также шейх-уль-ислам, председатель созданного в 1868 г. Государственного совета, несколько высших сановников и префект столицы. Высший совет собирался еженедельно для обсуждения государственных дел. Председательствовал сам султан, а в его отсутствие, что бывало весьма часто, заседания совета вел великий везир.

Османская табель о рангах имела множество ступеней и градаций. Одни только чиновники центральной администрации (калемийе) делились на пять разрядов, высший из которых соответствовал чину ферики — дивизионного генерала.

Европейские принципы организации государственного управления требовали и нового чиновничества. Процесс создания новой бюрократии длился несколько десятилетий. На первых порах большую роль в нем сыграло существовавшее в Стамбуле бюро переводчиков (терджюман одасы); оно стало центром подготовки не только дипломатов, но и политических деятелей. Султан основал это бюро после греческого восстания 1821 г., когда Порта перестала доверять служившим правительственными переводчиками грекам-фанариотам. Из этого учреждения вышли многие крупные государственные деятели середины XIX в. Позже кадры чиновников столичных учреждений стали пополняться выпускниками новых светских средних и специальных учебных заведений.

Административные и муниципальные ведомства столицы также претерпели к середине века некоторые изменения. Стамбул и его округ составили самостоятельный вилайет (генерал-губернаторство), делившийся на четыре мутесаррыфлыка (губернаторство) — собственно Стамбул, Пера, Ускюдар и Бююк Чекмедже (район в европейской части Турции, прилежавший к территории столицы). Муниципальными делами ведала префектура, столица была разделена на 14 муниципальных участков. Численность населения, по переписи 1844 г., составляла около 800 тыс. человек. В 70-х годах XIX в., по данным столичных властей, в городе проживал примерно миллион человек; по данным же европейской статистики, в Стамбуле в это время было 1200 тыс. жителей, в том числе 620 тыс. мусульман и 580 тыс. немусульман.

Постепенно стал меняться и облик населения столицы. Специальные указы регламентировали внешность правительственных служащих. Был издан даже указ, требовавший, чтобы длина усов сообразовывалась с длиной бровей. Европейское влияние стало постепенно сказываться на одежде и манерах чиновничества, купечества, нарождавшейся интеллигенции. Один из современников отмечал, что восточные одеяния начали в столице уступать место европейским, на смену традиционной чалме пришел новый головной убор — феска, уменьшились и размеры бород. «Молодое поколение высшего турецкого сословия, — писал этот автор, — затараторило по-французски, картавя и жеманясь; лакированные ботинки заступили место желтых туфель, босые ноги богатых жепщин оделись в тонкие, хорошо натянутые чулки, и

даже некоторые талии, кажется, уже сжимаются корсетами. Развелись европейские экипажи на лежачих рессорах...».

Даже в поведении султанов кое-что изменилось. Российский дипломат К. Базили, хорошо знавший Стамбул первой половины XIX в., отмечая перемены в устоявшихся привычках жителей столицы, приводил пример самого султана Махмуда II. Он сравнительно просто одевался, Босфор пересекал без прежнего эскорта из двух десятков разукрашенных гондол, на скромном восьмивесельном канке. Лишь традиционный пятичленный выезд султана в мечеть сохранял некоторую пышность. Уменьшилось и число придворных и дворцовой челяди, хотя султанский двор по-прежнему дорого обходился государственной казне.

Перемены, однако, не ограничились внешними проявлениями. В середине XIX в. Стамбул стал центром формирования турецкой интеллигенции, влияние которой в скором времени начало ощущаться во всех сферах политической и культурной жизни столицы. Формированию интеллигенции особенно способствовало развитие светской школы. В 1826 г. в Стамбуле было открыто военно-медицинское училище. Несколько позже были созданы несколько новых военных училищ, а также учебные заведения для подготовки чиновников гражданских ведомств. В 1846 г. в предместье Стамбула была открыта Сельскохозяйственная школа, а в 1850 г. и Ветеринарная школа. К середине столетия появились и первые общеобразовательные светские начальные школы.

В 1848 г. в столице было открыто первое в Турции мужское педагогическое училище. К 1874/75 г. в Стамбуле насчитывались уже 264 светские начальные школы, в том числе 25 женских; в них обучалось 13 тыс. детей. Если принять во внимание, что мусульманское население Стамбула составляло примерно 600 тыс. человек, то на 40—50 жителей приходился всего один учащийся светской школы. И все же это были важные для турецкого общества культурные сдвиги.

В 1853—1855 гг. жизнь турецкой столицы оказалась связанной с Крымской войной, в которой Англия и Франция выступили на стороне Османской империи. Военные действия развернулись на Дунайском и Кавказском театрах. Русские войска одержали ряд побед на суше и на море (знаменитое Синопское сражение).

1854—1855 годы были ознаменованы героической обороной Севастополя. В результате затяжной войны Турция лишилась значительной части армии, а также истощила свои материальные ресурсы. Тяготы войны легли на народные массы. Испытали их во всей полноте и жители Стамбула.

18 февраля 1856 г., за неделю до открытия мирного конгресса в Париже, был опубликован новый указ о реформах, суть которого заключалась в подтверждении гарантий Гюльханейского указа 1839 г. о льготах и привилегиях немусульманских подданных султана и их полном равенстве с мусульманами перед законом. Этот указ, имевший явную внешнеполитическую направленность, стимулировал дальнейшие реформы в сельском хозяйстве, законодательстве, административной системе, в области просвещения и культуры.

В 70-х годах XIX в. в Стамбуле появились первые светские средние школы, 1 сентября 1868 г. был открыт Галатасарайский лицей. Его выпускники — школьные учителя, офицеры армии и флота, чиновники — пополняли ряды молодой турецкой интеллигенции. Галатасарайский лицей был привилегированным учебным заведением, ему покровительствовали султан и Порты. Значительную помощь в его создании оказала Франция, направившая в лицей опытных преподавателей. С помощью Франции там были созданы хорошая библиотека и несколько лабораторий.

Крупным событием в культурной жизни Стамбула стало открытие университета. В начале 60-х годов было в основном завершено строительство университетского здания, создана библиотека (около 4 тыс. томов на различных языках), в европейских странах были заказаны оборудование и наглядные пособия. Организации первого турецкого университета немало способствовала деятельность учрежденного в 1861 г. в Стамбуле Османского научного общества, которое ставило перед собой широкие задачи просветительского характера. Общество создало в Стамбуле публичную библиотеку в 600 томов с читальней, организовало курсы по изучению английского и французского языков. С июля 1862 г. оно начало издавать ежемесячный «Журнал наук» — первый в истории Турции научно-популярный журнал. В нем в течение четырех лет публиковались статьи по гуманитарным и естественным наукам, очерки о политическом положении в различных странах. Не случайно именно чле-

ны общества стали первыми лекторами университета.

Официальное открытие университета состоялось 20 февраля 1870 г. Но еще 31 декабря 1863 г. там состоялась первая публичная лекция, собравшая немалую по тому времени для Стамбула аудиторию — 300 слушателей. Лекцию по физике читал Дервиш-паша, получивший образование в Европе. Публичные лекции были проведены и по ряду других дисциплин — по естествознанию и математике, астрономии и истории. Лекции по истории читал видный историк и деятель турецкого просвещения Ахмед Вефик-эфенди. Правда, большинство слушателей имело явно недостаточную подготовку. Например, опыты, которыми сопровождалась многие лекции, воспринимались ими как фокусы или чудеса.

Судьба первого в Стамбуле университета была незавидной. Вскоре выяснилось, что нет ни преподавателей, ни достаточного числа учебников. Университет был низведен фактически до положения среднего учебного заведения, а в конце 1871 г. в результате резких нападков реакционного мусульманского духовенства его вообще закрыли. В 1874 г. возобновились попытки открыть университет, на этот раз на базе Галатасарайского лицея. Но они тоже кончились неудачей из-за серьезных трудностей с кадрами преподавателей. Наконец, в 1900 г. в Стамбуле был открыт Султанский университет с тремя факультетами — теологическим, литературным и техническим. На этот раз университет стал постоянно действующим высшим учебным заведением, хотя в условиях диктатуры султана Абдул Хамида II он был, по выражению одного из турецких историков просвещения, учреждением «весьма худосочным и безмолвным».

Как бы ни был сложен и труден путь светских учебных заведений Стамбула, их существование изменило культурную атмосферу в столице, привело к созданию прослойки образованных людей. В формировании молодой национальной интеллигенции огромную роль сыграла и стамбульская турецкая пресса. Развитие ее происходило быстрыми темпами. С 1 ноября 1831 г. начала издаваться первая официальная газета на турецком языке — «Таквим-и векап» («Календарь событий»). А в 1876 г. в Стамбуле выходило уже 13 газет на турецком языке, в их числе 7 ежедневных. В том же году в столице Османской империи выходили 34 газеты на других языках: по 9 — на греческом и на армянском, 7 — на французском, 2 — на английском, 1 — на немецком, 3 —

на болгарском, 2 — на еврейском и 1 — на арабском языке.

К тому времени Стамбул превратился и в крупный книгоиздательский центр. В конце 70-х годов XIX в. в городе насчитывалось несколько десятков государственных и частных типографий. Они поставляли на книжный рынок десятки тысяч экземпляров различных книг. В столице печатались не только религиозные мусульманские сочинения (ограничения на их издание постепенно отменили к концу 60-х годов), но и школьные учебники, памятники арабской и персидской классической литературы, сочинения турецких литераторов. В стамбульских книжных лавках можно было купить турецкие переводы произведений Мольера и Ламартина, Гюго и Дюма-отца, Дефо и Свифта. Печатались переводы извлечений из сочинений Монтескье, Вольтера и Руссо.

Определенную роль в культурной жизни Стамбула играли иностранные учебные заведения. Еще в XVI в. французские католические миссионеры при поддержке правительства Франции начали создавать свои школы в Османской империи. К середине же XIX столетия в одном только Стамбуле было более 40 французских католических школ, из них половина женских; более двух третей учащихся составляли местные жители-католики. Действовало также несколько бельгийских и итальянских школ. С середины XIX в. активно стали создавать свои школы в Османской империи, в том числе в столице, протестантские миссионеры, поддерживавшиеся правительством США. В сентябре 1863 г. в Стамбуле, в квартале Бебек, был открыт американский «Роберт колледж», который с годами стал чрезвычайно популярен в среде турецкой интеллигенции. Будучи наиболее крупным в Османской империи центром пропаганды протестантизма, этот колледж содействовал укреплению политического и культурного влияния США во владениях султана. Впрочем, аналогичные цели преследовали все иностранные школы в Османской империи. В конце XIX в. в Стамбуле, с ростом германской экспансии на Ближнем Востоке, появилось несколько немецких и австрийских школ. В 1879 г. была открыта русская женская школа, а в 1892 г. — русское училище; эти учебные заведения были рассчитаны преимущественно на детей русских дипломатов. Несмотря на вполне определенную политическую и культурную ориентацию большинства

иностранных школ, они в немалой степени содействовали формированию различных национальных групп стамбульской интеллигенции.

В 60—70-х годах Стамбул стал центром общественно-политической деятельности турецкой интеллигенции, в среде которой возникло движение за превращение Османской империи в конституционную монархию. Пробуждению общественного мнения во многом способствовала созданная писателем-просветителем Ибрагимом Шинаси газета «Тасвир-и эфкяр» («Изображение идей»), первый номер которой вышел в Стамбуле 28 июня 1862 г. Эта газета сыграла большую роль в пропаганде передовых для Турции того времени воззрений буржуазного Запада, в идейном формировании первых турецких конституционалистов. В 60—70-х годах видное место в стамбульской прессе занимали газеты, издававшиеся лидерами этого общественного движения — Али Суави («Мухбир» — «Корреспондент», 1867 г.) и Намыком Кемалем («Ибрет» — «Назидание», 1872—1873 гг.).

В июне 1865 г. в пригороде Стамбула Еникее состоялось первое собрание основателей тайного «Общества новых османов», деятельность которого подготовила почву для борьбы за конституцию. Через два года руководители этого общества вынуждены были бежать в Европу. Там — в Париже, Лондоне и Женеве — «новые османы» издавали газеты на турецком языке, в которых требовали проведения конституционных реформ. Эти газеты тайно переправлялись в Турцию. Спрос на них был столь велик, что, например, цена одного экземпляра газеты «новых османов» «Хюрриет» («Свобода») доходила в Стамбуле до одной турецкой лиры (6 руб. золотом). Стамбульский книготорговец француз Кок осмеливался даже выставлять номера газеты в витрине своего магазина, привлекая толпы любопытных.

Стамбул той поры поражал путешественника редкостным смешением стилей, традиций и обычаев, нового и старого. Босфор, как и сотни лет назад, бороздили лодки-кайки с живописно одетыми гребцами. В то же время между европейской и азиатской частями Стамбула курсировали пассажирские пароходы. В 1875 г. через Золотой Рог был перекинут широкий мост. Но вековая пропасть, разделявшая старый турецкий Стамбул и город иностранцев — Перу и Галату, сохранилась. Пожалуй, она даже стала еще шире, ибо изменения, происшедшие

в мусульманских кварталах старого Стамбула, не шли ни в какое сравнение с переменами в Пере и Галате, где появилось множество фешенебельных ресторанов и дорогих магазинов, в которых продавались европейские товары, в том числе самые модные одежда и обувь, предметы роскоши. В Пере и Галате в конце XIX в. невозможно было обнаружить, по словам турецкого историка нашего времени, что-либо турецкое, кроме порой появлявшихся там карет турецких вельмож, приехавших за покупками или отправлявшихся на прогулку.

Во всем городе трудно было найти приличную гостиницу, ресторан или кафе, хозяином которых был бы турок. Сферой деятельности турецких жителей Стамбула была лишь государственная и военная служба, а также мелкая торговля. Признаки активности турецкой буржуазии, в частности торговой, появились, правда, уже в это время, но результаты были незначительны. Иностранные суда перестали заходить в гавань Золотого Рога, свои товары они сгружали прямо на набережных Галаты. Даже правители Османской империи покинули свою резиденцию Топкапы в старом Стамбуле. Теперь султаны жили в новых роскошных дворцах, сооруженных у самого подножия Перы.

В 1854 г. на европейском берегу Босфора был построен новый султанский дворец — Долмабахче (Насыпной сад), названный так потому, что был воздвигнут на месте маленького залива, который был специально засыпан. Это помпезное эклектичное здание с 300 комнат, отделанных и украшенных с большой роскошью, малоинтересно в архитектурном отношении. Из других крупных сооружений середины XIX в. следует выделить мечеть Ени Валиде-джами (Новая мечеть султанши-матери), построенную в 1870 г. по проекту итальянского архитектора.

В XIX в. Стамбул оставался важнейшим экономическим центром Османской империи. Как и прежде, большую роль в ремесленном производстве и торговле города играли цехи. Правда, в их жизни произошли некоторые изменения. Цехи перестали регламентировать производство, но сохранили мелочный контроль над работой ремесленников, препятствуя развитию ремесленного производства.

Возникло несколько промышленных предприятий, в первую очередь мукомольных. Первая механическая мельница, построенная в 1840 г., имела две паровые ма-

шины мощностью по 25 л. с. и давала около 5 тыс. пудов муки в сутки. В дальнейшем в Стамбуле появились небольшие литейные и железоделательные предприятия, лесопилки, хлопчатобумажные, шелкоткацкие и суконные фабрики, кожевенные, дубильные и мыловаренные заводы. В 1845 г. в Сан-Стефано, предместье столицы, был построен крупный по тем временам сталелитейный завод. В 1888 г. был пущен новый сталелитейный завод, где изготавливались пушки и детали корабельных машин.

В связи с перевооружением армии и флота начала развиваться военная промышленность. В 1870 г. в артиллерийском арсенале Топхане трудилось 3500 рабочих. Здесь делали пушки, ружья и порох. Для крупных мастерских машины приобретались в Англии, а позже, в конце века, и в Германии. Наконец, в Стамбуле было несколько государственных фабрик, которые производили обмундирование и снаряжение для армии. В конце века в столице появилось много больших мастерских по пошиву одежды, значительная часть их продукции вывозилась в различные районы империи. Стамбульские кожевенные заводы потребляли сырье, ввозившееся из Южной Америки, Индии и Китая. Всего к концу XIX в. в Стамбуле было сосредоточено более половины всех заводов и фабрик Османской империи.

Стамбул по-прежнему занимал важнейшее место во внешней торговле страны. К началу XX в. через стамбульский таможенный округ проходило более трети всех импортировавшихся товаров. Значителен был и объем экспортной продукции, проходившей через столицу. В конце XIX в. стамбульский порт ежегодно посещало 15 тыс. судов.

С середины XIX столетия в Стамбуле отчетливо стали видны новые приметы жизни города, определявшие полукOLONиальную зависимость Османской империи от крупнейших держав Европы. На домах появились вывески иностранных банков и торговых фирм, возникли иностранные концессионные предприятия. Даже снабжение жителей столицы хлебом зависело отныне от иностранцев. Начиная с 1870 г. в течение двух десятилетий в Стамбуле были открыты торговые палаты почти всех крупных европейских государств, имевшие свои представительства во многих городах страны. Табачным производством завладела организация, целиком находившаяся в руках иностранных капиталистов. В 1881 г.

в Стамбуле появилось учреждение, символизировавшее собой полное подчинение финансов и экономики одряхлевшей Османской империи европейским державам. «Администрация оттоманского публичного долга» стала подлинным государством в государстве, ибо под ее контроль перешел сбор многих государственных налогов и пошлин для обеспечения выплат по иностранным займам султанского правительства.

Финансовое положение страны начиная с середины XIX в. постоянно было на грани катастрофы, однако расточительство султанов не знало пределов. Одно только строительство дворца Долмабахче обошлось в 70 млн. франков, что превышало треть ежегодных поступлений в казну государства. Известный русский географ и путешественник П. А. Чихачев писал в 1858 г.: «В Европе почти невозможно представить себе более сумасбродное расточительство, чем то, которое позволяет себе его императорское величество, часто по самым легкомысленным причинам. Так, в конце апреля этого года султан получил заем с помощью купцов из Галаты... в сумме 9 млн. франков, предназначенный исключительно на празднование в честь бракосочетания своих двух дочерей». Огромные средства тратились на жалование высших сановников империи. Коррупция приобрела ужасающие размеры. При этом, как отмечали очевидцы, официальные данные о состоянии государственных финансов были невероятно далеки от истинного положения дел; правда была известна лишь небольшой группе сановников, державших все в строжайшей тайне. Скрывались и постоянный большой дефицит государственного бюджета, и непомерные расходы на содержание правительственного аппарата. В 1888 г. более половины бюджетных средств было направлено на нужды армии и флота, а остальная сумма пошла в основном на погашение иностранной задолженности (более 27%) и на общественные работы. Военные расходы более чем в 80 раз превышали бюджет министерства народного образования, затраты на содержание жандармерии и полиции — в 14 раз.

В столице царяла атмосфера всеобщего недовольства султаном и его правительством. В сентябре 1859 г. Кулеллийские военные казармы в Ченгелькёе (район Стамбула) были превращены в тюрьму для участников заговора против султана Абдул Меджида. Но это не был обычный для столицы дворцовый заговор. Среди

заговорщиков были учащиеся медресе, мелкие чиновники и офицеры, солдаты и служащие арсенала, представители мусульманского духовенства. Впервые в истории Османской империи была предпринята попытка не просто свергнуть султана, но как-то изменить существующий порядок вещей. Историки полагают, что некоторые заговорщики даже деляли план провозглашения конституции. Порта сурово расправилась с участниками заговора: все они были отправлены на каторгу.

В начале 60-х годов в Стамбуле происходили волнения, вызванные ростом дороговизны. Через несколько лет брожение перекинулось на стамбульский гарнизон. В 1867 г. открыто выразили возмущение действиями властей столичные чиновники, и Порта вынуждена была спешно распорядиться о выплате им жалованья за текущий месяц. Чтобы оценить экстраординарный характер этой меры, надо принять во внимание, что в ту пору чиновники часто не получали жалованья по полугоду.

Осенью 1875 г. Порта объявила о частичном финансовом банкротстве страны. Стремясь найти выход из кризиса, правительство увеличивало налоги, сокращало жалованье чиновникам. Брожение среди населения столицы росло с каждым днем. Когда же в результате восстаний в Боснии, Герцеговине и Болгарии вновь обострился «восточный вопрос» и возникла угроза открытого вмешательства держав в дела империи, обстановка в Стамбуле накалилась до предела. Турецкий историк Ахмед Саиб писал, что в те дни «среди стамбульского населения царил чрезвычайно большое возбуждение, бывшее естественным следствием дурного управления».

В такой обстановке в столице активизировались сторонники «новых османов». Их лидером стал крупный государственный деятель Мидхат-паша, сплотивший вокруг себя всех, кто был недоволен султаном и Портой. Пропаганда конституционных идей и требования отставки министров нашли отклик в среде софты — учащихся медресе. В Стамбуле насчитывалось около 40 тыс. софты; большинство их были выходцами из бедных семей.

В апреле — начале мая 1876 г. город был охвачен волнениями. Состоялись демонстрации рабочих военного и морского арсеналов, потребовавших своевременной выплаты жалованья. Роптали ремесленники и торговцы, возмущенные ростом цен и налогов.

С начала мая толпы софты стали ежедневно собирать-

ся во дворах крупных стамбульских мечетей и митинговать. Особенно многочисленными были собрания у мечети Мехмед Фатих. Софты начали вооружаться. В те дни в оружейных лавках Стамбула было раскуплено около 15 тыс. ружей. В городе распространялись антиправительственные листовки. 9 мая 250 софт медресе при мечети Мехмед Фатих прекратили занятия и организовали митинг. Вскоре на площади Баязида собралось 5 тыс. софт из разных медресе. Через военного министра, прибывшего на площадь, они передали султану требование сменить великого везира и шейх-уль-ислама.

На следующий день волнения возобновились с новой силой. С самого утра начали митинговать учащиеся медресе при мечетях Мехмед Фатих, Баязидийе и Сулейманийе. Ораторы заявляли, что права и независимость государства попираются врагами и что виновниками создавшегося положения являются многие высокопоставленные лица империи. Когда на площадь Фатих прибыл министр полиции, софты заявили ему, что они ищут средства для спасения отечества и требуют замены великого везира. Число демонстрантов росло, к ним постепенно присоединялись тысячи горожан-мусульман. Напуганная многочисленностью демонстрантов, Порта не рискнула бросить против них войска. Волнения стихийно перерастали в восстание. Многочисленная колонна демонстрантов двинулась к зданию Порты. Раздавались угрозы по адресу великого везира и шейх-уль-ислама. «Софты, в числе от 5 до 6 тысяч,— вспоминал один из очевидцев событий,— показались на главной улице, ведущей от моря к зданию Порты. Под их лохмотьями видно было оружие, умышленно плохо скрываемое». Перепуганный султан выслал к демонстрантам своего главного адъютанта и первого секретаря. Софты в категорической форме заявили, что настаивают на замене великого везира и шейх-уль-ислама. Султан пригласил представителей демонстрантов во дворец, но софты отклонили приглашение.

Вечер 10-го и ночь на 11 мая 1876 г. прошли в тревожном ожидании предстоящих событий. Наутро число демонстрантов еще более возросло. Султану пришлось сменить великого везира, шейх-уль-ислама и нескольких министров. Лидер антиправительственной оппозиции Мидхат-паша вошел в состав нового кабинета в качестве министра без портфеля. Но не прошло и нескольких дней, как выяснилось, что султан намерен ограничиться

этими переменами и не обещает радикальных реформ государственного управления. Тогда софты возобновили демонстрации, требуя проведения реформ. Опасаясь дальнейшего развития народных выступлений, группа министров, в числе которых был и Мидхат-паша, организовала дворцовый переворот. В ночь с 29 на 30 мая курсанты стамбульского военного училища и части войск стамбульского гарнизона окружили дворец Долмабахче. С моря дворец блокировал поддержавший заговорщиков броненосец «Масудийе». Султан Абдул Азиз был низложен, на престол возвели Мурада V, известного либеральными взглядами.

После переворота в течение трех месяцев Стамбул был ареной ожесточенной политической борьбы между сторонниками и противниками конституции. 31 августа 1876 г. вместо Мурада V, у которого обнаружилось тяжелое расстройство нервной системы, на престол вступил Абдул Хамид II, обещавший конституционалистам свою поддержку.

Летом и осенью 1876 г. вся общественная жизнь Стамбула была сконцентрирована вокруг единственной темы — конституции. Ряд турецких газет столицы выступил со статьями в поддержку конституционных проектов. Видный стамбульский улем Эсад-эфенди даже опубликовал памфлет «Конституционное правительство», в котором доказывал, что конституция отнюдь не противоречит духу и нормам ислама. Реакционные же круги утверждали, что конституция — вредное и противоречащее мусульманской религии новшество. Некоторые представители мусульманского духовенства и софт направили Мидхат-паше записку, в которой выражали протест против идеи провозглашения конституции и учреждения парламента, особенно решительно отвергая мысль об участии в парламенте христиан. Со своей стороны, султан под разными предлогами оттягивал выполнение обещаний, которые он дал конституционалистам. Внешнеполитические события и вновь возникшая угроза вмешательства европейских держав в связи с положением в балканских провинциях империи вынудили наконец Абдул Хамида пойти на уступки. 19 декабря лидер конституционалистов Мидхат-паша занял пост великого везира. К тому времени был разработан проект конституции.

Турецкие конституционалисты получили поддержку части стамбульской инонациональной торгово-ростов-

щической буржуазии. В XIX в. султан и Порты проявляли особую заинтересованность в сотрудничестве с этим социальным слоем, так как мощные национально-освободительные движения, ставшие в тот период важнейшей политической проблемой, периодически ставили империю в катастрофическое положение и приводили к вмешательству европейских держав в ее дела. Не случайно в 60-х — начале 70-х годов в статусе немусульманских общин Стамбула были произведены изменения. Они стали управляться на основе особых конституций, утвержденных султаном. Такие конституции, расширившие выборные начала в руководстве светскими делами общин, явно были направлены на то, чтобы сбить волну национального движения пелопоннских народов. В главах общин правящие круги империи видели важный инструмент сдерживания освободительной борьбы. Кстати, число немусульманских общин выросло — появились общины армян-католиков, греков-католиков, болгарская община, отделившаяся от Константинопольской патриархии, небольшие общины протестантов и болгар-католиков.

Лидеры конституционалистов сотрудничали с рядом видных деятелей из среды пелопоннских народов. Ближайшим советником Мидхата был крупный дипломат, представитель деловых кругов армян столицы Григор Отян. В разработке конституционных проектов участвовал и товарищ министра иностранных дел грек Каратеодори. В одной из комиссий по подготовке конституции вместе с лидерами конституционалистов (Намык Кемаль и Зия) работали член Государственного совета армянин Чамич Ованес и некоторые другие представители немусульманских общин столицы. Конечно, это сотрудничество не означало поддержки конституционалистов всем немусульманским населением империи и столицы, ибо Мидхат и его сподвижники не шли дальше идеи равенства всех подданных империи при безусловном сохранении верховной власти султана.

23 декабря 1876 г. в Стамбуле был дождливый день. И все же на площади у здания Порты собралось множество людей, пришедших на церемонию провозглашения конституции. Около часа дня перед собравшимися появился первый секретарь султана Саид-бей. Он вручил Мидхату султанский указ о провозглашении конституции и ее текст. Главный секретарь Порты Махмуд Джелаледдин зачитал эти документы. Указ гласил, что кон-

ституция, гарантирующая свободу и равенство всем подданным империи, совместима с законами ислама и традициями страны и является продолжением реформ, проводившихся предшественниками ныне здравствующего султана. Затем выступил Мидхат, выразивший султану благодарность за провозглашение конституции, которая будет способствовать прогрессу страны. Прозвучала молитва за здоровье султана. Прогремел салют из 101 пушки, возвестивший о превращении Османской империи в конституционную монархию. И хотя первая турецкая конституция весьма мало ограничивала власть султана, сам факт торжественного провозглашения буржуазных свобод (неприкосновенность личности и имущества, свобода печати и т. д.) был важным шагом вперед в условиях феодально-султанского режима. Желая подчеркнуть новый характер отношений между народами империи, Мидхат после церемонии демонстративно посетил армянского и греческого патриархов.

В 1877—1878 гг. в Стамбуле состоялись две сессии первого турецкого парламента. Около 40% депутатов были представителями немусульманского населения. «Отца конституции» Мидхата на этих сессиях уже не было. Султан Абдул Хамид, начав борьбу с конституционалистами, в феврале 1877 г. сместил Мидхата с поста великого везира и выслал его за пределы империи. И все же парламент не стал простой игрушкой в руках султана и Порты. Некоторые депутаты позволили себе резкую критику правительства, обвинив его в неудачах турецкого оружия в войне 1877—1878 гг. с Россией. 20 января 1878 г. русские войска овладели Адрианополем (Эдирне), перед ними была открыта дорога на Стамбул. Начались переговоры о мире. Воспользовавшись удобной ситуацией, султан в феврале 1878 г. распустил парламент на неопределенный срок. Формально конституция не была отменена, но парламент больше не собирался, а султан Абдул Хамид установил в стране режим жесточайшей деспотии.

Так печально закончилась в Османской империи эпоха реформ нового времени. Для страны наступили мрачные времена.

Глава X

СТАМБУЛ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

В конце XIX в. история создала в Османской империи один из своих мрачных парадоксов. Первый турецкий конституционный монарх, султан Абдул Хамид II, остался в памяти народов Турции как один из самых страшных деспотов. Недаром тридцатилетний период его правления — от разгона первого парламента в 1878 г. до младотурецкой революции 1908 г. — назван эпохой «зулюма» (гнета). В те годы жители Стамбула, как и население всей империи, находились в постоянном страхе за свою жизнь и имущество. Известный турецкий писатель конца XIX в. Халид Зия Ушаклыгиль писал о том времени: «Темные улицы Стамбула застыли от страха. Чтобы перейти из одной части города в другую, нужна была большая смелость... Шпионы, шпионы... все боялись друг друга: отцы — детей, мужья — жен. Открытых главарей сыска уже знали, и при виде одних их теней головы всех уходили в плечи и все старались куда-нибудь укрыться».

Сам султан страдал маниакальной подозрительностью. Запершись в своей резиденции — дворце Йылдыз, представлявшем собой комплекс зданий, расположенных на нескольких холмах, господствующих над Босфором и Золотым Рогом, в большом парке с прудами и ручьями, обнесенном тройным рядом стен, он беспрестанно менял здание или комнату, которая предназначалась ему для ночного сна, благо на территории Йылдыза было множество небольших павильонов. Впрочем, его боязнь за собственную жизнь была не столь уж необоснованной. Тысячи и тысячи безвинных людей были погублены по его приказам. Простого доноса было достаточно, чтобы подозреваемый в лучшем случае отправился в далекую ссылку. Чаще же всего людей топили в Босфоре, душили, отравляли.

Услышав показавшийся ему опасным шорох, Абдул Хамид разряжал свой револьвер, после чего слуги обычно убрали труп. Страх и подозрительность сделали султана, по словам современников, отличным стрелком. Его всегда сопровождали десятки телохранителей — албанцы, курды, лазы, арабы и черногорцы; среди них были и представители знатных феодальных родов, которым Абдул Хамид доверял. Дворец окружали войсковые казармы. Из своего добровольного заточения султан выезжал только раз в неделю на пятничную молитву.

Во дворце в ту пору кормилось не менее 6 тыс. человек, в числе которых кроме множества слуг и обитательниц гарема было 300 адъютантов и секретарей султана, 400 музыкантов, 400 конюхов, 400 лодочников и носильщиков, 200 ловчих и сокольничих, 350 поваров. Двор султана поглощал ежегодно значительную часть государственных доходов.

Все нити управления страной держали в своих руках султан и дворцовая камарилья. Во дворце были даже созданы специальные бюро, на которые был возложен контроль над деятельностью правительственных ведомств — военного, иностранных дел, экономики и финансов, образования. В стране царил шпионаж. Аресты и ссылки людей, на которых падало малейшее подозрение в политической неблагонадежности, были обычным явлением в столице империи. Люди исчезали ночью, причем не всегда даже было известно, кем и за что они арестованы. В министерствах и ведомствах редели ряды чиновников, и запуганные сослуживцы не решались даже справиться о судьбе своих арестованных коллег. Множество молодых офицеров армии и флота платило жизнью за либеральные убеждения. Сановники и чиновники высокого ранга лишались постов, а иной раз и жизни из-за болезненной подозрительности самого Абдул Хамида. Ненависть, зависть и ложь властвовали над судьбами тысяч людей. Над всем господствовала тайная полиция.

Окружавшие султана придворные и даже высшие сановники империи представляли собой в основном малограмотную и фанатичную группу лиц, стремившихся к личному обогащению. В 1898 г., например, среди руководителей главных правительственных ведомств не было ни одного человека с высшим образованием.

Деспотический дух режима определял и положение печати. Газеты 60—70-х годов, отличавшиеся общест-

венной активностью и поддерживавшие реформаторские или конституционные идеи, прекратили свое существование. Все органы прессы ориентировались на султана и его ближайшее окружение, печатали угодные им материалы. Особой благосклонностью Абдул Хамида пользовались частные газеты «Саадет» («Счастье»), название которой как бы символизировало всеобщую радость подданных султана по поводу его правления, и «Терджу-ман-и хакпкат» («Толкователь истины»). Обе они регулярно получали крупные субсидии. За три десятилетия царствования Абдул Хамида не появилось ни одного юмористического или сатирического органа печати. Крамольным считалось даже чтение или хранение подобных изданий прошлых времен.

Цензура была вездесущей и беспощадной. Употребление таких слов, как «равенство», «свобода», «право», «деспотизм», «тирания», «республика», «революция», «конституция», категорически запрещалось. Нельзя было использовать слова «весна» или «возрождение», ибо невежественные цензоры могли и в них усмотреть либерализм. Дикий произвол цензуры лишил турецких читателей многих замечательных произведений мировой литературы. Под запретом оказались Руссо и Вольтер, Шекспир и Шиллер, Гюго и Золя, Толстой и Байрон, многие другие корифеи европейской классики. Строго преследовались издание и чтение произведений прогрессивных турецких писателей 60—70-х годов XIX в.— Намыка Кемаля, Зии, Абдулхака Хамида, а также публицистические произведения первых турецких конституционалистов.

С 1891 г. в Стамбуле издавался литературный журнал «Сервет-и фюнун» («Сокровищница наук»), вокруг которого группировались талантливые писатели и поэты, далекие, правда, от общественно-политической жизни. Но и эта группа литераторов, отзывавшаяся на режим «зулюма» произведениями, полными пессимизма, показалась султану и цензорам неблагонадежной. В 1901 г. журнал был закрыт, а с ним были ликвидированы последние признаки литературного прогресса.

Книгоиздательское дело было в конце XIX в. представлено в Стамбуле немалым числом типографий и литографий. Цензура привела к тому, что публиковали они в основном разного рода официальные издания, школьные учебники, религиозные книги, переводы трудов европейских авторов по естественным наукам, ме-

дицине и технике. Издавались также прошедшие фильтр цензуры исторические сочинения турецких авторов, романы и повести авантюрно-приключенческого или бытового характера, как переводные, так и турецкие, наконец, серийные научно-популярные и энциклопедические издания. Вся эта литература была отмечена печатью «зулюма», общественно-политическое содержание было из нее начисто убрано. В конечном счете это сказалось и на объеме книжной продукции. Если в середине 80-х годов XIX в. в стране ежегодно печаталось около 250 книг, то в 1900 г. цензоры разрешили публикацию 150, а в 1903 г. — только 126 книг. Реально же выходило в свет не более двух третей названного числа.

Абдул Хамид II стремился укрепить свою власть, натравливая турок на нетурецкие меньшинства империи. В августе 1896 г. улицы Стамбула были обогрены кровью армян. Это было злоеущее продолжение потрясших мир кровавых событий 1894 г., когда в деревнях Сасунского района Анатолии банды погромщиков и солдаты регулярной армии уничтожили тысячи ни в чем не повинных людей. Резня 1896 г. происходила уже не в отдаленной провинции, а на улицах столицы, на глазах у высших представителей власти и иностранных дипломатов. Запланированный характер избиения стамбульских армян не вызывает сомнений: резня началась 14 августа около полудня одновременно в нескольких районах города. Она продолжалась два дня. Тела убитых увозили в фурах, затем сваливали в баркасы и топили в месте слияния Босфора с Мраморным морем, где было сильное течение. Точное число жертв определить невозможно, но очевидно одно: убитых было множество. Только в ночь с 14 на 15 августа более сорока тяжелогруженных баркасов с телами убитых ушло в море. Один из очевидцев этих страшных событий с отвращением описывает поведение городских властей: «Мимо, по набережной, ехали кареты, открытые экипажи, в которых сидели, судя по одежде, видные лица города; прохаживалась полиция, небольшие отряды — человек по десять солдат; жизнь шла своим порядком; никто не хотел обращать внимания на происходившие у всех на глазах убийства и грабеж». Во всем этом не было ничего удивительного: массовое избиение стамбульских армян было осуществлено по указанию самого султана.

В Стамбуле возникли первые очаги сопротивления абдулхамидовской реакции. Именно здесь, в стенах во-

енно-медицинского училища, в 1889 г. была создана первая ячейка тайного младотурецкого общества «Единение и прогресс», которая возглавила борьбу за восстановление конституции 1876 г. Около двух десятилетий продолжалась борьба младотурок с тиранией Абдул Хамида. Ячейки младотурок вскоре были организованы почти во всех военных и средних гражданских специальных училищах Стамбула. В 1892 г. султану стало известно о заговоре. Однако при всей своей жестокости Абдул Хамид не рискнул накалять обстановку в военных училищах и столичном гарнизоне слишком крутыми мерами. Были произведены аресты, но через несколько месяцев арестованные получили «высочайшее помилование». Султану явно удобнее было объяснить дело «юношескими выходками». Между тем деятельность тайного общества расширялась. В 1894 г. на младотурок в Стамбуле обрушились более суровые репрессии, ряд участников организации был сослан в отдаленные районы империи; некоторым удалось бежать оттуда в Париж, где начал складываться эмигрантский центр младотурок.

В августе 1896 г. стамбульская организация младотурок готовила низложение Абдул Хамида, опираясь на часть столичного гарнизона. Заговор провалился из-за предательства одного из его участников. Все заговорщики были немедленно арестованы и сосланы. Казней и на этот раз не последовало, ибо султан делал ставку на раскол в среде младотурок и даже вел с деятелями младотурецкой эмиграции переговоры, пытаясь посулами и подкупом вынудить их отказаться от борьбы с его режимом. Эти попытки, за некоторым исключением, не удались. Лидеры младотурок начали издавать в эмиграции газеты и политические брошюры, распространявшиеся во многих городах Османской империи, прежде всего в Стамбуле. Рост антидеспотических настроений в Османской империи под влиянием русской революции 1905 г. помог младотуркам развернуть активную работу внутри страны. Основным центром их деятельности стал город Салоники в европейской части империи.

В июле 1908 г. в Македонии начались антиправительственные выступления армейских частей под руководством офицеров-младотурок. В ночь на 23 июля младотурки телеграммой предъявили султану ультимативное требование — восстановить действие конституции 1876 г. и созвать парламент. Армия была готова к походу на Стамбул, но напуганный султан уступил. 24 июля

утренние стамбульские газеты опубликовали султанский указ о восстановлении конституции 1876 г. и о предстоящем созыве палаты депутатов. Долгие годы «зулюма» так подействовали на жителей столицы, что, когда первые покупатели газет раскрыли их и увидели в них слово «конституция», они приняли это за очередную провокацию шпионов султана.

В те дни Стамбул, как и другие города страны, стал ареной восторженных манифестаций, которые сопровождались братанием турок с представителями нетурецких народов империи. Вот как описывал эти события русский военный агент (военный атташе) в Стамбуле: «Громадные сборища народа прошли до сих пор без всякого нарушения порядка (при проходе через мост сорокатысячная толпа даже уплатила за проход)... Говорили речи: выступали женщины, сыновья министров и шейх-уль-ислама, имамы, офицеры; все подчеркивали значение дарованной свободы и кончали провозглашением здравницы за султана. При каждом удобном случае толпа выражает свою благодарность армии... Офицеры, разукрашенные эмблемами свободы и флагами, разъезжали по городу, смешиваясь с толпой. Следует отметить, что мусульмане всячески афишируют, что считают христиан своими братьями».

Манифестация и митинги длились в Стамбуле целую неделю. Была даже создана добровольная милиция, которая под руководством офицеров из числа сторонников младотурок организовала регулярное патрулирование улиц столицы. Особенно мощной была демонстрация 27 июля, застрельщиками которой были учащиеся военной, медицинской и ветеринарной школ. На рукавах и фесках демонстрантов были красные ленты с надписью «Свобода, равенство, справедливость». Демонстрация быстро разрасталась, и на митинг, состоявшийся на площади перед Айя-Софьей, пришло около 50 тыс. жителей Стамбула.

Так началась для Турции короткая «весна обновления». В августе в Стамбуле были опубликованы султанские указы о проведении парламентских выборов и о неприкосновенности жилища, о ликвидации тайной полиции и об отмене цензуры. Один за другим возникали в Стамбуле новые органы прессы, общественно-политические и научные организации, общества, клубы. Даже во дворце Йылдыз, в течение десятилетий бывшем символом деспотизма, произошли перемены. Младотурки до-

бились значительного сокращения дворцовых расходов. Султана лишили почти всех его адъютантов, переведя их в распоряжение военного министерства. Этому ведомству были переданы и 200 упряжных лошадей из султанских конюшен. Резко сократился штат дворцовых служащих, упразднены были придворный оркестр и дворцовая драматическая труппа, состоявшая из итальянских актеров.

Между тем Абдул Хамид и его окружение не теряли надежды на реванш. У них еще сохранились позиции в армии, в частности они рассчитывали на гвардейскую пехотную дивизию (20 тыс. солдат и офицеров), которая играла роль султанской гвардии и в отличие от прочих воинских частей не была приведена к присяге на верность восстановленной конституции. В конце октября младотуркам пришлось даже ликвидировать мятеж в одной из гвардейских частей, 7 ноября 1908 г., незадолго до открытия парламента, реакционеры организовали массовое шествие ко дворцу султана. Делегация софт от имени участников демонстрации потребовала отменить конституцию и восстановить все нормы шариата. В тот же день подобные демонстрации состоялись и в других районах столицы. Младотуркам удалось погасить волнения, их организаторы были арестованы.

15 ноября 1908 г. в Стамбуле вновь собрался, после тридцатилетнего перерыва, парламент. Его председателем был избран один из лидеров и идеологов младотурок — Ахмед Риза-бей, возвратившийся в Стамбул в сентябре 1908 г. после двух десятилетий жизни в эмиграции. Первые же месяцы работы парламента показали, что реакционные круги готовятся к борьбе с младотурками. Правые депутаты неоднократно использовали парламентскую трибуну для открытых нападок на младотурок. Кульминационной точкой борьбы сторонников и противников парламентской демократии стали апрельские события 1909 г.

10 апреля более 60 тыс. жителей Стамбула приняли участие в похоронной процессии, следовавшей за гробом с телом известного журналиста, редактора оппозиционной младотуркам газеты «Хюрриет» Фехми-бея. Он был убит на Галатском мосту выстрелом из револьвера. Убийца, одетый в офицерскую форму, сумел скрыться, но в городе сразу же начали распространяться слухи о том, что Фехми-бей убит по приказу младотурок. В результате похороны превратились в грандиозную демон-

страцию против младотурок. Обстановка в столице накалилась до предела.

13 апреля в 7 час. утра подняли мятеж части столичного гарнизона. 30 тыс. солдат, руководимых офицерами — противниками младотурок, собрались на площади перед мечетью Айя-Софья. Верные младотуркам офицеры были либо арестованы, либо убиты. К мятежным войскам присоединилось значительное число горожан. Страсти подогревались пропагандой мусульманского духовенства, недовольного политикой младотурок. Нити заговора тянулись во дворец Йылдыз. Султан явно был готов дать решительный бой своим противникам.

Мятеж разрастался с невероятной быстротой. Через несколько часов число мятежников достигло 100 тыс. Они требовали полного восстановления власти султана, смещения ряда младотурецких лидеров с занимаемых ими высоких постов, сформирования нового кабинета министров. Мятежники разгромили помещение центрального комитета организации «Единение и прогресс», а также редакции газет — органов младотурок. Руководители младотурок бежали в Салоники. Что же касается султана, то он поспешил удовлетворить требования бунтовщиков, тем более что они соответствовали его желаниям. Солдаты вернулись в казармы, а султан издал указ, в котором объявил об амнистии всех участников антиправительственного бунта. Затем Абдул Хамид назначил кабинет министров, целиком составленный из его приверженцев.

Двое суток солдаты были хозяевами Стамбула. В городе шли грабежи, под предлогом расправы со своими политическими противниками бунтовщики занимались мародерством. Один из очевидцев этих событий писал: «У солдат было много денег, и они швыряли ими; каждый наблюдатель видел, что организаторы заговора потратили немалую сумму, чтобы купить поддержку со стороны армии. Как многие солдаты признались впоследствии, их соблазнили денежными подарками и увлекли на ложный путь лживые проповедники, обращавшиеся к ним во имя религии».

Тем временем младотурки в течение нескольких дней стянули к Салоникам верные им части 3-го армейского корпуса. Была сформирована стотысячная «армия действия». 16 апреля она двинулась на Стамбул. Султан попытался вступить в переговоры с лидерами младотурок, но безуспешно. 18 апреля их передовые части заня-

ли железнодорожные станции Кючюкчешме и Ешилкёй (Сан-Стефано). На следующий день руководители «армии действия» потребовали безоговорочной капитуляции мятежников. 22 апреля «армия действия» подошла к Стамбулу. В столице началась паника. Руководители мятежников бежали на военных кораблях.

23 апреля в Стамбуле проходил очередной селямлык — торжественная пятничная церемония следования султана в мечеть. Она всегда собирала много зрителей, но в тот день число их было необычайно велико. По словам очевидца, в Стамбуле «никогда еще не видели такого огромного сборища... Все предвидели, что селямлык этот будет последним для Абдул Хамида, и спешили присутствовать на этом историческом зрелище. Батальоны встретили султана восторженными криками. Лицо его было мертвенно-бледно, глаза глубоко впали и глядели угрюмо, враждебно, в них вспыхивали и тотчас же потухали зловещие огоньки. Вся фигура его съезжилась, сторбилась, осунулась, и, несмотря на все усилия, он не смог скрыть дрожания своих худых хищных рук... После короткой молитвы начался обычный парад. Солдаты маршировали стройными рядами, лица их сохраняли тупое, мрачное выражение... Абдул Хамид старался овладеть собой, но ему это не удавалось... После последнего приветствия Абдул Хамид скрылся во внутренних покоях Йылдыза. Никогда больше народ не должен был увидеть своего тирана; занавес опустился на последнем акте роковой драмы, продолжавшейся более тридцати лет...».

В часы последнего селямлыка кровавого султана «армия действия» начала бои за город. 24 апреля состоялось решительное сражение, продолжавшееся несколько часов. Во многих местах мятежники яростно сопротивлялись. К вечеру наступавшие овладели самыми крупными казармами, окружили дворец Йылдыз. Огнем артиллерии были подавлены последние очаги сопротивления мятежников. Столица вновь была во власти младотурок. 27 апреля султан Абдул Хамид был низложен; вечером того же дня его отправили под конвоем в Салоники. Многие участники контрреволюционного мятежа были казнены на площадях Стамбула.

После подавления мятежа младотурки возвели на престол дряхлого и безвольного Мехмеда V и взяли в свои руки управление страной. В этот период Османская империя испытала серьезные потрясения в резуль-

тате итало-турецкой войны (1911—1912) и двух Балканских войн (1912—1913), в которых Османская империя воевала с коалицией Болгарии, Греции, Сербии и Черногории. В конце 1912 г. турецкие войска потерпели ряд поражений и лишь ценой величайших усилий остановили войска союзников на пути к Стамбулу у Чатаалджи. Все это происходило на фоне острой борьбы между младотурками и их политическими противниками. Обстановка в правящих кругах была весьма нестабильной.

23 января 1913 г. Стамбул стал свидетелем государственного переворота, осуществленного группой офицеров под командованием видных младотурецких деятелей Талаат-бея и Энвер-бея. Среди бела дня около 200 офицеров ворвались в здание Высокой Порты, где происходило очередное заседание кабинета министров. Они убили военного министра и его адъютантов, арестовали великого везира и нескольких министров, действиями которых был недоволен центральный комитет младотурок. Эти события были важным шагом на пути к установлению в стране младотурецкой военной диктатуры.

Противники младотурок нанесли вскоре ответный удар. В июне 1913 г. ставленник младотурецкого комитета — великий везир Махмуд Шевкет-паша (бывший командующий «армией действия») был убит, когда он в своем автомобиле направлялся из военного министерства к зданию Высокой Порты. После этого младотурки резко усилили борьбу со своими противниками. Они объявили вне закона все оппозиционные партии, около 300 крупных политических деятелей бросили в Синопскую крепость. С конца 1913 г. вся полнота власти в стране оказалась в руках младотурецкого «триумvirата» — военного министра Энвер-паши, министра внутренних дел Талаат-паши, являвшегося председателем центрального комитета партии «Единение и прогресс», и морского министра и военного губернатора Стамбула Джемаль-паши.

Экономическая жизнь Стамбула в период после младотурецкой революции характеризовалась известным развитием промышленного производства. В столице было более 800 промышленных предприятий, причем две трети рабочих Стамбула трудились на сравнительно крупных заводах, фабриках и в разного рода больших мастерских. К началу первой мировой войны рабочие Стамбула вместе с семьями составляли почти 40% населения города. Промышленные предприятия Стамбула контроли-

ровались нетурецкой, в основном греческой и армянской, а также иностранной буржуазией. В торговле существовало примерно такое же положение, хотя в этой области городской экономики турецкая национальная буржуазия добилась больших успехов. Мировая война и шовинистическая политика младотурецких правителей принесли перемены: инонациональная буржуазия утратила позиции, которыми прежде располагала в экономике Стамбула и провинций.

Первые годы после младотурецкой революции были отмечены в Стамбуле активизацией рабочего движения. Уже в августе 1908 г. произошли крупные стачки. Бастовали, требуя улучшения условий труда и повышения заработной платы, грузчики, железнодорожники, работники городского транспорта, рабочие ряда заводов и фабрик. Младотурки враждебно отнеслись к выступлениям пролетариата. В августе 1909 г. они провели через парламент антирабочий закон о забастовках. И все же рабочее движение развивалось. В сентябре 1910 г. в Стамбуле была создана Османская социалистическая партия. Младотурки всячески препятствовали деятельности первых турецких социалистов, закрывали их клубы. В декабре 1910 г. был запрещен печатный орган партии, наиболее активные деятели и руководители партии сосланы в глубь Анатолии. Тем не менее в Стамбуле стал выходить новый журнал турецких социалистов, активно действовали в парламенте депутаты-социалисты. 1 мая 1911 г. рабочие столицы впервые отметили праздник международной солидарности трудящихся. В 1912 г. в Стамбуле возник ряд профсоюзных организаций, был создан рабочий клуб. Установление в стране режима военной диктатуры младотурок положило конец рабочему и социалистическому движению.

Вскоре после перехода власти в руки младотурецкого «триумvirата» в Османской империи резко усилилось военное и политическое влияние кайзеровской Германии. Энвер-паша, в течение нескольких лет занимавший пост турецкого военного атташе в Берлине, окружил себя немецкими военными советниками. Прибывшая в Стамбул немецкая военная миссия поставила под свой контроль турецкие вооруженные силы. Когда в августе 1914 г. началась первая мировая война, младотурки втянули в нее Османскую империю в качестве союзника Германии.

В годы войны Стамбул не знал ужасов осады или

бомбардировок. Тем не менее на долю его жителей выпали немалые испытания. В столице хозяйничали отряды «Особой организации», созданной перед войной по инициативе центрального комитета младотурок. «Особая организация», в распоряжение которой в первые же дни войны власти передали сотни освобожденных из тюрем преступников, превратилась в тайную полицейско-шпионскую службу, одно упоминание о которой вызывало ужас у жителей столицы. Она удаляла из Стамбула неугодных младотуркам людей, часто ее агенты физически уничтожали «неблагонадежных». С нею успешно «соперничала» в бесчинствах и произволе тайная полиция, созданная Джемаль-пашой. Не раз вспоминали стамбульцы о летних днях 1908 г., когда казалось, что навсегда пришел конец власти тайной полиции.

Уже в конце 1915 г. цены на большинство предметов первой необходимости были в Стамбуле в четыре-пять раз выше довоенных. Спекуляция продуктами питания и одеждой приняла чудовищные размеры, причем ею активно занимались крупные чиновники, члены правительства и видные деятели младотурецкой партии. Значительная часть продовольствия, предназначенного для распределения по карточкам, попадала в руки спекулянтов и продавалась втридорога. Цены росли непрерывно. Большая часть населения Стамбула голодала, ежедневно от голода умирали десятки людей. Достать дрова или древесный уголь было почти невозможно. Огромное количество деревьев в Стамбуле и его окрестностях было вырублено. В результате к мукам голода прибавлялись страдания от холода. Большие лишения жители столицы испытывали также из-за нарушения водоснабжения. Вода, подобно хлебу, стала предметом безудержной спекуляции. Невероятно вздорожало и жилье: к концу войны арендная плата за жилище выросла почти в 20 раз. Жилищный кризис особенно обострился, когда в столицу стали стекаться беженцы из районов, разоренных военными действиями. В городе свирепствовали болезни, от которых, как всегда, больше всего страдала беднота. Не хватало лекарств, многие больницы закрылись из-за отсутствия врачей и медикаментов.

Периодически вспыхивали голодные бунты. Обычным явлением была осада булочных во время привоза хлеба. В давке люди гибли, получали тяжелые увечья. Бывали случаи, когда жители пытались захватить про-

довольственные склады. Когда весной 1917 г. со стамбульской станции Сиркеджи должен был отправиться в Германию эшелон с зерном, население ночью сделало попытку захватить груз. В стычке с охраной было убито и ранено более 20 человек.

А младотурецкие заправилы вели роскошную жизнь. Энвер обзавелся несколькими дворцами и загородной виллой, причем все это было приобретено на средства казны. Остальные члены «триумvirата» тоже не стеснялись в расходах. Роскошь их жизни выглядела особенно отвратительной на фоне бедствий, выпавших на долю всего населения страны.

Младотурецкие правители Турции совершили в годы войны чудовищное преступление против человечества, затмившее злодеяния кровавого султана Абдул Хамида II. В 1915 г. около полутора миллионов армян было истреблено, более миллиона изгнано из Восточной Анатолии в Сирию и Ирак. Избиениям или депортации подверглись армяне во всех районах страны, кроме Измира и Стамбула. Но кровавые события весны и лета 1915 г. ошутимо дали себя знать и в столице империи. Чтобы ликвидировать всякую возможность протеста, власти произвели в ночь с 28 на 29 апреля 1915 г. аресты всех сколько-нибудь значительных общественных и политических деятелей из числа стамбульских армян. Были схвачены депутаты парламента, журналисты, литераторы, врачи, ученые, деятели искусства. Арестованных немедленно выслали в отдаленные районы Анатолии. И все же вести о страшных событиях доходили до столицы, будоражили жителей, делали еще более напряженной обстановку в городе, страдавшем от лишений военного времени.

Когда Греция выступила на стороне Антанты, младотурецкие диктаторы сочли момент удобным для репрессий против греков, имевших турецкое подданство. На них распространили действие закона о депортациях, завоевавшего печальную известность после страшных событий в районах с армянским населением. Греков не уничтожали физически, но их высылка сопровождалась произволом властей, грабежами и насилием. Столь чудовищными методами для турецкой национальной буржуазии был в тот период расчищен путь к ключевым позициям в экономике страны, долгие годы принадлежавшим грекам и армянам.

Летом 1916 г. Стамбул был взбудоражен делом май-

ора Якуба Джемиля, одного из приближенных Энвера, отчаянного головореза и насильника. Не получив от патрона должности командира дивизии, он решил организовать вместе с группой офицеров, сторонников сепаратного мира с державами Антанты, государственный переворот. Летом 1916 г. Якуб Джемиль устроил вооруженную засаду в гостинице, которая находилась напротив здания военного министерства. Его люди заняли позиции и в близлежащих кварталах. О заговоре стало известно Талаату, а через него и Энверу. Заговорщики были схвачены. Следствие выявило, что заговор возник из-за противоречий внутри правящей группировки младотурок, в частности между Талаатом и Энвером. В сентябре 1916 г. Якуба Джемиля и его группу судили. Несмотря на то что Энвер, покинувший по срочному делу столицу, дал указание отложить вынесение приговора до его возвращения в Стамбул, Талаат поступил иначе: желая предотвратить дальнейшие разоблачения, он настоял на смертном приговоре главарю путчистов и приказал привести его в исполнение. Дело Якуба Джемиля свидетельствовало о политическом разложении младотурецкого режима, который удерживал власть лишь с помощью террора.

Как мы уже говорили, военные действия не коснулись Стамбула непосредственно. Но весной и летом 1915 г. ему угрожала серьезная опасность. 13 апреля англо-французское командование высадило в зоне проливов на полуострове Галлиполи (Гелиболу) 100-тысячный десант. Вскоре численность союзных войск возросла до 500 тыс. человек. Начались упорные бои. Турецкой армии удалось сорвать операцию войск Антанты, хотя был момент, когда в Стамбуле царила паника и шла подготовка к эвакуации султанского дворца, казны и архивов. Войска Антанты потеряли 270 тыс., а турки — 250 тыс. солдат и офицеров. Победа в Галлиполийской операции дорого обошлась Турции, истощив ее и без того незначительные экономические и военные ресурсы.

Война окончилась для Османской империи катастрофой. Турецкая армия потерпела поражение на всех фронтах. 30 октября 1918 г. на борту английского крейсера «Агамемнон» в Мудросской бухте острова Лемнос было подписано перемирие между Османской империей и державами Антанты. В сущности это была капитуляция.

В ноябре 1918 г. в Босфоре перед дворцом Долмабахче стали на якоря английская, французская, итальянская и греческая эскадры. Форты в проливах были заняты английскими войсками. 14 ноября 1918 г. английские солдаты вступили на улицы Стамбула, затем к ним присоединились французы и итальянцы. Столица султанской Турции без боя была сдана на милость победителей.

Ставшее отныне марионеткой в руках держав-победительниц, правительство султана всеми силами стремилось не допустить выступлений против оккупационных властей. В столице были произведены массовые аресты революционно настроенных рабочих и профсоюзных лидеров. В числе арестованных были и вернувшиеся в Стамбул из Советской России турецкие военнопленные. Даже покорная султану и Порте палата депутатов представлялась правительству ненужной и опасной. 21 декабря 1918 г. ее распустили, а вскоре после этого в Стамбуле, как и во всей стране, были закрыты политические и общественные организации, клубы, научные общества. Деятельность профсоюзов и политических партий была запрещена. Стамбульские газеты и журналы отныне печатали только то, что им разрешали Порты и оккупационные власти.

В конце 1918 — начале 1919 г. английские и французские войска оккупировали Юго-Восточную Анатолию. 15 мая 1919 г. под охраной флота Антанты греческие войска высадились в Измире.

Все происходившее в стране вызвало бурный рост народного недовольства. Ситуация стала настолько напряженной, что султан был вынужден созвать в Стамбуле совет для обсуждения мер по спасению страны. Эта затея, однако, оказалась неудачной для ее организаторов, ибо большинство совета высказалось за передачу вопроса о судьбе государства на рассмотрение парламента, созыв которого отнюдь не входил в планы султана и послушного оккупантам правительства. Державы Антанты между тем продолжали наращивать свои вооруженные силы в Стамбуле: Англия держала в 1919 г. в турецкой столице 30 тыс. солдат, Франция — более 24 тыс.; в Золотом Роге постоянно находились военные корабли союзников с морской пехотой на борту.

Но в эти же дни в Стамбуле тайно обсуждали свои планы и те, кто решил включиться в начавшуюся в Анатолии народную борьбу против интервентов. В одном из

районов Стамбула, Шишли, в доме генерала Мустафы Кемаля собирались будущие лидеры национально-освободительного движения. Они обсуждали вопрос о том, где в стране наиболее целесообразно создать очаг сопротивления оккупантам и войскам предавшего страну султанского правительства.

На развитие национально-освободительного движения в Турции огромное влияние оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Известия о первых декретах Советской власти, прежде всего о знаменитом ленинском Декрете о мире, об отказе молодого Советского государства от тайных договоров царизма и Временного правительства, в том числе от договоров о разделе Османской империи, разными путями дошедшие до Стамбула, произвели там сильнейшее впечатление. Тайные соглашения держав Антанты, опубликованные Советским правительством, в части, касающейся Турции, были переведены на турецкий язык и изданы в Стамбуле. Они сыграли большую роль в усилении в Турции антиимпериалистических настроений. Немало способствовали росту этих настроений и возвращавшиеся на родину турецкие военнопленные, приносившие с собой правду о русской революции. Вернувшийся из русского плена военный моряк рассказывал курсантам стамбульского военно-морского училища о Ленине как о великом человеке, борющемся за права простых людей. О широкой популярности В. И. Ленина в демократической среде турецкой столицы красноречиво свидетельствует тот факт, что студенты Стамбульского университета выступили с предложением присудить ему Нобелевскую премию мира.

Правду об Октябрьской революции и молодой Стране Советов распространяла первая в Турции коммунистическая группа, созданная в Стамбуле в конце 1918 г. Она также вела пропаганду против оккупантов и послушного им султанского правительства. В ее состав входили железнодорожники и рабочие городского транспорта. Группа просуществовала несколько месяцев — до ареста наиболее активных ее членов в феврале 1919 г. Позже, весной 1919 г., в Стамбуле возникла другая коммунистическая группа, которая издавала и нелегально распространяла воззвания и манифесты. Она активно действовала почти два года.

В 1919 г. значительная часть Анатолии была охвачена партизанской войной против интервентов. Начали

создаваться первые организации турецкой национальной буржуазии — «Общества защиты прав». Национально-освободительную борьбу возглавил Мустафа Кемаль-паша. Между Анкарой, ставшей центром национально-освободительного движения, и сторонниками Мустафы Кемали в Стамбуле поддерживалась регулярная связь. Весной 1919 г. сохранялась даже тайная телеграфная связь. Осуществлялась она по разным каналам, в частности по телеграфной линии, сооруженной в годы войны на случай эвакуации султана и его двора в Анатолию. Эта линия чудом оказалась неизвестной оккупационным властям и некоторое время использовалась патриотическими силами.

Создавшаяся в Анатолии обстановка вынудила султанское правительство начать переговоры с лидерами национально-патриотических сил и пойти на проведение выборов в палату депутатов. Выборы принесли успех кемалистам, большинство депутатов оказались сторонниками освободительного движения. Хотя по требованию Порты парламент собрался в оккупированном Стамбуле (его открытие состоялось 12 января 1920 г.), депутаты-кемалисты добились принятия им «Национального обета», в котором провозглашался принцип независимости Турции и целостности ее территории. Этот документ от имени парламента был направлен державам Антанты. Их реакция была недвусмысленной. 23 февраля на рейде Стамбула появилась английская средиземноморская эскадра. 10 марта английские военные власти распорядились арестовать группу наиболее активных депутатов-националистов. Наконец, в ночь с 15 на 16 марта 1920 г. отряды английской морской пехоты заняли правительственные здания, почту и телеграф, казармы и военные склады, взяли под охрану дворец султана. В городе было введено военное положение, парламент разогнан, многие депутаты арестованы и сосланы на Мальту. Та же участь постигла ряд крупных политических деятелей, поддерживавших национально-освободительное движение.

Жестокие репрессии обрушились на рабочие организации столицы. 27 рабочих каменоломен были расстреляны оккупантами по подозрению в принадлежности к партизанским группам. Произошло это в Бейкозе — предместье Стамбула на азиатском берегу Босфора. В городе начал действовать военный трибунал союзников, жестоко каравший жителей за малейшее не-

повиновение. Оккупационный порядок в Стамбуле обеспечивали пулеметы, установленные на минаретах, и орудия кораблей союзнического флота.

23 апреля в Анкаре собрался новый парламент — Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). Вскоре здесь было сформировано и новое правительство во главе с Мустафой Кемалем. Национально-освободительная борьба вступила в решающую фазу. В эти тяжелые годы турецкий народ получил большую моральную и материальную поддержку от молодой Советской Республики. Советская Россия оказалась первой в мире страной, признавшей правительство ВНСТ. Уже летом 1920 г. в Трабзон поступили оттуда первые партии оружия, а в сентябре 1920 г. в Эрзуруме турецким представителям было передано более 200 кг золота в слитках. В дальнейшем поставки оружия и боеприпасов из Советской России в Турцию были продолжены. Последующее развитие советско-турецких отношений, в частности заключение в марте 1921 г. советско-турецкого Договора о дружбе и братстве, помогло национально-патриотическим силам в их борьбе с интервентами. В 1922 г. турецкие войска одержали ряд крупных побед в боях с оккупантами. Греческая армия в Западной Анатолии была наголову разгромлена. 9 сентября был освобожден Измир. Победы турецкой армии с ликованием были встречены по всей стране. В Стамбуле состоялся грандиозный митинг. Улицы заполнили десятки тысяч ликующих людей. В торжественном богослужении участвовало более 70 тыс. стамбульцев.

Положение в Стамбуле становилось все более и более опасным для оккупантов. Начались открытые выступления против оккупационных властей. В ряде рабочих районов произошли вооруженные столкновения с полицией. Турецкие коммунисты призвали стамбульцев к всеобщей забастовке, к вооруженной борьбе против захватчиков. В одном из воззваний, распространенных ими, говорилось: «Товарищи! Вы должны немедленно лишить оккупантов воды, хлеба, света и всех средств транспорта, телеграфа и телефона. Докажите, что вы сумеете нанести последний удар империалистам в Стамбуле. Арестуйте султана, изгоните вон аристократов, разоружайте полицию и жандармерию и вооружайтесь сами и разоружайте иностранную армию. Дайте турецкой армии возможность войти в великий свободный город». Повсюду устраивались собрания и митинги, участники ко-

торых требовали вывода из Стамбула и зоны проливов всех иностранных войск.

Державы Антанты предъявили анкарскому правительству требование приостановить продвижение его вооруженных сил на Стамбул. Это требование было отклонено. Оккупанты оказались вынуждены начать с Анкарой переговоры. 15 октября 1922 г. вступило в силу перемирие, в соответствии с которым союзнические войска могли оставаться в Стамбуле и зоне проливов только до заключения мирного договора. Летом 1923 г. на мирной конференции в Лозанне был подписан договор, который зафиксировал признание великими державами нового турецкого государства, территориальную целостность и независимость Турции в новых границах. После Лозаннской конференции оккупационные войска союзников эвакуировались из Стамбула и зоны проливов. 6 октября 1923 г. город покинули последние солдаты интервентов.

В пламени национально-освободительной войны родилось новое турецкое государство. 1 ноября 1922 г. ВНСТ приняло решение об упразднении султаната. Мехмед VI, последний, тридцать шестой по счету монарх из династии Османов, 17 ноября 1922 г. бежал из Стамбула на Мальту на борту английского крейсера. 29 октября 1923 г. Великое национальное собрание Турции приняло закон о провозглашении республики. Первым президентом Турецкой Республики стал Мустафа Кемаль. Столицей нового государства была объявлена Анкара — центр национально-освободительной борьбы. Древний город на берегах Босфора потерял значение политического центра страны.

КОНТРАСТЫ НАШИХ ДНЕЙ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Итак, позади 25 столетий жизни города, судьба которого поистине удивительна, 25 столетий, заполненных событиями грозными и славными, трагическими испытаниями и взлетами человеческого гения. Многие десятки поколений его жителей познали здесь радость и горе, участвовали в созидательной деятельности, содрогались при виде насилий и разрушений. Каков же он сегодня — этот город, который Маркс назвал «вечным»?

Октябрьские дни 1923 г. стали рубежом, за которым начались колоссальные перемены в жизни древнего города. Стамбул сохранил значение гигантской исторической реликвии, великолепного музея под открытым небом, но в его облик, быт и нравы его населения все настойчивее вторгался XX век.

Автору этих строк дважды довелось побывать в Стамбуле на рубеже 60—70-х годов. И больше всего в этом городе поражают контрасты богатства и нищеты. В десяти минутах ходьбы от нарядных улиц центральных районов расположены трущобы, которые выглядят как подлинное царство нищеты. Магазины и рынки полны продуктов, а рабочий люд вынужден довольствоваться супом из потрохов да хлебом с традиционной брынзой.

Современный Стамбул — промышленный, торговый и культурный центр Турции. Его жители гордятся своим городом. Они всегда готовы напомнить собеседнику, что в Стамбуле и его пригородах сосредоточено едва ли не 70% всей промышленности страны, что на него приходится более половины объема ее торговли, что он дает стране 90% доходов от иностранного туризма, ибо подавляющее большинство туристов едет в современную Турцию именно для знакомства с городом на Босфоре и его памятниками. Вместе с тем Стамбул — крупнейший центр науки, просвещения и культуры Турецкой

Республики. Эмоциональный стамбулец, перечисляя эти доказательства бесспорного первенства Стамбула среди прочих турецких городов, не забудет ни памятников старины, ни первый турецкий университет, ни, наконец, особую красоту горожанок. Последний аргумент далеко не бесспорен, но и остальных доводов вполне достаточно для того, чтобы признать, что, уступив Анкаре — городу куда менее красивому и значительному — роль столицы, Стамбул не перестал быть первым городом страны.

А по своим достопримечательностям Стамбул сегодня — один из первых городов мира. Храм св. Софии и церковь Хора, десяток других крупных церквей и храмов византийского времени, обелиск Феодосия Великого, колонна Константина Порфирородного и Галатская башня, византийские водопроводы и водохранилища, византийские стены и башни, когда-то неприступные и грозные... Есть где разыграться воображению туриста! Наконец, множество памятников турецкого средневековья, в том числе соборные мечети — Эйюб и Мехмед Фатих, Сулейманийе и Ахмедийе, многие другие мечети, султанские дворцы Топкапы и Долмабахче, давно превращенные в музеи. Цветные открытки с видами Стамбула — один из самых ходовых товаров в старой части города, где сконцентрировано большинство исторических памятников.

Стамбул меньше таких городов-гигантов, как Токио или Нью-Йорк. Но по турецким масштабам его население огромно, и самое главное — оно продолжает быстро расти. Вот несколько цифр: 1968 г. — 2 млн. жителей, 1975 — 3 млн., в начале 80-х годов — 4,5 млн. Темпы роста впечатляющие. Но они же порождают массу социальных и бытовых проблем, которые явно не под силу решить муниципалитету.

Прежде всего это проблема жилья. Если приглядеться к Стамбулу чуть внимательнее, то станет видно, что добрая половина домов давно нуждается в ремонте. Деятели муниципалитета и не отрицают, что из 900 тыс. жилых домов половина ждет капитального ремонта, а есть немало зданий, которые ремонтировать и смысла нет. В бытовом отношении положение ничуть не лучше: водопровода в большинстве домов нет, газ имеет еще меньшее число жилых построек, а канализацию — только пятая часть домов. Электричество в Стамбуле — штука ненадежная, электроэнергия подается с перерывами.

Что касается отопления, то теплоцентрали для жилых домов здесь лишь мечта, а пока каждый дом имеет свою систему отопления, в старых же домах зимой в ходу допотопные мангалы на древесном угле.

Но и это не все. Жилье — вещь в Стамбуле очень дорогая. Приличная комната может стоить треть, а то и половину зарплаты рабочего или мелкого служащего. Такие деньги есть далеко не у всех, а крыша ночью — хотя бы и плохонькая — нужна каждому. Вот и нашли неимущие стамбульцы, как, впрочем, и жители других крупных турецких городов, своеобразное решение проблемы. Они сооружают геджеконду, что в переводе с турецкого означает «построенный за ночь». По турецким обычаям, власти не могут снести жилище, которое за одну ночь подведено под крышу. Вот и строят бедняки с помощью родных и друзей лачуги из всего, что есть под рукой. Обычно это старые доски или фанера, куски жести или ящики. Потом лачугу «благоустраивают», чтобы в ней можно было хоть как-то существовать, имея защиту от ветра, дождей и снега. Геджеконду в сегодняшнем Стамбуле занимают целые кварталы, причем не только на отдаленных окраинах гигантского города, территория которого превысила 300 кв. км. Эта цифра, в свою очередь, напоминает о транспортных проблемах Стамбула.

Еще несколько лет назад главнейшей диковинкой Стамбула был изящный висячий мост через Босфор. Тысячи стамбульцев собрались 20 февраля 1970 г. на азиатском его берегу на церемонию закладки моста, проекты которого долгое время казались утопией. Строили мост три года, финансирование осуществляли банки ряда стран, строительная техника и детали поступали из ФРГ, Англии, Франции и Италии. Автором проекта уникального сооружения был английский инженер Браун. Эксплуатация моста началась осенью 1973 г. Он стал по длине четвертым в мире — 1500 м при ширине 33,5 м и высоте над водами Босфора в 64 м. Мост быстро окупил затраты на его строительство. В 1977 г. уже был разработан проект второго такого моста, который должен войти в эксплуатацию в середине 80-х годов. Не успели стамбульцы привыкнуть к этому повешеству, позволившему избежать многочасового ожидания переправы через Босфор на традиционных паромках, как появилась новость еще более ошеломляющая. В феврале 1984 г. турецкая печать сообщила, что правительство

планирует строительство под Босфором автомобильного туннеля и туннеля для поездов метрополитена, который пока в проекте. Длина каждого из туннелей — 2 км, стоимость обоих проектов — 1 млрд. долл.

И снова — контрасты. Новейшая техника, сложные инженерные конструкции соседствуют с сотнями улиц и улочек, где и двум микролитражкам разъехаться — целая проблема. Во второй половине 70-х годов начата реконструкция городских магистралей, появились и первые современные транспортные развязки, но денег муниципалитета едва хватает на самые неотложные меры по ликвидации пробок автомобильного транспорта, который, как и во всем мире, растет катастрофическими темпами. Автобусов, троллейбусов и трамваев не хватает, и не только в часы пик. Поэтому пока самый популярный вид транспорта в Стамбуле — такси, которое именуется там «долмуш» («наполненный»), ибо его хозяин не начнет рейс, пока не загрузит свою машину (чаще всего микроавтобус) до отказа.

Тесно уживаются средневековые и день сегодняшней в городской торговле. Как и прежде, бойко торгует знаменитый Капалы Чаршы. Правда, ассортимент товаров во многом изменился, иной стала одежда покупателей и продавцов. Зато неизменными остались неповторимая атмосфера огромного восточного базара, приемы купли-продажи; сохранились и знаменитые ряды ювелиров. С крытым рынком и другими живущими по старинке базарами соседствуют крупные магазины и конторы торговых фирм, расположенные в современных зданиях из бетона, алюминия и стекла. Они торгуют самой современной техникой, включая электронную аппаратуру. Среди 50 тыс. купцов, состоящих членами стамбульской торговой палаты, имеется множество воротил, связанных с торговыми домами всех стран и континентов. В то же время тысячи людей заняты розничной, а порой и мелочной торговлей. Их заботы весьма далеки от проблем, волнующих обитателей элегантных офисов крупных фирм, акционерных обществ и банков. Кстати, в Стамбуле много разных банков — более 30 турецких, немало филиалов крупных европейских и американских. Их рекламы — едва ли не самая назойливая часть стамбульских рекламных щитов, плакатов и световой рекламы. Двери контор и отделений банков «демократично» открыты для всех. Но какой смысл открывать эти двери бесчисленным мелким торговцам, разносчикам

чая или кофе, грузчикам, чистильщикам обуви, большинство которых — 10—12-летние ребяташки.

Ребяташки-чистильщики — не случайное явление. Дети разносят покупки из магазинов и с рынков в дома богачей. Малыши, даже не подростки, гнутя под тяжестью пакетов с бельем или выглаженной одеждой для клиентуры многочисленных стамбульских гостиниц. Грустное зрелище, да и глаза у ребяташек грустные. Но они готовы на любую работу, только бы принести матери несколько лир. Они хорошо знают, как он достается — хлеб насущный. Немного веселеют маленькие труженики летом, когда толпы туристов заполняют Стамбул. Ожидая оплаченного поручения или просто надеясь получить сувениры, стайками крутятся они у знаменитых храмов, дворцов и мечетей, играя в нехитрые детские игры, наслаждаясь ветерком, дующим с моря. Вот тут наблюдаешь еще один из стамбульских контрастов. Туристы — хорошо, а порой и изысканно одетые, удивительно благополучные на вид, щелкающие дорогими фотоаппаратами и жужжащие кинокамерами. А им вольно или невольно позируют дети — бедно одетые, истощенные постоянным недоеданием, в глазах удивление ошеломляющей сытостью этих непонятных им людей. Но еще трагичнее сухие цифры. Около 200 тыс. детей в возрасте от 6 до 16 лет трудятся за гроши в мастерских и на предприятиях Стамбула. И еще одна цифра, вообще не требующая комментариев. В городе на Босфоре 10 тыс. беспризорных детей! Эту страшную реальность не затушевать ничем — ни спортивными клубами для молодежи, ни стадионами, ни множественном кинотеатрах, где всегда полно молодежи и подростков. Да, они доступны многим, но далеко не всем. Билет на футбольный матч или на новый кинофильм стоит десятки лир, а для ребенка из семьи, которая еле сводит концы с концами, эта сумма означает совсем не то, что для юного шалопаю из богатого дома.

Но тут сталкиваешься с новым контрастом — теперь уже в культурной жизни Стамбула. Кинотеатры вполне современные, но что в них показывают с помощью новейшей импортной киноаппаратуры? С экранов на зрителя обрушивается культивируемый американскими продюсерами сплав насилия и секса. Хотя турецких фильмов ежегодно выпускается более 200, не всегда можно даже разыскать кинотеатр, где они демонстрируются. Впрочем, подражание американским вестернам

наихудшего сорта очень заметно в этих фильмах, основательно начиненных восточным колоритом и мелодраматическими ситуациями, на которые столь падок простой зритель. Но его можно понять. Попав в кинотеатр, он хочет хоть на пару часов забыть о тяготах повседневной жизни.

И еще один, едва ли не самый поразительный контраст Стамбула — постоянно развивающееся промышленное производство и хроническая безработица. В городе немало крупных заводов и фабрик — только на предприятиях тяжелой промышленности работает более 500 тыс. человек. В Стамбуле расположены многие предприятия пищевой, текстильной и кожевенной, деревообрабатывающей и бумажной, химической и стекольной, полиграфической и судостроительной, металлообрабатывающей и электротехнической, строительной и цементной промышленности; на них трудятся почти 20% всех рабочих Турции. И при этом проблема занятости чрезвычайно остра. Тысячи людей согласны на любую работу в мелких кустарных мастерских (а их в городе уйма), готовы немедленно выполнить любое поручение, чтобы хоть что-нибудь заработать. Печальное зрелище представляет собой платформа стамбульского железнодорожного вокзала Сиркеджи, откуда несколько раз в неделю уже многие годы уезжают в Европу, преимущественно в ФРГ, большие группы молодежи, оказавшейся на родине лишними людьми. Сегодня в европейских странах трудится целая армия турецких рабочих — более миллиона человек. Правда, нет данных о том, сколько среди них жителей Стамбула. Наверняка немало, но разве в цифрах дело? Трагично положение людей, занятых поисками права на труд на чужбине.

Купить в Стамбуле можно решительно все, но сколько это стоит — вот в чем проблема. Цены очень высоки, и к тому же тенденция к росту у них невероятно устойчивая. А в фешенебельных магазинах одежды, обуви и других товаров на главном проспекте города Истикляль джаддеси (проспект Независимости) цены просто ошеломляют. Не теряющие чувства юмора ни при каких обстоятельствах стамбульцы шутят с грустью, что цены на товары, выставленные в витринах этих магазинов, обжигают, как огонь.

Сохранил ли Стамбул свой многонациональный облик? Судите сами. Если в прошлом греки и армяне составляли значительную часть населения, едва ли не

40%, то сегодня в городе с 4,5-миллионным населением насчитывается не более 80 тыс. армян и несколько десятков тысяч греков. Живут здесь и небольшие группы арабов и болгар, албанцев и лазов, евреев и поляков, французов и итальянцев. Но подавляющее большинство населения — турки. Национальная политика младотурок сказалась и на демографии Стамбула, в котором после депортаций армян и греков турецкая часть населения возросла очень основательно. Правда, Стамбул остается единственным городом Турции, где существуют армянские, греческие и еврейские школы и газеты и где представители этих народов занимают определенные позиции в торговле и особенно в сфере обслуживания. Все еще весьма заметна нетурецкая прослойка и в среде стамбульской интеллигенции — врачей и юристов, научных работников и архитекторов, художников и музыкантов.

Общественно-политическая жизнь Стамбула удивительно многолика. Здесь всегда функционировали отделения ведущих политических партий, крупные профсоюзные центры, молодежные организации. Рассказать об их деятельности — это значит, в сущности, начать разговор обо всей сложной и противоречивой политической жизни Турции, которая в последнюю четверть века была более чем бурной. Стамбул хорошо помнит майские дни 1960 г., когда мощные антиправительственные демонстрации студентов стали прелюдией к государственному перевороту, вызвавшему многие перемены в жизни страны. С тех пор Стамбул часто видел схватки студентов с полицией на территории университета, да и других учебных заведений, демонстрации рабочих и молодежи под лозунгами борьбы за элементарные человеческие права. Не раз происходили в городе и массовые выступления против американского военного присутствия, за выход Турции из НАТО. Порой такие демонстрации были непосредственной реакцией на заходы в стамбульский порт американских военных кораблей из числа тех, что охраняют «интересы» США в Средиземноморье. Но виделл улицы Стамбула и разнузданные сборища молодчиков из профашистских группировок и толпы людей, вдохновлявшихся правыми партиями религиозного толка. Их боевые группы нападали на профсоюзных и молодежных активистов, избивали, а порой и убивали прогрессивных политических деятелей.

На рубеже 60—70-х годов Стамбул, как и вся Тур-

ция, был ареной жесточайших схваток левых и правых экстремистов. Слова «анархия» и «анархисты» не сходили со страниц стамбульских газет и журналов, тюрьмы были переполнены. Впрочем, объявив формально войну террористам любого толка, полиция, жандармерия и военные власти направили основной удар против левых сил. Были изданы жестокие законы о шествиях, демонстрациях и собраниях, поставившие эти проявления общественной жизни под строжайший надзор правительственных комиссаров. Почти 15 лет политическую жизнь Стамбула, как и всей страны, контролировали, временами открыто, вооруженные силы. Армейское командование годами было высшей властью в городе, оказывая помощь жандармерии в подавлении любых массовых выступлений трудящихся, даже первомайских демонстраций. Военные транспортеры и усиленные воинские патрули — отнюдь не диковинка на стамбульских улицах. И все же, несмотря на закон о чрезвычайном положении, массовые антивоенные митинги, демонстрации протеста против дороговизны и против существования американских военных баз в Турции проходили в Стамбуле не раз и на рубеже 70—80-х годов. Когда же в сентябре 1980 г. произошел военный переворот и власть взяло в свои руки командование вооруженных сил, Стамбул стал одной из главных арен борьбы с экстремистами. Но борьба с террористами, которые погубили тысячи ни в чем не повинных людей, снова обернулась репрессиями против левых сил. Вместе с террористами всех мастей за решеткой оказались тысячи рабочих, профсоюзных и молодежных активистов, борцов за мир и социальную справедливость.

Многое, очень многое изменил наш век в древнем городе на Босфоре. Неизменными остались, пожалуй, лишь памятники старины, великолепный Босфор, который в древности недаром окрестили восьмым чудом света, и сама панорама Стамбула. Автору этих строк пришлось видеть Стамбул с борта авиалайнера, заходившего на посадку в международном аэропорту Ешилькёй, любоваться картиной его европейской части с борта босфорских паромов и из автомобиля, въезжая в город с самых разных сторон. Пожалуй, наибольшее впечатление производят панорама европейской части Стамбула со стороны Босфора и те виды, которые открываются взору, когда смотришь на самую старую часть Стамбула с противоположной стороны Золотого Рога, Кому-нибудь

Стамбул, быть может, покажется городом с сумбурной планировкой и застройкой, неким калейдоскопом памятников старины. Он действительно калейдоскопичен — современный Стамбул. Но в этом смешении архитектурных стилей и традиций, памятников самых разных эпох, даже в явной нерациональности планировки есть нечто цельное, делающее Стамбул, во всяком случае для историка, городом, имеющим законченный облик, свое лицо. Его создала таким сама история. Правда, у нее талантливый соавтор — природа, сотворившая здешние воды, землю и небо.

Разнообразен и многолик современный Стамбул. Ему можно посвятить отдельную книгу. Наша задача была иной — рассказать читателю об исторической судьбе этого удивительного города. Что же касается нескольких зарисовок жизни Стамбула, основанных преимущественно на личных впечатлениях автора, то у них цель особая. Пусть рассказ об истории древнего города в двух частях света не будет для читателя закончен. Пусть у него возникнет желание продолжить знакомство с городом, имя которому Византий — Константинополь — Стамбул.

ХРОНОЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

VIII—VI вв. до н. э.	Появление греческих колоний на берегах Пропонтиды и Босфора
660—657 гг. до н. э.	Основание Византия
493—479 гг. до н. э.	Византий под властью персидского царя Дария
479—469 гг. до н. э.	Византий под властью Спарты
469—411 гг. до н. э.	Византий в составе Афинского морского союза
411—409 гг. до н. э.	Византий вновь под властью Спарты
409—405 гг. до н. э.	Византий под властью Афин
405—389 гг. до н. э.	Новый период владычества Спарты в Византии
378—357 гг. до н. э.	Византий в составе Второго Афинского морского союза
340 г. до н. э.	Безуспешная осада Византия войсками Филиппа II Македонского
278 г. до н. э.	Разорение окрестностей Византия галатами
260 г. до н. э.	Неудачная попытка захвата Византия войсками селевкидского царя Антиоха
Конец III в. до н. э.	Война между Византием и Родосом
III в. до н. э.—II в. н. э.	Византий — независимый город-государство
196—198 гг. н. э.	Осада и разорение Византия войсками римского императора Септимия Севера
324 г.	Закладка нового города на территории древнего Византия римским императором Константином Великим
11 мая 330 г.	Церемония открытия новой столицы римлян, получившей название Константинополь
395 г.	Константинополь становится столицей Восточной Римской (Византийской) империи
V в.	Основание константинопольского университета
486 г.	Неудачная осада Константинополя войсками готов под предводительством Теодориха
532 г.	Восстание «Ника»

532—537 гг. 629 г.		Сооружение храма св. Софии Безуспешная осада Константинополя войсками аварского кагана
717—718 гг.		Неудачная осада Константинополя арабами
740 г.		Одно из самых значительных землетрясений в истории Константинополя
742 г. 821—822 гг.		Гражданская война в Византии Осада Константинополя войсками повстанцев во главе с Фомой Славянином
Первая половина X в.		Походы князей Олега и Игоря на Константинополь
989—990 гг.		Опустошительные землетрясения в Константинополе
1204 г.		Захват и разорение Константинополя крестоносцами
1261 г.		Восстановление власти византийцев в Константинополе
1394—1400 гг.		Блокада Константинополя войсками султана Баязида I
1422 г.		Неудачный штурм Константинополя султаном Мурадом II
1453 г., 6 апреля — 24 мая		Осада, штурм и взятие Константинополя войсками султана Мехмеда II Завоевателя
1457—1458 гг.		Стамбул (бывший Константинополь) становится столицей Османской империи
Вторая половина XV—XVI в.		Интенсивное строительство дворцовых зданий, крупных мечетей и медресе
1565 г.		Открытие армянской типографии
1627 г.		Основание греческой типографии
1703 г.		Бунт янычар
1729 г.		Открытие первой турецкой типографии
1730 г.		Восстание янычар и жителей Стамбула
1737 г.		Открытие первого турецкого светского учебного заведения — инженерно-артиллерийского училища
1807 г.		Бунты янычар против реформ султана Селима III
1826 г.		Мятеж янычар и ликвидация янычарского корпуса
1826 г.		Открытие военно-медицинского училища
30—60-е годы XIX в.		Тапзиматские реформы и создание новых государственных учреждений
40—70-е годы XIX в.		Создание ряда светских турецких специальных и средних учебных заведений

1861 г.	Создание первого Османского научно-общества
1868 г.	Открытие Галатасарайского лицея
1870 г.	Открытие первого университета
1876 г., май — декабрь	Стамбул — арена борьбы за конституцию
1876 г., 23 декабря	Провозглашение первой турецкой конституции
1877—1878 гг.	Работа первого турецкого парламента
1889 г.	Создание в стамбульском военно-медицинском училище первой ячейки младотурок
1896 г., август	Массовое избиение армян в Стамбуле
1908 г., 24 июля	Восстановление конституции в результате вооруженного выступления младотурок в Македонии
1908 г., ноябрь	Созыв нового парламента
1909 г., апрель	Антиконституционный мятеж и его подавление
1911 г., 1 мая	Первая маёвка рабочих Стамбула
1913 г., январь	Государственный переворот, совершенный младотурецким «триумвиратом»
1915 г.	Репрессии против армян и греков в Стамбуле
1918 г., ноябрь	Капитуляция Османской империи в первой мировой войне и оккупация Стамбула войсками Антанты
1923 г., октябрь	Полное освобождение Стамбула от иностранной оккупации в результате национально-освободительной борьбы турецкого народа в 1918—1923 гг. Перенесение столицы Турции из Стамбула в Анкару

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К.* Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса. Т. V. М., 1938.
- Маркс К.* Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса. Т. VI. М., 1939.
- Маркс К. и Энгельс Ф.** Действительно спорный пункт в Турции.— Т. 9.
- Маркс К.* Поражение правительства по финансовому вопросу.— Извозчики — Ирландия — Русский вопрос.— Т. 9.

---

* Далее произведения К. Маркса и Ф. Энгельса указаны по Сочинениям, 2-е изд., произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- Маркс К.* Секретная дипломатическая переписка.— Т. 10.
Маркс К. Объявление войны.— К истории возникновения восточного вопроса.— Т. 10.
Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией.— Т. 9.
Энгельс Ф. Диалектика природы.— Т. 20.
Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике.— Т. 17.
Ленин В. И. События на Балканах и в Персии.— Т. 17.
Ленин В. И. Государство и революция.— Т. 33.

Источники

- Анасян А. С.* Армянские источники о падении Византии. Ер., 1957.
Базили К. Очерки Константинополя. Ч. I—II. СПб., 1835.
Базили К. Босфор и новые очерки Константинополя. Ч. I—II. СПб., 1836.
Вальш Р. Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену. Пер. с франц. СПб., 1829.
 Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя.— Византийский временник. Т. VII, 1953.
 Две византийские хроники X века. М., 1959.
 Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил В. Р. Розен. СПб., 1883.
 Историки Рима. Переводы с латинского. М., 1970.
 Книга епарха. Пер. с греч. М. Я. Сюзюмова. Свердловск, 1949.
Смирнов В. Турецкая цивилизация, ее школы, софты, библиотеки, книжное дело (из поездки в Константинополь летом 1875 г.).— Вестник Европы. 1876, кн. 8—9.
Теплов В. Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе (записки очевидца). СПб., 1897.
 Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977.
Чихачев П. А. Письма о Турции. Пер. с франц. и предисл. В. В. Цыбульского. М., 1960.
Ahmed Refik. Hicri on ikinci asirda Istanbul hayatı (1100—1200). Istanbul, 1930.
Evliya Çelebi siyahatnamesi. Cilt 1. Istanbul, 1314 (1897) (араб. шрифт).

Исследования и литература

- Аджян А. А.* Ремесленная промышленность Константинополя в первой половине XVII в. (Тезисы диссертации). М., 1936.
Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., 1972.
Алькаева Л. О. Творчество Халида Зии Ушаклыгиля. М., 1956.
Антоний. Путеводитель по Константинополю. Ярославль, 1888.
Барт А. Царьград и его окрестности. Пг., 1915.
Безобразов П. Очерки византийской культуры. Пг., 1918.
Брунов Н. И. Архитектура Константинополя IX—XII вв.— Византийский временник. Т. II (XXVII). М.—Л., 1949.
Васильев А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900.
Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902.

- Виппер Р.* Очерки истории Римской империи. [Б. м.], 1923.
 Всемирная история. Т. I—VIII. М., 1956—1961.
- Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983.
- Гордлевский В. А.* Очерки по новой османской литературе.— Избранные сочинения. Т. II. М., 1961.
- Горянов Б. Т.* Восстание зилотов в Византии (1342—1344).— Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946, т. III, № 1.
- Дестунис Г. С.* Историко-географический очерк сухопутных стен Константинополя.— Труды VI Археологического съезда в Одессе. Т. III. Одесса, 1887.
- Дестунис Г. С.* Очерки Константинополя.— Вестник имп. Географического общества. Ч. 19. СПб., 1857.
- Диль Ш.* Византийские портреты. Ч. 1—2. Харьков, 1909—1911.
- Дранов Б. А.* Черноморские проливы. М., 1948.
- Древняя Греция.* М., 1956.
- Еремеев Д. Е.* На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках. М., 1980.
- Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М., 1971.
- Еремеев Дм.* Страна за Черным морем. М., 1968.
- Желтяков А. Д.* Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972.
- Желтяков А. Д., Петросян Ю. А.* История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М., 1965.
- Заборов М. А.* Крестonosцы на Востоке. М., 1980.
- Заборов М. А.* Папство и захват Константинополя крестonosцами в начале XIII в.— Византийский временник. Т. V. М., 1952.
- Инджикян О. Г.* Буржуазия Османской империи. Ер., 1977.
- История Византии.* Т. 1—3. М., 1967.
- История древнего Рима.* М., 1971.
- Кондаков Н.* Византийские церкви и памятники Константинополя.— Труды VI Археологического съезда в Одессе. Т. III. Одесса, 1887.
- Константинополь и турки.* Ч. I—II. СПб., 1841.
- Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952.
- Кроуфорд Ф. М.* Константинополь. Пер. с англ. СПб., 1899.
- Курбатов Г. Л.* Византия в VI столетии. Л., 1959.
- Курбатов Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971.
- Кучин В. В.* К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки (602—610).— Византийские очерки. М., 1977.
- Левченко М. В.* Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.— Византийский временник. Т. I (XXVI). М., 1947.
- Левченко М. В.* Захват турками Константинополя в 1453 г. и исторические последствия этого события.— Византийский временник. Т. VII. М., 1953.
- Левченко М. В.* История Византии. М.—Л., 1940.
- Липшиц Е. Э.* Византийский ученый Лев Математик.— Византийский временник. Т. II (XXVII). М.—Л., 1949.
- Липшиц Е. Э.* К вопросу о городе в Византии VIII—IX вв.— Византийский временник. Т. VI. М., 1953.
- Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX вв. М.—Л., 1961.
- Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.

- Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.
- Мейер М. С.* Восстание городских цизов Стамбула в 1730 г.— Народы Азии и Африки. 1963, № 4.
- Миллер А. Ф.* Мустафа-паша Байрактар (Оттоманская империя в начале XIX века). М.—Л., 1947.
- Миллер Ю.* Искусство Турции. М.—Л., 1965.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. I—V. М., 1936—1949.
- Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1958.
- Новичев А. Д.* История Турции. Т. I—IV. Л., 1963—1978.
- Новичев А. Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.—Л., 1937.
- Новичев А. Д.* Экономика Турции в период мировой войны. М.—Л., 1935.
- Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953.
- Петросян Ю. А.* Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971.
- Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию в Турции. М., 1958.
- Петросян Ю. А., Юсупов А. Р.* Город на двух континентах. Византий — Константинополь — Стамбул. Изд. 2-е, исправленное. М., 1981.
- Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964.
- Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.— Византийский временник. Т. I (XXVI). М., 1947.
- Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946.
- Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951.
- Пиотровский С.* Свет и тени Турции. М., 1981.
- Познаньска К.* Старая и новая Турция. Пер. с польск. М., 1974.
- Полевой В. М.* Искусство Греции. М., 1973.
- Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. Пер. с англ. М., 1983.
- Рафигов А. Х.* Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973.
- Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917.
- Сергеев А. С.* Очерки по истории древнего Рима. Ч. 1—2. М., 1959.
- Скржинская Е. Г.* Генуэзцы в Константинополе.— Византийский временник. Т. I (XXVI). М., 1947.
- Смирнов В.* Официальная Турция в лицах.— Вестник Европы. 1878, кн. 1—2.
- Соколов Н. П.* Венецианская доля в византийском «наследстве».— Византийский временник. Т. VI. М., 1953.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. I. М., 1959.
- Стамбулов В.* Намык Кемаль. М., 1935.
- Сюзюмов М. Я.* Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в.— Византийский временник. Т. IV. М., 1951.
- Теплов В.* Русские представители в Царьграде. 1496—1891. Исторический очерк. СПб., 1891.

- Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX веков. Пер. с болг. М., 1976.
- Турецкая Республика. Справочник. М., 1975.
- Убичини А., Куртейль П. де.* Современное состояние Османской империи. Пер. с франц. СПб., 1877.
- Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа (типологические наблюдения).— Византийские очерки. М., 1977.
- Удальцова З. В.* Дипломатия ранней Византии.— Вопросы истории. 1983, № 12.
- Удальцова З. В.* Законодательные реформы Юстиниана.— Византийский временник. Т. XXVI. М., 1965.
- Удальцова З. В.* Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания.— Византийский временник. Т. VII. М., 1953.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. I. СПб., 1914; т. II, ч. 1. Пг., 1917; т. III. М.—Л., 1948.
- Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892.
- Фадеева И. Е.* Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.
- Федорова Е. В.* Императорский Рим в лицах. М., 1979.
- Франчес Э.* Народные движения осенью 1354 г. в Константинополе и отречение Иоанна Кантакузина.— Византийский временник. Т. XXV. М., 1964.
- Цветков П.* Турция и ислам при Абдул Гамиде. [Б. м.], [1910].
- Чекалова А. А.* Восстание Ника и социально-политическая борьба в Константинополе в конце V — первой половине VI в.— Византийские очерки. М., 1977.
- Шабанов Ф. Ш.* Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата. Баку, 1967.
- Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции (1918—1923). М., 1966.
- Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М., 1977.
- Эллис У. С.* Город в двух частях света.— Вокруг света. 1975, № 4.
- Эссад Дж.* Константинополь. М., 1919.
- Юзбашян К. Н.* Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и четвертый крестовый поход. Ер., 1957.
- Юсупов А. Р.* Стамбул. М., 1970.
- de Amicis Ed.* Constantinopoli. Milano, 1879.
- Babinger F.* Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953.
- Barth H.* Konstantinopel. Lpz.—B., 1901.
- Berkes N.* The Development of Secularisin in Turkey. Montreal, 1964.
- The Bizantine Churches of Istanbul. A Photographic Survey. Thomas F. Mathews. [Б. м.], 1976.
- Bizantinische Baudenkmäler zu Konstantinopel. Von Karl Wulzinger. Hannover, 1925.
- Celâl M.* Eski Istanbul yasayisi. Istanbul, 1946.
- Constantinople ancienne et moderne, illustrés d'après dessins pris sur le lieu, par Thomas Allom, précédées d'un essai historique sur la Constantinople et de la description des monuments de Constantinople et des sept églises de l'Asie Mineure, par Léou Galibert et C. Pellé. Londres, [б. г.].
- Davison R. H.* Reform in the Ottoman Empire, 1856—1876. Princeton, 1963.

- Diez Er.* Alt-Konstantinopel. München, 1920.
- Димитров С., Манчев К.* История на балканските народи, XV—XIX век. София, 1974.
- Ebersolt I.* Constantinople Byzantine et les voyageurs du Levant. P., 1919.
- Fesch P.* Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid. P., 1907.
- Findley C.* Bureaucratic Reform in Ottoman Empire. The Sublime Porte, 1789—1922. Princeton, 1980.
- Gantier Th.* Constantinople. P., 1854.
- Hammer I.* Constantinopolis und der Bosphoros. Bd. I—II. Pesth, 1822.
- Janin R.* Constantinople byzantine. Developpment urbain et repertoire topographique. P., 1950.
- Jongiere V.* Histoire d'Empire Ottoman. Vol. 1—2. P., 1914.
- Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. I—V. Gotha, 1908—1913.
- Karal B. Z.* Osmanli tarihi. Cilt V—VIII. Ankara, 1947—1962.
- Labarte I.* Le palais impérial de Constantinople et ses abords. P., 1861.
- Mantran R.* La vie quotidienne à Constantinople au temps de Soliman le Magnifique et de ses successeurs (XVI et XVII siècles). P., 1965.
- Mordtmann M.* Die Belagerung und Eroberung Constantinopels durch die Türken im Jahre 1453. Stuttgart, 1858.
- Shaw St. I.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge, 1976.
- Schlumberger G.* La siège, la prise et la sac de Constantinople par les turcs en 1453. P., 1914.
- Siruni H. Dj.* La nom de la ville de Constantinople dans les textes arméniens et turcs.—Studia et Acta Orientalia. Vol. III. 1960. Bucarest, 1961.
- Stambul und das moderne Türkentum, von einem Osmanen.* Bd. I—II. Lpz., 1877—1878.
- Sumner-Boyd H., Freely I.* Strolling through Istanbul. Istanbul, 1973.
- Uzunçarsili J. H.* Osmanli devleti teskilâtlarından kapukulu ocaklari. Cilt I—II. Ankara, 1943—1944.
- Uzunçarsili J. H.* Osmanli tarihi. Cilt I—IV. Ankara, 1947—1963.
- Walter G.* La vie quotidienne à Byzance au siècle des Comnènes (1081—1185). P., 1966.
- Werner E., Markov W.* Geschichte der Türken von den Anfängen bis zur Gegenwart. B., 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
Мегарские колонисты на Босфорском мысу	5
Глава II	
На перекрестке путей торговых и военных	12
Глава III	
«Новый Рим» на берегах Пропонтиды	32
Глава IV	
Вска славы и испытаний	51
Глава V	
Катастрофа 1204 года. Константинополь в руках крестоносцев	94
Глава VI	
Падение Константинополя и гибель Византии	115
Глава VII	
Столица османских султанов	134
Глава VIII	
Стамбул средневековый	158
Глава IX	
Время перемен на берегах Босфора	184
Глава X	
Стамбул на рубеже столетий	204
Контрасты наших дней (вместо заключения)	223
Хронология важнейших событий	232
Использованные источники и литература	235

Юрий Ашотович Петросян
ДРЕВНИЙ ГОРОД
НА БЕРЕГАХ БОСФОРА
Исторические очерки

Редактор *И. М. Дижур*. Младший редактор *Н. Н. Комарова*. Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Н. В. Морозова*
OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г. Хайфа
ИБ № 15379

Слано в набор 28.11.85. Подписано к печати 15.04.86. А-03724. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Вкл. отпечатана на офсетной бум. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 12,6+ + 1,26 вкл. Усл. кр.-отт. 14,49. Уч.-изд. л. 14,79. Тираж 50 000 экз. Изд. № 5917. Заказ 1311. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
103473, Москва П-473, Краснопролетарская, 16.

ДРЕВНИЙ ГОРОД НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

Немного на нашей планете городов, история которых насчитывает более 25 веков. И еще меньше древних городов, чья биография была бы столь тесно связана с судьбами многих государств и народов, как у Византия — Константинополя — Стамбула — города в двух частях света, со-

руженного самой историей моста между Востоком и Западом. Перелистывая страницы его удивительной истории, можно совершить путешествие в далекое прошлое, которое позволяет отчетливо осознать всю силу человеческого созидания и гибельность войны для цивилизации.

